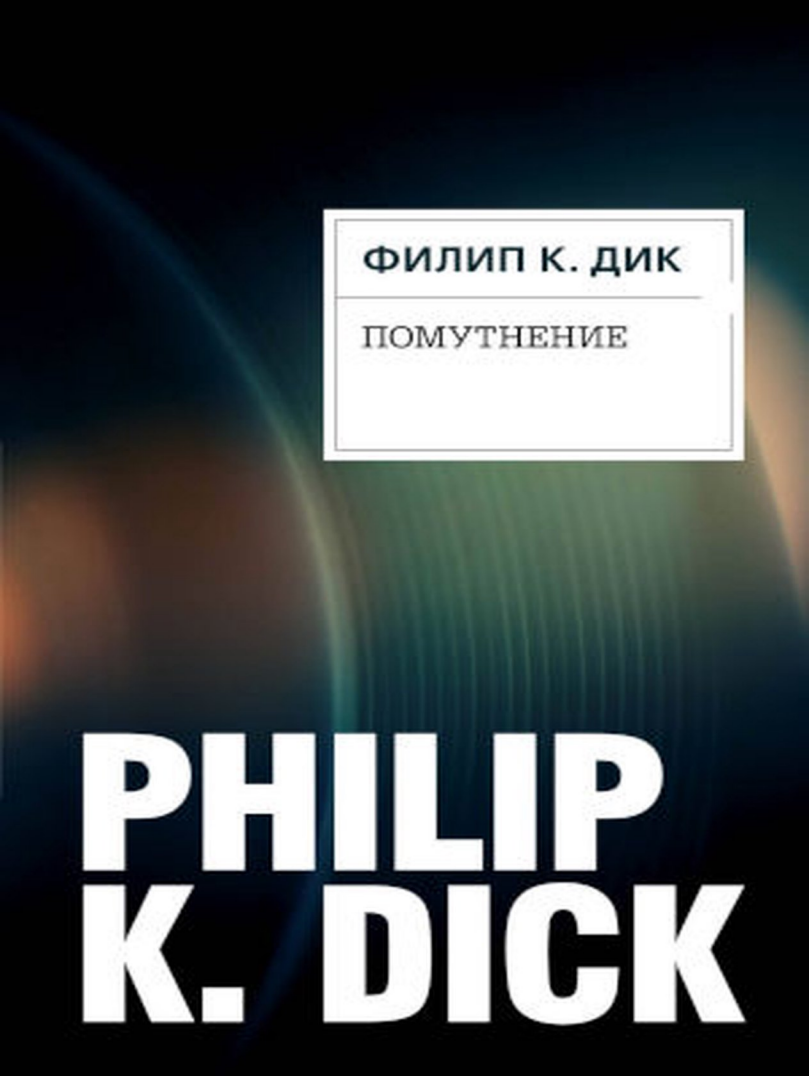

ФИЛИП К. ДИК
ПОМУТНЕНИЕ
PHILIP
K. DICK

Помутнение
Филип Киндред Дик

Аннотация
Филип К. Дик. Помутнение
СТРАШНАЯ СКАЗКА, СТРАШНАЯ ПРАВДА
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
От автора

Аннотация

В мире недалекого будущего получает распространение новый мощный наркотик — препарат "С". Агент Фред, полицейский под прикрытием, получает задание выследить мелкого поставщика опасного вещества — наркомана Боба Арктора. Но правда ли это? Или агент Фред — это просто игра воспаленного разума Боба? Кто есть кто теперь, когда границы реальности так зыбки? Роман получил премию Британской ассоциации научной фантастики в 1979 году и был экранизирован Ричардом Линклейтером в 2006 году.

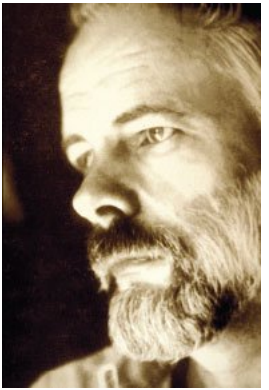
Филип К. Дик
Помутнение

Philip K. Dick
A SCANNER DARKLY
© 1977, Philip K. Dick. All rights reserved

© В. Баканов, А. Круглов, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Филип К. Дик (1928–1982) — американский писатель, ставший классиком мировой литературы благодаря своему неповторимому стилю, оригинальным научным концепциям, которые легли в основу его парадоксальных сюжетов, и исключительно тонкому психологизму. Творчество Дика теснейше сплелось с его биографией, до предела наполненной противоречиями и загадками, — порой невозможно отличить вымысел от того, что действительно происходило с автором.

Гениальнейший писатель-фантаст в мире.

Джон Браннер

Дик показывает все те пугающие перспективы, которых старательно избегают другие авторы.

Пол Уильямс, Rolling Stone

Величайший экстраполятор всех страхов современности.

New York Daily News

СТРАШНАЯ СКАЗКА, СТРАШНАЯ ПРАВДА

В 1347 году Хорхе Луис Борхес опубликовал рассказ Deutsches Requiem — «Немецкий реквием», — после которого на него мгновенно набросились с обвинениями едва ли не в сочувствии к нацизму. Впрочем, обвинения были тем яростнее, чем менее обвинители были способны опровергнуть основной тезис: Вторая мировая воина оставила необратимые последствия. Третий рейх был явлением настолько запредельным для носителей традиционной морали, что для борьбы с ним самой морали пришлось измениться, сделать допустимым и позволенным то, о чем до сих пор невозможно было и помыслить. Не так уж важно, в конечном счете, кто победил, раз «на Земле будет отныне царить сила, а не рабий христианский страх», — а именно этого нацисты и добивались.

Победители вернулись, инфицированные побежденными, с уверенностью в том, что они, победители Дракона, отныне правы во всем и что никакая правота не стоит ничего, если она не подкреплена грубой силой. Но победивший

Дракона всегда рискует тем, что может превратиться в Дракона сам. Впрочем, это мысль уже не Борхеса, а Шварца.

Концепция, безусловно, спорная и по-литературному гиперболизированная. Однако без оглядки на нее мы никогда не сможем понять, почему дети победителей, войдя в возраст, первым делом подняли бунт против отцов, прошедших через ад.

«Шестидесятые» Америки были временем без морали, сгоревшей в пожарах мировой воины; временем, когда торжество прагматичной силы толкало человечество к ядерному апокалипсису — а СМИ вовсю трубили о необходимости новых бомб и ракет; когда на смену едва затухшей Корейской войне готовился прийти Вьетнам. Времени, когда бессмысленная жестокость стала не просто допустимой, а само собой разумеющейся.

«ЕСЛИ БЫ Я ЗНАЛА, ЧТО ОНО БЕЗОБИДНОЕ, Я БЫ УБИЛА ЕГО САМА». Эти слова, которые в «Помутнении» произносит молодая девушка «из приличных», полностью встроенная в окружающий ее социум, исчерпывающе описывают и этот социум, и то, почему герои Дика не желают иметь с ним ничего общего. Та причина, по которой шестидесятые стали временем, когда колоссальное

количество молодых людей отказались вписываться в предназначенные им «уверенными папами» рамки. Отказались от будущего, в котором они могли стать исключительно винтиками предельно рациональной машины — и ничем более. Впрочем, о поколении «детей победителей› написано предостаточно.

Новое поколение, не желающее принимать мир таким, каков он есть, и не имеющее средств для его изменения, просто ушло. В толкиновский бум и в рок-н-ролльное веселье, в хипповские коммуны и в свободную любовь, во всевозможную эзотерику — и да, в наркотический дурман.

Реальность «Помутнения» — это шестидесятые, растянувшиеся до бесконечности, причем не только для центральных персонажей. Кстати сказать, датировать события романа удается с легкостью: Роберт, главный герой, однажды обмолвился, что родился в 1962 году. Учитывая, что ему примерно тридцать пять лет, получаем вторую половину 90-х. Для нас это уже прошлое, причем совсем иное, так что из антиутопии книга давно перешла в ведение «альтернативной истории» — не потеряв при этом своей шокирующей актуальности.

Надо сказать, что мир спустя полтора десятка

лет (роман написан в 1972-м) не слишком переменился даже с учетом специфического образа жизни персонажей. Достаточно отметить, что для связи по-прежнему используются уличные телефоны-автоматы. Научно-технический прогресс ограничился разве что появлением костюма-болтуньи, обеспечивающего надевшему его полную анонимность, да загадочного цефалохромоскопа, любимой игрушки Роберта Актора.

Между прочим. Если об устройстве и назначении пресловутого цефалохромоскопа споры не утихают с момента выхода романа и по сей день (можно лишь предполагать исходя из названия, что он способен проецировать в мозг некие цветные калейдоскопические образы), то «болтунья» — потрясающая авторская находка. Именно с выступления секретного агента, чья внешность скрывается под этим костюмом, начинается роман.

Подлинная личность героя скрыта, как будет она скрыта от читателя, в общем, до самого конца. Человек, чьи лицо и фигура растворены, вытеснены сотнями тысяч фрагментов других лиц и фигур. Что это? Метафора невидимого стража всего человечества, которым может оказаться любой? Этакий супергерой, живущий бок о бок

с нами, обычный парень, способный в мгновение ока встать на борьбу со злом? Или наоборот — человек, безнадежно потерявший свое «я» в потоке постоянно меняющихся личин? А может быть, и то и другое разом, одновременно? Полагаю, и на этот вопрос читателю лучше ответить самостоятельно.

И, конечно, препарат С. Препарат Смерть. Наркотик чудовищно разрушительной силы, на котором в романе «сидят» все. Впрочем, его прототипом, разумеется, был героин. Проще всего было бы отнести «Помутнение» к одной из историй об ужасах наркомании, продолжающей череду предостережений, начатую еще в 1822 году Томасом де Куинси «Исповедью англичанина, употреблявшего опиум» и продолженную многими последующими поколениями литераторов. Однако Дик не был бы Диком, ограничься он лишь этим смысловым слоем.

Начнем с названия. Здесь имеется в виду вовсе не помутнение сознания в результате применения соответствующих веществ, как можно было бы подумать. Речь идет ни много ни мало о библейской аллюзии — словах апостола Павла о том, что человек видит мир «как бы сквозь тусклое стекло», а подлинная картина проясняется лишь

после смерти. Собственно, роман именно об этом: истина открывается герою только в самом конце, когда от него самого уже практически ничего не остается.

Итак, агент Фред под личиной Роберта Арктора внедряется в среду наркоманов. Он в стане врага, он выглядит и действует как враг — ба, да это же штандартенфюрер СС Отто фон Штирлиц в новой своей инкарнации! Этот пласт — шпионско-детективный — вообще, как правило, ускользает от исследователей романа Дика. Между тем именно на этом плане автор обосновывает тот факт, что в едином теле фактически уживаются два абсолютно разных и даже антагонистических человека. Фред не притворяется Робертом, попав в его квартиру. Он становится им, полностью меняя и манеру поведения, и ценностный набор, и вообще все то, что определяет личность. Однако вот наркоман Роберт выходит из дому. Проходит несколько десятков метров, отделяющих его от телефонной будки. Заходит внутрь. И агент Фред снимает трубку, набирает номер, готовый сделать доклад о своих наблюдениях за «нехорошей квартирой» и ее обитателями — один из которых, некто Роберт Арктор, кажется ему особо подозрительным... Ситуация, с одной стороны,

совершенно шизофреническая, к тому же усугубленная регулярным приемом незаконных препаратов. С другой — только так и может работать глубоко законспирированный разведчик.

Однако если Фред может лишь наблюдать за Робертом, по мере сил стараясь вывести его на чистую воду, то возможности Роберта куда шире — учитывая, что принимаемый им «препарат С» действует на их общий организм.

По ходу действия романа мы видим, как личность Фреда претерпевает изменения, постепенно разрушаясь — пока наконец сама возможность исполнения им своих профессиональных обязанностей не становится сомнительной. И тогда... впрочем, о перипетиях этой драмы читателю куда интереснее будет узнать самому, чем в моем неуклюжем пересказе.

Главное то, что наконец происходит долгожданный катарсис: обе личности сливаются в единое целое. Фред исчезает — но не раньше, чем Роберт Арктор завершает свою метаморфозу, после которой от него не остается даже имени. Роберт больше не нуждается в маске Фреда, ему больше не надо скрывать свою сущность наркомана, чтобы сохранять статус в среде «приличных», служа которым он и превратился в то,

чем стал. Его миссия завершена, он довел свое расследование до конца. Теперь он знает, кто, зачем и где выращивает «препарат С». Понимает, как устроена вся система этого производства, — но происходит это лишь тогда, когда он становится частью Системы.

Точнее — не раньше, чем осознает, что всегда был ее частью. И даже то, что вконец ополоумевший наркоман Баррис с его бредовой теорией о том, будто «препарат С изготавливается в некой стране, которая намерена расправиться с США», был в известной степени прав. Впрочем, к этому моменту самого Роберта уже тоже нет: есть Брюс, несчастнейшее и в то же время абсолютно умиротворенное существо, которое в конце своего пути получает ответы на все вопросы. Вот только ни эти, ни какие-либо другие вопросы его больше уже не волнуют. Как и было обещано названием, мир из тусклого, «помутненного» становится ясным, принимает подлинный вид — пусть даже вид этот ужасен, ведь взгляд на него — взгляд из ада.

На этом заканчивается история персонажа — но не история вообще. Работающие под личиной наркоманов агенты следуют тем же путем, с тем же предсказуемым финалом. Колесо продолжает

свое вращение, не оставляя ни малейшего шанса на то, что появится кто-то, способный остановить его. Человеческая жизнь превращается в единый, бесконечно повторяющийся день с его полным надежд рассветом, разрушительными испытаниями дня, вечерней разбитостью и неизбежной чернотой ночи. И так будет всегда, потому что именно так работает Система. И это еще один сквозной образ в творчестве Филипа Дика — образ государства-Молоха, длящего свое существование за счет монотонной переработки лучших в ничтожнейших.

И последнее.

«Помутнение» завершается списком тех, кому посвящен роман. Это имена реальных людей, испытавших на себе разрушительное воздействие наркотиков, с кратким резюме их дальнейшей судьбы. Для большинства таким резюме стала сухая констатация: «нет в живых». Так вот. В этом списке, который в своей беспощадной правдивости куда страшнее любого, самого изощренного вымысла, есть и такая строка: «Фил — необратимые изменения поджелудочной железы». Спустя пять лет после написания «Помутнения» именно эти изменения свели Филипа Киндреда Дика в могилу.

И с полным основанием можно сделать поправку: «Фил — нет в живых».

Аркадий Рух

Глава 1

Жил на свете парень, который целыми днями вытряхивал из волос букашек. Терпя от них неслыханные мучения, он простоял как-то восемь часов под горячим душем — и все равно букашки оставались в волосах и вообще на всем теле. Через месяц букашки завелись в легких.

Не в силах ничего другого делать и ни о чем другом думать, он начал исследования жизненного цикла букашек и с помощью энциклопедии попытался определить, какой конкретно тип букашек его одолевает. К этому времени букашки заполонили весь дом. Он проработал массу литературы и наконец решил, что имеет дело с тлей. И с тех пор не сомневался в своем выводе, несмотря на утверждения знакомых: мол, тля не кусает людей…

Бесконечные укусы превратили его жизнь в пытку. В магазине «7–11», одной из точек бакалейно-гастрономической сети, раскинутой почти по всей Калифорнии, он купил аэрозоли «Рейд», «Черный флаг» и «Двор на замке». Сперва опрыскал дом, затем себя. «Двор на замке» подей-

ствовал лучше всего.

В процессе теоретических поисков тот парень выделил три стадии развития букашек. Во-первых, они были с целью заражения занесены к нему теми, кого он называл «людьми-носителями». Последние не осознавали своей роли в распространении букашек. На этой стадии букашки не обладали челюстями, или мандибулами (он познакомился с этим словом в результате многонедельных академических изысканий — весьма необычное занятие для парня, работавшего в мастерской «Тормоза и покрышки» на смене тормозных колодок). Люди-носители, таким образом, не испытывали неприятных ощущений.

У него появилась привычка сидеть в углу своей гостиной и с улыбкой наблюдать за входящими людьми-носителями, кишащими тлей в данной «некусательной» стадии.

— Ты чего скалишься, Джерри? — спрашивали они.

А он просто улыбался.

На следующей стадии букашки отращивали крылья или что-то типа того, в общем, какие-то специальные отростки, которые позволяли тлям роиться — таким способом они распространялись, попадая на других людей, особенно

на Джерри. Теперь эти твари так и клубились в воздухе — в гостиной и во всем доме. Джерри старался не вдыхать их.

Больше всего ему было жаль собаку: он видел, как зловредные насекомые садятся на нее, покрывая сплошным ковром, — и тоже наверняка попадают в легкие. Джерри чувствовал, что бедный пес страдает не меньше его самого. Может, отдать его кому-нибудь, чтобы не мучился? Нет, решил он, нет смысла, собака все равно заражена, и букашки останутся при ней.

Иногда он брал собаку под душ, стараясь отмыть и ее. Но душ не приносил облегчения. У Джерри сердце разрывалось от мук животного, и он повторял попытки снова и снова. Пожалуй, это было самое тяжелое — страдания бессловесной твари.

— Какого черта ты торчишь под душем с чертовой собакой? — спросил однажды Чарлз Фрек, приятель Джерри, застав его за этим занятием.

— Я должен извести тлей, — ответил Джерри, вынося Макса из душа и доставая полотенце. Чарлз Фрек изумленно смотрел, как он втирает в шерсть пса детский крем и тальк.

По всему дому валялись баллончики аэрозолей, бутылки талька и банки крема. Большей частью

пустые — каждый день их требовалось невероятное количество.

— Я не вижу никаких тлей, — заметил Чарлз. — Какая такая тля?

— В конце концов она тебя прикончит, — мрачно буркнул Джерри. — Вот что такое тля. Ее полно в моих волосах, и на коже, и в легких. Боль невыносимая — мне, наверное, придется лечь в больницу.

— Как же это я их не вижу?

Джерри отпустил собаку, закутанную в полотенце, и встал на колени перед ворсистым ковриком.

— Сейчас покажу, — пообещал он.

Коврик кишел букашками: они повсюду скакали и прыгали — вверх-вниз, вверх-вниз, одни повыше, другие пониже. Джерри искал самую крупную особь, так как его гости почему-то с трудом могли их рассмотреть.

— Принеси мне бутылку или банку. Там, под раковиной. Потом я отволоку их доктору для анализа.

Чарлз Фрек принес банку из-под майонеза. Джерри продолжал поиски, и наконец ему попалась тля длиной в дюйм, подпрыгивающая по крайней мере на четыре фута. Он поймал ее,

бережно опустил в банку, завернул крышку и торжествующе спросил:

— Видишь?!

— У-у-у, — протянул Чарлз Фрек, широко раскрыв глаза. — Ну, здоровая…

— Помоги мне отловить еще, для доктора, — попросил Джерри.

— Само собой, — сказал Чарлз и тоже опустился на колени.

За полчаса они набрали три полные банки букашек. Фрек, хоть и новичок в таких делах, поймал, пожалуй, самых крупных.

Все это происходило в июне 1994 года в Калифорнии, в одном из дешевых, но пока не покосившихся домов из пластика, давным-давно брошенных добропорядочными. Джерри еще раньше покрыл окна металлической краской — чтобы не проникал солнечный свет. Комнату освещали горящие круглосуточно яркие лампы. Ему это нравилось: он не любил следить за ходом времени. Так можно было сосредоточиться на важных делах, не боясь, что тебе помешают. Например, ползать сколько угодно на коленях по ковру, наполняя букашками банку за банкой.

— А что мы получим? — спросил Чарлз Фрек. — В смысле, за них положена премия или как? Док

отвалит монету?

— Мой долг — найти способ лечения, — сказал Джерри.

Боль, не ослабевавшая ни на минуту, становилась невыносимой — он так и не привык к ней и знал, что никогда не привыкнет. Его охватило непреодолимое желание снова принять душ.

— Слушай, друг, — выдохнул Джерри, разгибая спину. — Ты продолжай, а мне надо отлить. И вообще. — Он двинулся в ванную.

— Ладно. — Чарлз неловко повернулся, стоя на коленях, покачнулся, но не выпустил очередную тлю из рук и затолкал ее в банку — координация у него пока еще была неплохая. А потом добавил неожиданно: — Джерри, эти букашки… мне от них как-то не по себе. Я не хочу оставаться здесь один. — Он поднялся на ноги.

— Трусливый ублюдок, — задыхаясь от боли, выдавил Джерри, остановившись на секунду на пороге ванной.

— А ты не мог бы…

— Я должен отлить! — Он захлопнул дверь и крутанул кран.

— Мне страшно! — в панике завопил Чарлз Фрек. Его голос был едва слышен из-за шума воды.

— Тогда пошел на хрен! — заорал Джерри и ступил под душ. На кой черт нужны друзья, с горечью подумал он. Какой в них смысл?

— Эти сволочи кусаются? — закричал под дверью Чарлз.

— Да! — ответил Джерри, втирая в волосы шампунь.

— Я так и думал. — Он помолчал. — Можно я помою руки, выйду с банками на улицу и подожду тебя снаружи?

Дрянь паршивая, с горькой яростью подумал Джерри, но не ответил, а продолжал мыться. Ублюдок не заслуживал ответа… К черту Чарлза Фрека, надо заниматься собой, своими собственными проблемами — огромными, смертельными, неотложными. Все остальное подождет. Скорее, скорее, откладывать нельзя! Все остальное не важно. Вот только собака… как быть с Максом…

* * *

Чарлз Фрек позвонил одному типу, у которого, как он надеялся, мог быть запас.

— Можешь дать мне десяток смертей?

— Да у меня хоть шаром покати, самому позарез нужно. Ты свистни, если набредешь на что-нибудь.

— А что с поставками?

— Не знаю, может, накрыли.

Чарлз повесил трубку и по пути от телефонной будки — никогда не делай закупочных звонков из дома — до машины быстро прокрутил один глюк. В этой фантазии он ехал мимо дешевой аптеки Трифти и увидел колоссальную витрину: бутылки медленной смерти, банки медленной смерти, склянки, и канистры, и бидоны, и цистерны медленной смерти, миллионы таблеток, и капсул, и доз медленной смерти, медленной смерти, смешанной с «рапидами»,[1] и барбитуратами, и психоделиками,[2] — и гигантская вывеска: НИЗКИЕ-НИЗКИЕ ЦЕНЫ, САМЫЕ НИЗКИЕ В ГОРОДЕ.

На самом деле в витрине Трифти никогда ничего не было, только разные гребешки, кремы, дезодоранты и прочая дрянь. Но готов поспорить, думал Чарлз, выезжая со стоянки на Портовом бульваре и вливаясь в послеобеденный поток, что там, в кладовке, под семью замками, лежит медленная смерть — чистая, ни с чем не смешан-

---

[1] Примечания: 1

Наркотик из группы стимуляторов *(жарг.). (Здесь и далее — прим. перев.)*

[2] Примечания: 2

Психоделические наркотики.

ная… Пятидесятифунтовый мешок.

Любопытно, когда и как доставляют пятидесятифунтовые мешки препарата «С»… Бог знает откуда — может, из Швейцарии, а может, вовсе с другой планеты, где у ребят башка варит… Должно быть, привозят товар рано поутру — с охраной зловещего вида, вооруженной лазерными винтовками. Только попробуй посягнуть на мою медленную смерть, подумал он, представив себя на месте охранника, и я тебя испепелю.

А что, ведь препарат «С» запросто может входить в состав любого разрешенного лекарства! Если, конечно, оно чего-нибудь стоит… Щепотка здесь, щепотка там — по секретной эксклюзивной формуле, которую изобрели где-нибудь в Германии или Швейцарии. Хотя все это чушь, конечно, — власти хватали любого, кто продавал, перевозил или глотал препарат «С», — так что аптеку Трифти, да и вообще все аптеки давно бы уже тогда разбомбили, выкинули из бизнеса или хотя бы оштрафовали. Скорее только оштрафовали бы: у них наверняка есть лапа где надо. С целой сетью больших аптек не так-то просто справиться.

В общем, ничего там нет, кроме обычного хлама.

На Чарлза напала хандра: в его загашнике осталось всего триста таблеток медленной смерти. Зарыты на заднем дворе, под камелией, той самой, гибридной, с шикарными крупными цветами, которые не боятся жаркого солнца. Только недельный запас, подумал он с тревогой. А что потом, когда они закончатся? Черт!

А что будет, если запас кончится у всех в Калифорнии и Орегоне? В один и тот же день, опаньки!.. Самый крутой глюк-ужастик, какой только мог привидеться наркоману. У всех в западной части Соединенных Штатов одновременно кончается запас, часов этак в шесть утра в воскресенье, когда добропорядочные еще только одеваются, чтобы идти в свою долбаную церковь. Картина маслом: Первая епископальная церковь в Пасадене, восемь тридцать утра, воскресенье Всеобщей Ломки.

— Возлюбленные прихожане, вознесем молитву к Господу, дабы облегчил Он муки тех, кто бьется на своих постелях в ожидании дозы!

— Аминь! — Все становятся на колени.

— Но прежде чем Он явится с новым запасом…

Черно-белые[3] что-то явно заподозрили. Они

---

[3] Примечания: 3
Цвет полицейской машины.

выехали со стоянки и держались рядом, пока без мигалки и сирены, но… Может, я виляю или еще что, подумал он. Распроклятые легавые меня засекли. Хотел бы я знать, что им не понравилось.

Коп:

— Фамилия?

— Фамилия? *(Никак не приходит в голову!..)*

— Не знаешь собственной фамилии? — Коп подмигивает своему напарнику. — Этот парень совсем забалдел.

— Не расстреливайте меня здесь! — взмолился Чарлз Фрек в своем глюке, вызванном видом черно-белой машины. — По крайней мере, отвезите меня в участок и расстреляйте там, подальше от глаз!

Чтобы выжить в этом фашистском полицейском государстве, подумал он, надо всегда знать фамилию, свою фамилию. При любых обстоятельствах. Первый признак, по которому они судят, что ты наширялся, — если не можешь сообразить, кто ты, черт побери, такой!

Вот что, решил Чарлз, подъеду-ка я к первой же стоянке, сам подъеду, не дожидаясь, пока начнут сигналить, а когда они остановятся, скажу, что у меня поломка.

Им это дико нравится. Когда ты отчаиваешься

и сдаешься. Валишься на землю, словно выдохшаяся зверюга, и подставляешь свое беззащитное брюхо. Так я и сделаю.

Так он и сделал. Принял вправо и остановился у тротуара, вплотную к бордюру.

Патруль проехал мимо.

Зря это я, в такой поток машин трудновато будет опять вписаться. Чарлз выключил зажигание. Посижу-ка я так, решил он, дам волю альфа-волнам, поброжу по разным уровням сознания. Или понаблюдаю за девочками. Изобрели бы биоскоп для возбужденных. К черту альфа — секс-волны! Сперва коро-о-тенькие, потом длиннее, длиннее, длиннее… пока не зашкалит.

Впрочем, все это ерунда… Главное — найти кого-нибудь, у кого есть таблетки. Надо пополнить запас, не то я скоро полезу на стену. И вообще ничего не смогу делать. Даже сидеть вот так. Не только забуду, кто я такой, но и где я и что происходит.

Что происходит, спросил он себя. Какой сегодня день? Если б знать, какой день, все было бы нормально… Постепенно пришло бы и остальное.

Среда, деловая часть Лос-Анджелеса. Впереди — один из тех гигантских торговых центров, окруженных стеной, от которой отскакиваешь, словно

резиновый мячик, если у тебя нет кредитной карточки и ты не можешь пройти в электронные ворота. Карточки, разумеется, Чарлз не имел и потому знал, на что похожи магазины там, внутри, только по рассказам. Наверное, там есть все на свете, хорошие вещи — для добропорядочных, в основном для их жен. Вооруженные охранники стояли у ворот и проверяли каждого, кто шел с карточкой, — не украдена ли она, не куплена ли с рук, не подделана ли. Толпы людей входили и выходили, но, рассудил Чарлз, большинство наверняка шли просто поглазеть на витрины. Не может такого быть, чтобы столько народу имели монету или им приперло покупать что-то в это время… Еще рано, всего третий час. Вот вечером — другое дело. Все витрины залиты светом. Он не раз видел этот свет снаружи, настоящую радугу разноцветных огней — парк развлечений для великовозрастных детишек.

Магазины по эту сторону ворот, где не требовалась кредитная карточка и не было вооруженной охраны, ничего особенного собой не представляли. Только самое необходимое: обувь, телевизоры, булочная, мелкий ремонт, прачечная. Девушка в короткой синтетической курточке и обтягивающих брюках бродила от лавки к лавке. Волосы

классные, но лица не видно — непонятно, хорошенькая или нет. Фигурка ничего себе. Вот она задержалась у витрины с кожаными вещами, достала кошелек и стала вглядываться в него, напряженно что-то высчитывая. Сейчас войдет и попросит что-то показать, подумал Чарлз. Так и есть — впорхнула в магазин.

Мимо прошла другая девушка — в легкой блузочке, на высоких каблуках, волосы серебристые, вся наштукатурена. Хочет выглядеть постарше, отметил он. Еще небось школу не окончила. После нее не было ничего стоящего, и Чарлз снял резинку, закрывающую «бардачок», достал пачку сигарет и настроился на станцию, передававшую рок. Раньше у него был кассетник, но однажды, изрядно нагрузившись, он оставил его в машине. Естественно, когда вернулся, того и в помине не было. Сперли. Вот к чему приводит безалаберность. Осталось только паршивое радио. Когда-нибудь и его стянут. Ничего, можно достать другое, подержанное, практически «за так». Да и все равно машине пора на слом — маслосъемные кольца ни к черту, компрессия упала. Очевидно, запорол двигатель — прогорели клапаны, — когда гнал по шоссе домой с полным грузом травки. Под кайфом он порой начинал психовать — не

из-за копов, а потому что боялся, что грабанет кто-нибудь из своих. Какой-нибудь вконец ошизевший торчок, которого ломает.

Проплыла девушка, невольно обращавшая на себя внимание. Черные волосы, хорошенькое личико, открытая рубашка и застиранные белые брючки. Э, да я ее знаю, подумал Чарлз. Это Донна, подружка Боба Арктора.

Он вылез из машины. Девушка окинула его взглядом и зашагала дальше. Чарлз пошел за ней. Наверное, решила, что я хочу ее потискать, подумал он, пробираясь сквозь толпу. Ничего себе шлепает, уже едва видно. Оглянулась. Лицо уверенное, спокойное… Большие глаза, взгляд оценивающий. Прикидывает, догоню ли. Если не поспешу, то вряд ли — ходит она неплохо.

На углу толпа встала перед светофором — машины бешеным потоком выворачивали справа. Однако девушка продолжала идти, быстро и с достоинством лавируя между ними. Водители смотрели на нее с возмущением, но она никак не реагировала.

Дождавшись сигнала «идите», Чарлз нагнал ее и окликнул:

— Донна!

Она не замедлила шага.

— Разве ты не подружка Боба? — спросил он, забежав вперед, чтобы заглянуть ей в лицо.

— Нет, — отрезала девушка. — Нет. — И пошла прямо на него, а Чарлз попятился и отступил, потому что в ее руке появился короткий нож, нацеленный ему прямо в живот.

— Пошел вон, — сказала она, продолжая двигаться вперед без тени колебания.

— Это же ты, я тебя видел… — растерялся Чарлз.

Нож был едва заметен, блестела лишь узкая полоска лезвия, но он знал: это нож. Она запросто пырнет его и пойдет дальше. Чарлз попятился, возмущенно пытаясь объясниться, и отошел в сторону, а девушка зашагала дальше, не говоря ни слова.

— Черт! — пробормотал он, глядя ей в спину.

Точно Донна. Она просто сразу не въехала. Испугалась, наверное, подумала, что он станет приставать. Надо быть поосторожней, когда подходишь на улице к незнакомке, — они все теперь хорошо подготовлены. Через многое прошли… Дерьмовый ножичек. Девушке не стоит такой носить — любой парень спокойно может вывернуть ей запястье и направить нож на нее. И я бы мог, если бы в самом деле ее хотел, подумал Фрек,

раздраженно стиснув зубы. Я точно знаю — это она, Донна.

Возвращаясь к машине, Чарлз заметил, что девушка остановилась, сразу выделившись из толпы пешеходов, и молча смотрит на него.

Он осторожно приблизился.

— Как-то ночью, — начал он, — я, Боб и еще одна цыпочка слушали старые записи Саймона и Гарфункеля, а ты…

…Она тогда набивала капсулы высококлассной смертью. Эль Примо. Нумеро Уно. Смерть. Потом раздала по дозе каждому, и мы закинулись, все вместе — все, кроме нее. «Я только продаю, — объяснила она. — Если я начну глотать их сама, то проем весь доход».

— Я думала, что ты собираешься сбить меня с ног и трахнуть, — сказала девушка.

— Нет, просто хотел подвезти… Прямо на дороге? — спросил Чарлз ошарашенно. — Среди бела дня?

— Ну, может, в подъезде. Или затащишь в машину…

— Но ведь мы с тобой знакомы! — возмутился он. — Да и Арктор меня бы просто пришил.

— Я тебя не узнала. — Она сделала шаг вперед. — Я близорука.

— Надо носить линзы, — посоветовал Чарлз.

У нее очаровательные большие, темные, теплые глаза, подумал он. Значит, она не сидит на игле.

— Были у меня линзы. Но как-то раз на вечеринке одна упала в чашу с пуншем. Пунш с кислоткой. Упала на самое дно; кто-то, наверное, зачерпнул ее и проглотил. Надеюсь, бедолага словил кайф — линза обошлась мне в тридцать пять баксов.

— Так что, подбросить тебя?

— Ты меня трахнешь в машине.

— Нет, — сказал Чарлз. — Не смогу — у меня в последнее время проблемы. Наверное, что-то подмешивают в травку. Какую-то химию.

— Ловко придумано. Однако меня не проведешь. Все меня трахают, — призналась она. — Во всяком случае, пытаются. Такова наша доля. Я сейчас сужусь с одним парнем. За сексуальное домогательство. Хочу получить возмещение ущерба в сорок тысяч.

— А как далеко он зашел?

— Схватил меня за грудь.

— За сорок-то тысяч?..

Они направились к машине.

— У тебя есть что-нибудь на продажу? — спро-

сил Чарлз. — Дела совсем паршивые. Я на нуле, практически на полном нуле. Взял бы даже несколько штук, если поделишься.

— Попробую достать.

— Только закидывать — я не ширяюсь.

— Ладно, — задумчиво произнесла Донна, опустив голову. — Но сейчас их трудно достать — почти все вышли. Ты, наверное, заметил. Много не смогу, хотя…

— Когда? — нетерпеливо прервал ее Чарлз. Они подошли к машине, он открыл дверцу и сел. Донна села с другой стороны, рядом с ним.

— Послезавтра, если свяжусь с одним парнем.

Черт, подумал он. Послезавтра.

— А раньше никак? Может, сегодня вечером получится?

— Не раньше, чем завтра.

— И почем?

— Шестьдесят за сотню.

— Ничего себе, — скривился Чарлз. — Обдираловка.

— Вещь — суперкласс. Я брала у него раньше. Совсем не то, к чему ты привык. Можешь мне поверить — они того стоят. Я вообще брала бы только у него, если бы могла, да у него не всегда есть. Понимаешь, он только что вернулся с юга и

выбирал товар сам, так что качество отличное. И не нужно ничего платить вперед, деньги потом, когда все будет у меня. Я тебе верю.

— Я никогда не плачу вперед.

— Иногда приходится.

— Ну ладно. Можешь достать хотя бы сотню? — Чарлз попытался быстро прикинуть, сколько он сумеет реально купить — за два дня, пожалуй, удастся найти сто двадцать баксов и взять у нее две сотни. А если тем временем подвернется что-нибудь повыгодней у других поставщиков, то о ней можно и забыть. Вот почему хорошо не выкладывать монету вперед.

— Тебе еще повезло, — добавила Донна, когда Чарлз завел двигатель и выехал на дорогу, — через час я должна встретиться с одним типом, и он, наверное, взял бы все, что я раздобуду, — тогда бы тебе не повезло. Твой счастливый день.

Она улыбнулась, и Чарлз улыбнулся в ответ.

— Хорошо бы поскорее.

— Постараюсь… — Донна открыла сумочку и вытащила маленькую записную книжку и ручку. — Как мне с тобой связаться? Да, кстати, я забыла, как тебя зовут?

— Чарлз Б. Фрек.

Он продиктовал ей номер телефона — не своего,

разумеется, а одного друга из добропорядочных, который передавал ему подобные послания, — и она тщательно записала его. С каким трудом она пишет, еле царапает… И чему только их учат в школе! Почти неграмотные все. Зато хорошенькая. Едва умеет читать и писать? Плевать! Что у телки важно, так это красивые сиськи.

— Я тебя, кажется, припоминаю, — сказала Донна. — Кажется. Я вообще не очень помню тот вечер, я тогда в стороне держалась. Помню только, как набивала порошок в маленькие капсулы от либриума. Я еще просыпала часть на пол. — Она задумчиво посмотрела на него. — А ты вроде парень ничего. Будешь потом брать еще?

— Спрашиваешь, — ответил Чарлз Фрек, прикидывая, как бы успеть найти товар подешевле. В любом случае дело в шляпе. Счастье, подумал он, это знать, что у тебя есть травка.

Людские толпы, солнечный свет и вся дневная суета скользили мимо него, не касаясь, — он был счастлив.

Паршивые копы вдруг сели ему на хвост — и посмотрите, как повезло! Совершенно неожиданный новый источник препарата «С»! Что еще нужно человеку? Теперь можно смело рассчитывать на две недели — почти полмесяца жизни.

Две недели!.. Его сердце возликовало, и Чарлз на мгновение ощутил дурманящий аромат весны, врывающийся в окна машины.

— Поедешь со мной к Джерри Фабину? Я отвожу ему шмотки в федеральную клинику номер три, его забрали вчера ночью. Беру понемногу, а то вдруг его выпишут и придется переть все назад.

— Лучше мне с ним не встречаться, — сказала Донна.

— Ты его знаешь? Джерри Фабина?

— Джерри думает, что именно я заразила его букашками.

— Тлей.

— *Тогда* он не знал, что это тля… Лучше мне не лезть — в прошлый раз он как с цепи сорвался. Все дело в рецепторных зонах мозга — по крайней мере я так думаю. И в правительственных бюллетенях так объясняют.

— Это лечится?

— Нет.

— В клинике обещали свидание. Говорят, что он, пожалуй, мог бы… — Чарлз повел рукой. — Ну, не то чтобы… — Он снова сделал жест рукой — ему трудно было сказать *такое* о своем друге.

Донна бросила на него подозрительный взгляд.

— Уж не поврежден ли у тебя речевой центр? В твоей… как там ее… затылочной доле.

— Нет, — ответил Чарлз энергично.

— А вообще какие-нибудь повреждения? — Она постучала себя по голове.

— Нет. Просто, понимаешь, ненавижу эти чертовы клиники… Однажды я навещал парня… Он пытался натирать пол… то есть, я имею в виду, он просто не мог понять, как это делается… Что меня достало, так это то, что он все равно старался. Не просто час или два; через месяц, когда я опять пришел, он все еще пытался, снова и снова, так же как и в первый раз, когда я его видел. Никак не мог взять в толк, почему у него не получается. Я помню его лицо: он был уверен, что сделает все правильно, если поймет наконец, в чем его ошибка. И постоянно спрашивал: «Что я делаю не так?» А объяснить ему ничего было нельзя, то есть они там объясняли, и я объяснял, а он никак не мог понять.

— Я читала, что рецепторные зоны в мозгу обычно отказывают раньше всего, — спокойно проговорила Донна, разглядывая соседние машины. — Смотри, впереди один из тех новых «Порше» с двумя двигателями! — Она возбужденно указала пальцем. — Ух ты!

— Я знал парня, угнавшего такой «Порше», — сказал Чарлз. — Вывел машину на Риверсайд, разогнался до семидесяти пяти — и в лепешку. Въехал прямо в какой-то трейлер. Думаю, он его и не заметил.

У него немедленно пошел глюк: он сам за рулем «Порше», но трейлеры замечает, замечает вообще все на свете. И все на шоссе — Риверсайд в час пик, — безусловно, замечают его: такой стройный, широкоплечий, неотразимый чувак в новеньком «Порше», делающем двести миль в час, — и полицейские беспомощно разевают вслед рты.

— Ты дрожишь, — сказала Донна и опустила руку на его локоть. Какая нежная рука — прямо мурашки по коже. — Притормози.

— Я устал, — пожаловался Чарлз. — Две ночи и два дня считал букашек. Считал и засовывал в банки. А когда мы на следующее утро понесли их в машину, чтобы показать доктору, там ничего не оказалось. Пустые банки. — Теперь он сам почувствовал свою дрожь, заметил, как трясутся руки на руле. — Ничего ни в одной чертовой банке. Никаких букашек. И тогда я понял, я понял, черт побери!.. До меня дошло: Джерри испекся. Ошизел.

Воздух больше не пах весной. Мучительно потянуло принять дозу препарата «С». К счастью, у него был еще небольшой походный запас в «бардачке», и он стал искать парковку, чтобы остановиться.

— Ты и сам хорош, — сказала Донна. Голос девушки звучал отстраненно, она как будто ушла в себя. Наверно, ее достала его дурацкая езда. Скорее всего.

У него вдруг пошел новый глюк. Перед глазами возник большой припаркованный «Понтиак», стоявший задним мостом на домкрате. Домкрат опасно накренился; длинноволосый мальчишка лет тринадцати, взывая о помощи, пытался удержать машину. Они с Джерри Фабином выбежали из дома. Чарлз схватился за дверцу со стороны водителя, пытаясь открыть ее, чтобы поставить на тормоз, а Джерри — в одних брюках и босиком, со спутанной после сна шевелюрой — обежал машину и голым белым плечом, никогда не видевшим солнца, сшиб мальчишку, откинув его в сторону. Домкрат наклонился еще больше, и машина упала задом на землю. Мальчишку не задело.

— Слишком поздно было тормозить, — выдохнул Джерри, пытаясь откинуть засаленные

волосы с глаз и часто мигая. — Не успели бы.

— Он в порядке? — крикнул Чарлз Фрек. Сердце его бешено колотилось.

— Да. — Джерри стоял рядом с мальчиком, пытаясь отдышаться. — Черт! — яростно заорал он. — Я же говорил тебе: подожди, сделаем вместе!.. Идиот, когда домкрат падает, тебе не удержать в руках две тонны веса! — Его лицо исказилось от гнева. Парнишка выглядел несчастным и виновато смотрел в землю. — Сто раз тебе твердил!

— Я хотел нажать на тормоз, — попытался объяснить Чарлз Фрек, прекрасно сознавая собственную идиотскую ошибку, столь же большую, что и у мальчишки, и столь же смертельную. Он, взрослый человек, не справился с ситуацией. — Теперь я понимаю…

И тут глюк оборвался; это оказалось вполне реальное воспоминание: они тогда все жили вместе. У Джерри сработал инстинкт — иначе мальчишка валялся бы под «Понтиаком» с перебитым позвоночником.

— Я спал, — пробубнил Джерри уже в уютном сумраке дома. — Первый раз за две недели букашки дали мне нормально заснуть. Пять дней я вовсе не спал, только бегал из угла в угол. Я

уж было думал, что они совсем ушли из дому, куда-нибудь к соседям. А теперь я их снова чувствую. Меня снова обманули — десятый раз. Или одиннадцатый? — Голос Джерри звучал уже спокойнее, не сердито, а скорее озадаченно. Он протянул руку и дал мальчишке хороший подзатыльник. — Эх ты, тупица, если домкрат не держит, сразу давай деру! Забудь о машине, даже не пытайся удержать ее.

— Но, Джерри, я боялся, что ось…

— К черту ось! К черту машину! Речь идет о твоей жизни. — Все трое прошли через темную гостиную; глюк-воспоминание о давно прошедшем вспыхнул в последний раз и погас навеки.

Глава 2

— Достопочтенная публика! Граждане Анахайма! — взвыл человек с микрофоном. — Сегодня нам представилась удивительная возможность послушать и расспросить тайного агента Отдела по борьбе с наркоманией!

Он просиял, этот человек в ярко-розовом костюме, широком желтом пластиковом галстуке и ботинках из искусственной кожи. Чересчур толстый, чересчур старый и чересчур радостный, хотя радоваться было нечему. Глядя на него, тайный агент чувствовал тошноту.

— Вы, безусловно, обратили внимание, что наш гость как бы расплывается перед глазами. Причина в том, что он носит так называемый костюм-болтунью — а именно, тот самый костюм, который он обязан носить, выполняя свои обязанности, вернее, большую их часть, в Отделе по борьбе с наркоманией. Позже он сам объяснит вам зачем.

Публика, как две капли воды отражавшая все черты ведущего, сосредоточенно обозревала агента в костюме-болтунье.

— Этот человек, которого мы будем называть Фред, ибо таково кодовое имя, под которым он сообщает собранную информацию, находясь в костюме-болтунье, не может быть опознан по внешнему виду или голосу. Он похож на расплывчатое пятно и ни на что больше, не правда ли, друзья?

Ведущий изобразил лучезарную улыбку. Слушатели, разделяя его чувство юмора, тоже улыбнулись.

Костюм-болтунья был изобретением некоего сотрудника Лабораторий Белла по фамилии С. А. Пауэрс. Экспериментируя с возбуждающими веществами, действующими на нервные клетки, как-то ночью Пауэрс сделал себе инъекцию препарата IV, который должен был вызывать лишь легкую эйфорию, и испытал катастрофическое падение мозговой активности. После чего его субъективному взору на стене спальни предстали пылающие образы, в коих он тут же узнал произведения абстрактной живописи.

На протяжении шести часов С. А. Пауэрс зачарованно наблюдал тысячи картин Пикассо, сменяющих друг друга с фантастической скоростью. Затем он просмотрел работы Пауля Клее, причем большее количество, чем художник

написал за всю свою жизнь. Когда наступила очередь шедевров Модильяни, С. А. Пауэрс пришел к выводу (а в конце концов, все явления нуждаются в разъясняющей теории), что его гипнотизируют розенкрейцеры, используя высокосовершенные микроскопические передающие системы. Потом, когда его стали изводить Кандинским, он вспомнил о музее в Петербурге, где хранились как раз такие полотна, и решил, что с ним пытаются вступить в телепатический контакт русские.

Утром Пауэрс выяснил в литературе, что резкое падение мозговой активности нередко сопровождается цветными видениями, так что дело было вовсе не в телепатическом контакте, тем более с помощью микросистем. Однако идея костюма-болтуньи уже родилась. В основном костюм состоял из многогранных кварцевых линз, соединенных с микрокомпьютером, который содержал в памяти полтора миллиона закодированных физиономических характеристик разных мужчин, женщин и детей. Каждую наносекунду компьютер передавал на сверхтонкую мембрану, окружавшую носителя костюма, всевозможные оттенки цвета глаз, волос, формы носа, расположения зубов, конфигурации лицевых костей и т. д. Чтобы сделать костюм-болтунью более

эффективным, С. А. Пауэрс заставил компьютер выбирать последовательность проецируемых образов случайным образом. Кроме того, ему удалось найти дешевый материал для мембраны — побочный продукт производства одной промышленной компании, выполнявшей правительственные заказы.

Короче говоря, носитель костюма являлся человеком толпы в полном смысле слова: в течение каждого часа он приобретал внешность миллиардов различных людей. Таким образом, любые попытки описать его или ее были совершенно бессмысленны и заранее обречены на провал. Нет нужды говорить, что С. А. Пауэрс ввел в банк памяти и свои собственные данные, и захороненный в головоломном сплетении характеристик лик изобретателя всплывал в каждом костюме на одну наносекунду… в среднем, как он подсчитал, раз в пятьдесят лет. Это была его заявка на бессмертие.

— Давайте же послушаем расплывчатое пятно! — громко подытожил ведущий, и публика захлопала.

Фред, он же Роберт Арктор в костюме-болтунье, простонал и подумал: «Это ужасно».

Раз в месяц каждый агент по борьбе с нарко-

манией должен был выступать на подобном сборище болванов. Сегодня была его очередь. Глядя на публику, он с новой силой осознал, насколько отвратительны ему добропорядочные. Они в восторге. Их развлекают.

Может быть, как раз в этот момент костюм приобрел внешний облик С. А. Пауэрса.

— Впрочем, все это не так уж и смешно, — заявил ведущий. — Наш герой… — Он замолчал, пытаясь вспомнить имя.

— Фред, — подсказал Боб Арктор. С. А. Фред, усмехнулся он про себя.

— Да-да, Фред. — Ведущий снова оживился и громогласно продолжил: — Как вы сами можете убедиться, его голос ничем не отличается от механических компьютерных голосов, которые вы слышите каждый день, заезжая, к примеру, в банк в Сан-Диего. Именно этим голосом, совершенно безжизненным, лишенным индивидуальности и каких-либо отличительных характеристик, Фред делает доклады руководству в Отделе… мм… по борьбе с наркоманией. — Последовала многозначительная пауза. — Агенты полиции находятся под постоянной смертельной угрозой, поскольку, как мы знаем, наркомафия с поразительной ловкостью внедряется в различные

силовые структуры по всей стране, во всяком случае вполне способна это делать, согласно нашим ведущим экспертам. И поэтому в целях защиты наших отважных героев костюм-болтунья совершенно необходим.

Последовали жидкие аплодисменты, адресованные костюму-болтунье. Аудитория выжидающе уставилась на человека, затаившегося внутри загадочного творения ученых.

— Но, выполняя свое задание, — добавил ведущий, отодвигаясь от микрофона, чтобы дать место Фреду, — он, разумеется, не носит этот костюм. Он одевается как все, вернее, в экстравагантную одежду, принятую у хиппи и прочих неформальных групп, среди которых вынужден вращаться согласно велению долга.

Фреду — Роберту Арктору — приходилось выступать уже шесть раз, и он прекрасно знал, что надо говорить и что ему уготовано: бесконечные варианты одних и тех же идиотских вопросов и непроницаемая тупость слушателей. Короче, пустая трата времени плюс раздражение и злость, и всякий раз чувство тщетности…

— Увидев меня на улице, — сказал он в микрофон, когда стихли аплодисменты, — вы бы решили: «Вот идет псих, извращенец, наркоман».

Вы бы почувствовали отвращение и отвернулись.

Аудитория затихла.

— Я не похож на вас, — продолжал он. — Я не могу себе позволить быть похожим на вас. От этого зависит моя жизнь.

На самом деле не так уж он от них и отличался. И ту одежду, которую надевал каждый день, носил бы в любом случае, даже если бы от этого ничего не зависело — ни жизнь, ни работа. Ему нравилась его одежда. Просто то, что он скажет, в общих чертах известно заранее. Текст выступления написан руководством и давно выучен наизусть. Агент мог слегка отклониться, но общая форма была стандартной. Начальник отдела, старый служака, утвердил ее пару лет назад, и теперь она воспринималась как священное писание.

Боб Арктор подождал, пока сказанное дойдет до сознания слушателей.

— Я не собираюсь рассказывать вам, чем мне приходится заниматься в качестве тайного агента, выслеживая распространителей наркотиков и источники нелегального товара, продающегося на улицах наших городов и в коридорах учебных заведений. Я хочу рассказать вам о том… — он сделал паузу, как его учили в академии на заня-

тиях по психологии, — о том, чего я боюсь.

Это сразило их: все взгляды были прикованы к нему.

— Я боюсь за наших детей. За ваших детей и моих… — Он снова замолчал. — У меня их двое. — Затем, очень тихо: — Юные, совсем малыши… — И тут же страстно, повышая голос: — Но уже достаточно большие, чтобы можно было расчетливо прививать им пагубную зависимость от наркотиков — ради выгоды тех, кто уничтожает наше общество. — Снова пауза. — Мы пока еще не знаем… — более спокойным голосом, — кто эти люди, точнее, звери, которые охотятся на наших детей, словно обитают в диких джунглях. Кто продает эту мерзость, выжигающую мозг, которую ежедневно глотают, ежедневно курят и ежедневно вкалывают миллионы мужчин и женщин — вернее, тех, кто когда-то был мужчиной или женщиной. Мы постепенно распутываем этот клубок. И клянусь Богом, рано или поздно распутаем до конца. Мы их узнаем, всех до единого!

Голос из публики:

— Мы им устроим!

Другой голос:

— Покончим с коммуняками!

Бурные аплодисменты.

Роберт Арктор молчал. Смотрел на них, на этих добропорядочных жирных кретинов с их правильными костюмами, правильными галстуками и правильными туфлями и думал: «Препарат «С» не может выжечь им мозги. У них просто нет мозгов».

— Расскажите нам то, что вы знаете, — раздался более спокойный голос.

Арктор обвел взглядом зал. Пожилая женщина, не столь отвратного вида, как ее соседи. Она нервно сцепила руки.

— Каждый день эта страшная болезнь вырывает новые жертвы из наших рядов, — продолжал Фред, то есть Роберт Арктор. — В конце каждого дня деньги текут… — Он замолчал. И никакая сила не могла заставить его продолжать речь, вызубренную и тысячи раз повторенную на занятиях.

Все замерли.

— А вообще-то дело не только в наживе. Вы сами видите, что происходит…

Нет, они ничего не видят. Они не замечают, что я отошел от шаблона, говорю самостоятельно, без помощи суфлеров. Ну и что? Разве их что-нибудь волнует? Их огромные квартиры охраняют вооруженные наемники, готовые открыть огонь

по любому торчку, который лезет по обнесенной колючей проволокой стене, чтобы засунуть в пустую наволочку их часы, их бритву, их стереосистему… Он лезет, чтобы добыть себе косяк: если не добудет, то может просто-напросто сдохнуть от боли и шока воздержания. Но если ты живешь в роскошном доме и твоя охрана вооружена — зачем об этом думать?

— Если бы вы страдали диабетом и у вас не хватало бы денег на укол инсулина, что бы вы стали делать? Крали бы? Или просто-напросто сдохли?

Молчание.

В наушниках его костюма-болтуньи зазвучал тонкий голосок:

— Лучше вернитесь к утвержденной речи. Мой вам настоятельный совет.

— Я забыл ее, — сказал Фред, Роберт Арктор, невидимому суфлеру. Он не знал, кто это — какая-то мелкая шишка из Отдела, курировавшая сегодняшнюю встречу.

— Мм… ладно, — протянул суфлер. — Я буду вам читать. Повторяйте за мной, но старайтесь, чтобы звучало естественно. — Молчание, шорох страниц. — Так, посмотрим… «новые жертвы из наших рядов. В конце каждого дня деньги текут»… Тут вы остановились.

— Я не могу, меня воротит от этого, — выдавил Арктор.

— «…А куда они текут, мы скоро выясним, — не обращая внимания, продолжал суфлер. — Тогда последует возмездие. И в тот момент ничто на свете не искусит меня поменяться с ними местами».

— Знаете, почему я не могу? — спросил Арктор. — Потому что именно от таких вот вещей люди ищут спасения в наркотиках.

Да, подумал он, вот почему ты сбегаешь и садишься на дозу, сдаешься — из отвращения.

Но потом он снова посмотрел на публику и понял, что к ним это не относится. Ничтожества, дебилы. Им нужно все разжевывать, как в первом классе: «А — это арбуз. Арбуз круглый…»

— «С», — сказал он публике, — это препарат «С». «С» — это бегство, бегство ваших друзей от вас, вас — от них, всех — друг от друга, это разделение, одиночество, ненависть и взаимные подозрения. «С» — это слабоумие. «С» — это смерть. Медленная смерть, как называем ее мы… — Он осекся. — Мы, наркоманы…

Он медленно прошел к своему стулу и сел. В тишине.

— Вы провалили встречу, — сказал суфлер-на-

чальник. — Когда вернетесь, зайдите ко мне в кабинет. Комната четыреста тридцать.

— Да, — сказал Арктор. — Провалил.

На него смотрели так, словно он только что прямо у них на глазах помочился на сцену.

Прошествовав к микрофону, ведущий объявил:

— Фред с самого начала хотел провести нашу встречу в форме вопросов и ответов, ограничившись лишь кратким вступительным словом. Я забыл об этом упомянуть. Итак, — он поднял руку, — первый вопрос?

Арктор внезапно снова неуверенно поднялся.

— Похоже, Фред хочет что-то добавить. — Ведущий сделал приглашающий жест.

Арктор подошел к микрофону и, опустив голову, тихо и отчетливо произнес:

— Вот еще что. Не надо плевать им вслед лишь потому, что они сели на дозу. Большинство из них, особенно девчонки, не знали, на что садятся или что садятся вообще. Просто постарайтесь удержать их… Понимаете, они растворяют «красненькие» в стакане вина — толкачи, я имею в виду. Дают выпить цыпочке, какой-нибудь несовершеннолетней крошке, и та вырубается, и тогда ей впрыскивают смесь героина и препарата

«С»… — Он замолчал. — Спасибо за внимание.

— Как нам остановить их, сэр? — спросил мужчина.

— Убивайте толкачей, — сказал Арктор и побрел к стулу.

Ему не хотелось сразу возвращаться в Отдел и идти в комнату 430, и он стал спускаться по одной из торговых улочек, разглядывая лотки с гамбургерами, автомойки, заправочные станции, пиццерии и прочие достопримечательности. Бродя так без всякой цели в толпе, Арктор испытывал странное ощущение. Кто он на самом деле? Там, на встрече, он сказал, что без костюма-болтуньи выглядит как наркоман. Да он и разговаривал как наркоман, так что толпа вокруг, без сомнения, принимала его за одного из них и реагировала соответственно. Более того, другие наркоманы («другие», вот именно!) казались ему своими — «мир, брат!» — в отличие от добропорядочных.

Стоит надеть епископскую митру и мантию, размышлял Арктор, и походить в ней некоторое время, позволяя людям преклонять колени и целовать твою руку, и не успеешь оглянуться, как ты уже и впрямь епископ или типа того. Что такое личность? Где начинается и кончается собственное «я»?

И уж совсем непонятно становилось, кто он на самом деле, когда начинались разборки с полицией. Когда копы, патрульные или какие-нибудь другие, все равно какие, притормаживали около него, идущего по тротуару, и сначала долго сверлили своим пустым металлическим взглядом, а потом наконец, решив поразвлечься, останавливались и подзывали к себе. «А ну, документы! — говорил обычно коп, протягивая руку, а потом, когда Арктор-Фред-Черт-знает-кто начинал рыться за пазухой, орал: — ТЕБЯ УЖЕ ЗАБИРАЛИ?» Иногда добавляя слово «РАНЬШЕ». Так, как будто прямо сейчас отправит в кутузку. «За что?» — обычно спрашивал Фред. Или просто молчал. Тут же собиралась толпа. Большинство считали, что это толкач, которого повязали на углу; они ухмылялись и распихивали друг друга локтями, чтобы полюбоваться зрелищем. Некоторые сердито ворчали — обычно чиканос, негры или явные торчки; потом они спохватывались и старались принять равнодушный вид — в присутствии копов лучше не выступать. Качаешь права или нервничаешь — значит, сам что-то скрываешь. Подозрительных полиция начинала потрошить автоматически.

На этот раз, однако, никто его не трогал. Вокруг

было полно точно таких же торчков.

«Кто я на самом деле?» — спрашивал себя Роберт Арктор. На мгновение ему захотелось влезть в костюм-болтунью. Тогда бы я снова, думал он, стал расплывчатым пятном, и прохожие, уличная толпа, снова стали бы аплодировать. «Давайте же послушаем расплывчатое пятно!» — прокрутил он в памяти недавнюю сцену. Отличный способ прославиться! А как бы они узнали, что это то самое пятно, а не какое-нибудь другое? Внутри мог бы быть совсем не Фред или другой Фред — хрен поймешь, даже если «Фред» раскроет рот и заговорит. Никто не определит наверняка, никто, никак… А вдруг это, к примеру, Эл, который притворяется Фредом? В костюме может быть кто угодно, а может даже и совсем никого не быть, если он — чем черт не шутит! — автоматический и управляется на расстоянии, из Отдела по борьбе с наркоманией. И тогда Фредом может быть любой, кто в этот момент сидит в Отделе за столом, с напечатанным текстом и микрофоном, или даже все они вместе, каждый за своим столом.

Все было бы так, если бы не то, что я сказал в конце, подумал Арктор. Кто угодно в Отделе за столом такого не скажет. И вот об этом-то начальство и хочет со мной поговорить.

Разбираться с начальством ему совсем не улыбалось, и он продолжал тянуть время, шатаясь по улицам, идя наугад, без всякой цели, в никуда. Впрочем, в Южной Калифорнии и не важно, куда ты идешь: везде торчат одни и те же «Макдоналдсы», как будто ты не движешься, а только делаешь вид, а вокруг тебя поворачивается сцена с декорациями. А когда наконец ты чувствуешь голод и заходишь в один из этих «Макдоналдсов», чтобы купить гамбургер, он оказывается тем же самым, что в прошлый раз, и в позапрошлый, и так далее, вплоть до самого твоего рождения и еще раньше, да в придачу еще злые языки утверждают — вот ведь клеветники! — что делают там все из индюшачьих желудков. Если верить рекламе, то тот первоначальный гамбургер уже продали пятьдесят миллиардов раз. Небось еще одному и тому же человеку… Жизнь в Калифорнии — она сама вроде рекламного ролика, который прокручивают без конца. Ничего не меняется, только расходится все дальше и дальше, словно автоматическую фабрику, которая штампует эту жизнь, заклинило во включенном положении. Была такая сказка: «Как море стало соленым». А теперь «Как земля стала пластиковой». Когда-нибудь, подумал Арктор, нас заставят

самих продавать друг другу гамбургеры. Прямо у себя дома, день за днем, вечно. Тогда незачем будет и на улицу выходить.

Он взглянул на часы: два тридцать. Пора звонить Донне. Судя по всему, он сможет достать через нее тысячу таблеток препарата «С».

Естественно, он передаст их на анализ и последующее уничтожение. Или что уж там с ними делают… Может, сами закидываются — ходят такие слухи. Или продают. Почем знать… Но Боб Арктор покупал у Донны не для того, чтобы взять ее за посредничество: он имел с ней дело много раз и не арестовал ее. Все затевалось вовсе не из-за какой-то девчонки, которая считала, что это круто и интересно — торговать наркотиками. Половина агентов в Отделе знали ее в лицо. Иногда она даже продавала на стоянке у магазина «7–11», перед камерой, установленной там полицией, и ее не трогали. Она могла бы делать что угодно и перед кем угодно — ее все равно не стали бы забирать.

Цель операций с Донной, как и всех прочих, — выйти на более крупного поставщика. Поэтому Арктор заказывал все большие количества товара. Началось все с того, что он уговорил ее достать ему десять таблеток в качестве дружеской услуги.

Затем выпросил пакет на сотню таблеток, потом три пакета. Теперь, если повезет, он получит тысячу, то есть десять пакетов. В конечном счете дело дойдет до таких партий товара, которые будут ей не по карману: она просто не сможет выложить достаточную сумму поставщику. И тогда, чтобы не потерять прибыль от сделки, она начнет торговаться — потребует, чтобы он, Боб, заплатил хотя бы часть вперед. Он откажется, время будет идти, все начнут нервничать, особенно поставщик, который рискует, держа у себя товар. И наконец Донна сдастся и скажет Бобу и поставщику: «Слушайте, давайте-ка вы лучше свяжетесь напрямую. Я вас обоих знаю, вы нормальные ребята, вам можно верить. Назначим время и место, и вы встретитесь. Так что, Боб, если тебе нужны такие партии, покупай прямо у него». Фактически тысячи таблеток — это уровень посредника, а не клиента. Донна уверена, что сам Боб продает таблетки сотнями. Так он поднимется на следующую ступеньку, а там и еще выше, по мере того как партии товара будут расти. И вот настанет момент, когда он выйдет на человека, которого уже можно будет брать. На того, кто что-то знает, кто связан или с производителем, или с тем, кто берет непосредственно у

производителя.

В отличие от других наркотиков препарат «С» имел, по-видимому, один-единственный источник. Он был синтетическим и, следовательно, производился в лаборатории. Его исходные компоненты были довольно сложны и так же трудны в изготовлении, как и сам препарат. Теоретически препарат «С» мог производить кто угодно, если, во-первых, знать химическую формулу, а во-вторых, располагать технологическими возможностями. Но практически это оказывалось слишком дорого. Кроме того, тот, кто изобрел препарат и наладил поставку, продавал его настолько дешево, что конкуренция была исключена. А широкая сеть поставок говорила о том, что, хотя препарат имеет единственный источник, его производство рассредоточено — по-видимому, лаборатории находились по соседству с каждым крупным городским центром потребления наркотиков в Северной Америке и Европе. Почему ни одна из них до сих пор не раскрыта, оставалось загадкой; скорее всего, таинственная организация настолько глубоко проникла в силовые структуры, местные и общенациональные, что те, кому удавалось что-либо узнать, или быстро переставали этим интересоваться, или

интересоваться становилось просто некому.

Разумеется, у Арктора было еще несколько нитей, кроме Донны. Других посредников он так же точно тормошил, требуя все больших партий препарата. Но поскольку она была его девушкой — по крайней мере, он имел на нее виды, — ему с ней легче работалось. Навещать ее, разговаривать по телефону, проводить вместе вечера доставляло удовольствие. В некотором смысле — линия наименьшего сопротивления. Если вам приходится шпионить, так уж лучше за людьми, с которыми вы все равно встречаетесь. Это менее подозрительно и не так скучно. А если вы с ними и не встречались часто до того, как начали шпионить, то все равно станете встречаться, так что в конечном счете выйдет то же самое.

Он вошел в телефонную будку и набрал номер.

— Алло, — ответила Донна.

Все телефонные автоматы в мире прослушиваются. А если где-то и не прослушиваются, то просто до них еще не успели добраться. Записи разговоров поступают в центральный пункт и в среднем раз в два дня проверяются дежурным, которому даже не надо выходить из кабинета, а достаточно лишь нажать кнопку. Большинство разговоров безобидны. Обязанность дежурного

— выделять небезобидные. В этом заключается его искусство. За это ему платят.

Так что их с Донной пока никто не слушал. Запись должны были получить не раньше чем на следующий день. Если бы они обсуждали что-либо уж совсем одиозное и дежурный это заметил, то снял бы компьютерные отпечатки их голосов. Так что от них требовалось лишь особо не выпендриваться. Можно было даже явно упоминать о наркотиках. Федеральному правительству приходилось экономить: невыгодно затевать возню с отпечатками и слежкой из-за мелких сделок, которые заключаются каждый день по огромному количеству телефонов. И Донне, и Арктору это было хорошо известно.

— Как дела? — спросил он.

— Ничего… — Теплый и слегка хриплый голос.

— Как настроение?

— Да так себе. Не очень… Сегодня утром босс в магазине устроил мне подлянку. — Донна стояла за прилавком с парфюмерией в торговых рядах в Коста-Месе, куда отправлялась каждое утро на своей малолитражке. — Знаешь, что он мне выдал? Что тот тип, который нас недавно обул на десять баксов — тот старый, седой, — короче, что это я виновата и недостачу покрою из своей зар-

платы. Так что, выходит, я погорела на десятку, хотя чиста как стеклышко. Вот падла!

— Я могу у тебя что-нибудь взять?

— Ну-у… — протянула она угрюмо и вроде как неохотно — своеобразная игра. — Смотря сколько тебе надо.

— Десять.

Они договорились, что один — это сотня. Таким образом, он просил тысячу. Среди дельцов вообще принято крупные числа заменять мелкими, чтобы разговаривать по телефону, не привлекая внимания властей. Так можно было продержаться сколько угодно — спецназ вряд ли станет прочесывать все квартиры ради мелких партий наркотиков.

— Десять… — раздраженно пробормотала Донна.

— У меня зарез, — объяснил он. Как будто берет для себя, а не на продажу.

— Мм… десять… — Она явно размышляла, не продает ли он сам. Может, и продает. — Десять. Почему бы и нет? Скажем, через три дня, нормально?

— А раньше нельзя?

— Понимаешь…

— Ладно, идет, — согласился он. — Я заскочу.

— Хорошо. Когда?

Она прикинула.

— Около восьми вечера. Слушай, я тут нашла одну книжку — кто-то забыл в магазине, — хочу тебе показать. Книжка классная. Про волков. Знаешь, когда волк-самец побеждает соперника, то не приканчивает, а мочится на него. Именно так! Прямо берет и писает на побежденного врага, а потом бежит дальше. Вот и все. Они дерутся только за территорию и право трахаться.

— Я тут тоже недавно кое на кого помочился, — усмехнулся Арктор.

— Серьезно? Как это?

— Метафорически.

— Не на самом деле?

— Ну, в смысле… я заявил им… — Он спохватился. Черт, чуть не сболтанул. — В общем, я иду, а один парень на мотоцикле, типа байкера, он начал ко мне цепляться. Так я повернулся и выдал… — Он замялся, пытаясь придумать что-нибудь этакое.

— Можешь мне сказать, — хихикнула Донна. — Даже если это что-то совсем грубое. Байкеров иначе не проймешь — просто не поймут.

— Мол, лучше бы он почаще сидел на свинке, чем на этом борове.

— Я что-то не въехала.

— Ну, типа, на женщине…

— А-а…

— Ладно, заходи, я буду ждать…

— Принести тебе книжку про волков? Автор — Конрад Лоренц, там на обложке написано, что он по ним главный специалист. Да, чуть не забыла. Сегодня ко мне в магазин заглянули твои сожители: Эрни… как там его… и Баррис. Искали тебя.

— Что стряслось? — спросил Арктор.

— Цефалохромоскоп, что обошелся тебе в девятьсот долларов… Они хотели включить его, а он не работал. Ни цвета, ничего… В общем, они взяли инструменты Барриса и отвернули днище.

— Черт побери! — возмущенно воскликнул Арктор.

— Там вроде кто-то ковырялся, испорчена вся схема. Похоже, нарочно: оборваны провода, сломаны детали и так далее. Баррис сказал, что попробует…

— Все, я еду домой, — отрубил Арктор и повесил трубку.

Самое лучшее, что у меня есть. Самое дорогое. Если этот кретин Баррис начнет копаться… Но я не могу сейчас ехать домой, опомнился он. Сперва надо побывать в «Новом пути» и посмотреть,

что там творится.

Приказ руководства.

Глава 3

Чарлз Фрек тоже подумывал о «Новом пути» — так на него подействовала участь Джерри Фабина.

Он сидел с Джимом Баррисом в кофейне «Три скрипача» в Санта-Ане и уныло перебирал засахаренные орешки.

— Решиться не просто. Там страх что творят. Сидят с тобой день и ночь, чтобы ты не наложил на себя руки или не откусил себе палец, и совсем ничего не дают для облегчения. Даже того, что обычно врач прописывает, вроде валиума.

Баррис посмеивался, разглядывая свой горячий бутерброд — эрзац-сыр и такое же мясо на диетическом хлебце.

— Что это за хлеб? — спросил он.

— Почитай меню, — ответил Чарлз Фрек. — Там все написано.

— Если ты согласишься на лечение, то испытаешь ряд неприятных ощущений в области головного мозга. В первую очередь я имею в виду катехоламины, такие как норадреналин и серотонин. Видишь ли, все происходит сле-

дующим образом: препарат «С» — вообще все наркотические вещества, но препарат «С» особенно — взаимодействует с катехоламинами на подклеточном уровне, и устанавливается биологическая контрадаптация, вроде бы навсегда. — Он откусил большой кусок с правой стороны бутерброда. — Раньше считалось, что это происходит только с алкалоидными наркотиками, такими как героин.

— Я категорически против героина. Паршивая штука.

К столику подошла симпатичная официантка в желтом халатике, светловолосая, с высокой дерзкой грудью.

— Привет, — сказала она. — Все в порядке?

Чарлз Фрек испуганно поднял взгляд.

— Как тебя звать, милая? — спросил Баррис, жестом успокаивая Фрека.

Она ткнула в табличку на правой грудке.

— Бетти.

Интересно, как зовут левую, подумал Чарлз Фрек.

— У нас все отлично, — сказал Баррис, нахально оглядывая девушку с головы до ног.

Чарлз увидел исходящий из головы Барриса круг, как на карикатуре, в котором совершенно

голая Бетти молила о ласке.

— Только не у меня, — заявил Чарлз Фрек. — У меня полно проблем — больше, чем у кого бы то ни было.

— У всех свои проблемы, — рассудительно заметил Баррис. — И чем дальше, тем больше. Наш мир болен, и с каждым днем болезнь становится все круче.

Картинка над его головой тоже стала круче.

— Желаете заказать десерт? — улыбаясь, предложила Бетти.

— Например? — подозрительно спросил Чарлз Фрек.

— У нас есть свежий клубничный пирог. И еще персиковый. Мы сами печем.

— Нет, не надо нам никаких десертов! — сказал Чарлз Фрек. — Фруктовые пироги годятся только для старушек, — добавил он, когда официантка отошла.

— Это все твоя идея насчет лечения, — объяснил Баррис. — Она и заставляет тебя нервничать. Твой страх — не что иное, как проявление негативных целевых симптомов. А цель — не пустить тебя в «Новый путь» и не дать завязать. Понимаешь, все симптомы — они целевые, будь то позитивные или негативные.

— Ни фига себе…

— Они возникают в теле специально для того, чтобы заставить его хозяина — в данном случае тебя — лихорадочно искать…

— Первое, что делают в «Новом пути», — сказал Чарлз Фрек, — это отрезают тебе член. В качестве наглядного урока. Ну и так далее.

— Затем вырежут селезенку, — кивнул Баррис.

— Что?.. Вырежут… А она зачем, эта селезенка?

— Помогает переваривать пищу.

— Как?

— Удаляет целлюлозу.

— Значит, потом…

— Только бесцеллюлозная пища. Никаких листьев или бобовых.

— И сколько так можно протянуть?

Баррис пожал плечами.

— Как получится.

— А сколько селезенок обычно у человека? — Фрек знал, что почек, как правило, две.

— Это зависит от веса и возраста.

— Да ну? — подозрительно прищурился Фрек.

— Они растут. К восьмидесяти годам…

— А-а… да ты меня разыгрываешь.

Баррис рассмеялся. У него какой-то странный смех, подумал Чарлз. Неестественный, как будто

что-то рвется.

— А почему ты вдруг решил лечь в наркоцентр на воздержание?

— Джерри Фабин, — ответил Фрек.

Баррис махнул рукой.

— Джерри — особый случай. Однажды у меня на глазах Джерри пошатывается и падает, испражняется под себя, не соображая, где находится, умоляет спасти… Ему подсунули какую-то гадость, сульфат таллия скорее всего. Сульфат таллия используют в инсектицидах и в крысиной отраве. Кто-то устроил подлянку. Я могу назвать десяток ядов, которые…

— И другая причина, — сказал Чарлз Фрек. — У меня кончается запас, и я не в силах это выдержать — постоянно сидишь на нуле и не знаешь, достанешь еще или нет!

— Ну, если на то пошло, мы не можем быть уверены в том, что доживем до завтрашнего дня.

— Черт побери, сейчас вообще зарез — день-два, и кранты. И еще — меня, наверное, обкрадывают. Не может быть, чтобы я сам так много потреблял. Какой-то гад, наверно, таскает их понемногу.

— Сколько таблеток ты закидываешь в день?

— Очень трудно определить. Но не так много.

— Привычка требует все больших количеств,

ты же знаешь…

— Не настолько же. Я больше не выдержу. С другой стороны… — Он подумал. — Похоже, я набрел на новый источник. Та цыпочка, Донна, как там ее…

— А, подружка Боба.

— Вот-вот, его девчонка, — кивнул Чарлз.

— Да нет, он так и не забрался ей под юбку. Только мечтает.

— Она надежна?

— В каком смысле? В плане, даст ли, или… — Баррис поднес руку ко рту и сделал вид, что глотает.

— Это еще что за вид секса? — изумленно начал Фрек, и тут до него дошло. — А-а. Последнее, разумеется.

— Вполне надежна. Немного взбалмошная, ну, как все цыпочки, особенно темненькие. Мозги промеж ног, как и у остальных. Наверное, и запас у нее там. — Баррис хохотнул. — Весь ее загашник.

Чарлз Фрек подался вперед.

— Арктор никогда не спал с Донной? А говорит…

— Ты его слушай больше. Он много чего говорит. Не всему надо верить.

— Как же так? У него не встает, что ли?

Баррис задумчиво ломал бутерброд на мелкие кусочки.

— Проблемы у Донны. Вероятно, сидит на какой-то отраве. Полностью потерян интерес к сексу, вплоть до отвращения к физическому контакту. У торчков всегда так — из-за сужения сосудов. Я заметил, что у Донны это особенно выражено. Не только с Арктором, но и… — он раздраженно нахмурился, — с другими мужчинами.

— Ты имеешь в виду, она просто не хочет?

— Захочет, — отрезал Баррис. — Если с ней правильно обращаться. Например… — Он принял таинственный вид. — Я могу научить тебя, как добиться Донны за девяносто восемь центов.

— Да не хочу я с ней спать! Мне от нее нужен товар. — Чарлз Фрек был не в своей тарелке. В Баррисе чувствовалось что-то такое, от чего у него неприятно холодело в животе. — Почему за девяносто восемь центов? Не возьмет она деньги, не такая она. И вообще она девчонка Боба.

— Деньги пойдут не ей непосредственно, — произнес Баррис нравоучительным тоном. Он наклонился вперед, его ноздри дрожали от возбуждения, зеленые очки запотели. — Донна сидит на кокаине. Для каждого, кто даст ей грамм, она,

безусловно, раздвинет ножки, особенно если, по строго научной методике, которую я разработал, в коку добавить определенные редкие химикаты.

— Ты бы лучше не говорил так о ней, — нахмурился Чарлз Фрек. — В любом случае грамм коки стоит больше сотни долларов. Где взять такие башли?

Ухмыляясь, Баррис заявил:

— Я могу извлечь грамм чистого кокаина из ингредиентов общей стоимостью менее одного доллара.

— Чушь.

— Готов продемонстрировать.

— Откуда берутся эти ингредиенты?

— Из магазина «7–11», — сказал Баррис, забыв о раздрызганном бутерброде и поднимаясь на ноги. — Бери счет и идем, я покажу. У меня дома оборудована лаборатория — временная, пока не обзаведусь лучшей. Ты увидишь, как я извлеку грамм чистого кокаина из широко распространенных общедоступных материалов, купленных открыто меньше чем за один доллар. — Баррис стал пробираться между столиками. — Пошли! — скомандовал он.

— Ладно. — Чарлз Фрек взял счет и поплелся следом. Чертов болтун. А впрочем… Сколько он

делает всяких химических опытов и вечно читает в библиотеке… Как же на этом можно заработать, обалдеть!

Баррис в своем потертом летном комбинезоне уже миновал кассу, на ходу доставая ключи.

* * *

Они оставили машину на стоянке магазина «7–11» и вошли внутрь. Как обычно, у стойки с журналами стоял здоровенный коп и притворялся, будто читает. Чарлз Фрек хорошо знал, что на самом деле он рассматривает входящих, поджидая потенциального грабителя.

— Что мы здесь берем? — спросил Чарлз у Баррриса, беспечно прогуливавшегося вдоль стоек с товарами.

— Баллон «Солнечного».

— Средство от загара? — Чарлз Фрек не верил своим ушам. С другой стороны, кто знает?

Баррис подошел к прилавку — была его очередь платить.

Они купили «Солнечный», опять прошли мимо копа, и Баррис в два счета, не обращая внимания на дорожные знаки, домчался до дома Боба Арктора.

Выйдя из машины, Баррис достал с заднего

сиденья опутанные проводами предметы. Среди груды электронных приборов Чарлз Фрек узнал вольтметр и паяльник.

— Зачем это? — спросил он.

— Предстоит долгая и трудная работа, — ответил нагруженный Баррис, подойдя к двери. Он передал Чарлзу ключ. — И наверное, мне за нее не заплатят. Как обычно.

Чарлз Фрек отомкнул дверь. К ним тут же, преисполненные надежды, бросились два кота и собака, но Чарлз и Баррис, осторожно оттеснив их ногами, прошли на кухню. Здесь и находилась знаменитая лаборатория — кучи бутылок, всякого хлама и непонятных предметов, которые Баррис притаскивал отовсюду. Он верил не столько в аккуратность, сколько в озарение: чтобы достичь цели, надо уметь использовать первое, что попадется под руку. Скрепки, клочки бумаги, разрозненные детали от сломанных механизмов — все шло в ход. Фрек невольно подумал, что так бы выглядела мастерская, где проводят свои эксперименты крысы.

Первым делом Баррис оторвал пластиковый пакет из рулона возле раковины и опорожнил туда аэрозоль.

— Бред какой-то… — пробормотал Чарлз

Фрек. — Полный бред.

— Знай, что на производстве кокаин умышленно смешивают с маслом, — бодро комментировал свои действия Баррис, — таким образом, что извлечь его невозможно. Одному мне благодаря глубокому знанию химии доподлинно известно, как это сделать. — Он обильно посолил клейкую густую массу и вылил ее в стеклянную банку. — Теперь охлаждаем, — продолжал Баррис, довольно ухмыляясь, — и кристаллы кокаина поднимаются наверх, так как они легче воздуха. То есть масла, я имею в виду. Конечная стадия, разумеется, мой секрет, но скажу, что она включает в себя сложный процесс фильтрования.

Баррис открыл холодильник и аккуратно поставил банку в морозильную камеру.

— Сколько там ее держать? — спросил Чарлз Фрек.

— Полчаса.

Баррис закурил самокрутку и уставился на кучу электронных приборов, задумчиво потирая бородатый подбородок.

— Даже если ты получишь целый грамм чистого кокаина, я не могу использовать его на Донне, чтобы… ну, залезть ей под юбку. Я вроде как покупаю ее, вот что получается.

— Обыкновенный обмен, — наставительно поправил Баррис. — Ты ей делаешь подарок, и она тебя одаривает… самым ценным, что есть у женщины.

— Она почувствует, что ее покупают. — Фрек достаточно общался с Донной, чтобы понимать это. Донну на мякине не проведешь.

— Кокаин — возбудитель, — проговорил Баррис вполголоса, перенося приборы к цефалохромоскопу — бесценной собственности Боба. — Она нанюхается и будет счастлива дать себе волю.

— Чушь! — решительно заявил Чарлз Фрек. — Ты говоришь о подружке Боба Арктора. Он — мой приятель и человек, с которым вы с Лакменом живете под одной крышей.

Баррис на секунду поднял свою косматую голову и некоторое время не сводил с Чарлза Фрека глаз.

— Ты очень многого не знаешь о Бобе Аркторе. Да и мы все. Твой взгляд наивен и упрощен. Ты ему слишком веришь.

— Он парень что надо.

— Безусловно. — Баррис кивнул и улыбнулся. — Вне всякого сомнения. Один из самых лучших в мире. Но я начал замечать в нем — *мы* начали замечать в нем, те, кто наблюдает за Арктором

пристально и внимательно, — определенные противоречия. Как в структуре его личности, так и в поведении. Во внутренней сущности, так сказать.

— Что ты имеешь в виду?

Глаза Барриса заплясали за зелеными стеклами очков.

— Твой бегающий взгляд мне ни о чем не говорит, — заявил Чарлз Фрек. — А что случилось с цефаскопом, почему ты в нем копаешься?

— Загляни, — предложил Баррис, положив прибор набок.

— Провода обрезаны. И еще, похоже, кто-то устроил несколько коротких замыканий… Чья это работа?

Веселые и всезнающие глаза Барриса заплясали с особым удовольствием.

— Твои дурацкие намеки мне на хрен не нужны, — после напряженного молчания сказал Чарлз Фрек. — Кто испортил цефаскоп? Когда ты это обнаружил? Арктор ничего мне не говорил, а я его видел только позавчера.

— Наверно, тогда он еще не был готов об этом говорить, — заметил Баррис.

— Так, — зловеще протянул Чарлз Фрек. — Насколько я понимаю, ты тут мне загадки загадыва-

ешь. Пожалуй, отправлюсь-ка я лучше в «Новый путь» и сдамся на воздержание и буду лечиться и жить с простыми парнями. Все лучше, чем иметь дело с такими шизиками, как ты, которых я никак не могу понять. Намекаешь, что Боб сам раскурочил цефаскоп? Испортил самую дорогую свою вещь? Что ты хочешь сказать? Лучше бы я жил в «Новом пути», где мне не пришлось бы выслушивать все это многозначительное дерьмо, в которое я ни хрена не въезжаю. Каждый день одни ошизевшие торчки — то ты, то еще кто-нибудь! — Он яростно стиснул зубы.

— Я не ломал прибор, — задумчиво произнес Баррис, двигая ушами, — и серьезно сомневаюсь, что это сделал Эрни Лакмен.

— А я серьезно сомневаюсь, — парировал Чарлз Фрек, — что Эрни Лакмен вообще что-нибудь повредил в своей жизни, если не считать того случая, когда он накололся на плохой кислотке и вышвырнул в окно журнальный столик. Обычно у него котелок варит лучше, чем у всех нас. Нет, Эрни не станет ломать чужой скоп. А Боб Арктор? Это же его вещь, так ведь? И что, он, значит, встал потихоньку среди ночи и сам себе сделал пакость? Нет, это кто-то другой устроил, вот что я тебе скажу.

Это запросто мог сделать ты, грязный сукин сын, подумал Чарлз. И умения у тебя хватает, и мозги твои устроены черт знает как…

— Тому, кто это сделал, место в лечебнице или на кладбище. Предпочтительно последнее. Для Боба эта штука значила все. Я видел, как он ее включает, едва вернется домой с работы. У каждого есть что-то, чем он особенно дорожит. У Боба был скоп. И сотворить такое… Черт!

— Это-то я и имею в виду.

— Что это ты имеешь в виду?

— Меня давно уже интересует, кто такой Боб Арктор и где он работает на самом деле.

Нет, Баррис мне не нравится, подумал Чарлз Фрек. Внезапно он испытал сильное желание оказаться отсюда далеко-далеко. Может, смыться?.. Но потом он вспомнил про банку с кокой и маслом в холодильнике — сто баксов за девяносто восемь центов.

— Послушай, когда там будет готово? Мне кажется, ты меня дурачишь. Зачем же продавать «Солнечный» за гроши, если в нем грамм кокаина? Какой им от этого кайф?

— Они закупают оптом, — объяснил Баррис.

У Чарлза Фрека немедленно пошел глюк: грузовики с кокаином подкатывают к заводу (где уж он

там, может, в Кливленде), вываливают тонны и тонны девственно-чистой, высококачественной коки во двор, потом коку смешивают с маслом, инертным газом и прочей дрянью, разливают по маленьким ярким жестянкам и наконец завозят в магазины «7–11», аптеки и супермаркеты. Стоит только остановить грузовичок, размышлял он, забрать груз — семьсот или восемьсот фунтов чистого… Да нет, черт побери, гораздо больше! Сколько в грузовике помещается кокаина?

Баррис принес пустой баллон «Солнечного» и указал на этикетку, где были перечислены все ингредиенты.

— Видишь? Бензокаин. Только отдельные эрудиты знают, что под таким названием в торговле маскируют кокаин. Если бы писали прямо «кокаин», рано или поздно народ бы просек. У людей просто не хватает образования. Такой научной базы, как у меня.

— Для чего тебе образование? — поинтересовался Чарлз Фрек. — Донну возбуждать?

— Напишу бестселлер, — уверенно заявил Баррис. — Учебник для чайников. «Как, не нарушая закона, получать наркотики у себя на кухне». Понимаешь, бензокаин официально разрешен. Я справлялся в аптеках — он содержится в уйме

препаратов.

— Ух ты! — уважительно сказал Чарлз Фрек и посмотрел на часы. Ждать оставалось недолго.

* * *

Хэнк, непосредственный начальник Боба Арктора, дал ему задание обследовать местные филиалы «Нового пути», чтобы определить местонахождение крупного поставщика, который внезапно скрылся. Время от времени это случалось: торговец наркотиками, поняв, что его вот-вот возьмут, искал убежища в одном из центров реабилитации вроде «Нового пути», «Синанона» или «Сентер-пойнта» под видом наркомана, нуждающегося в лечении. Там, внутри, он терял документы, забывал свое имя и вообще все, что позволяло его идентифицировать, — так начиналось создание новой личности, свободной от наркотической зависимости. Исчезало почти все, что могло бы навести силовые структуры на его след. Позже поставщик вновь выходил на поверхность и возобновлял свою прежнюю деятельность. Конечно, реабилитационные центры старались отслеживать такие случаи, однако не всегда успешно. Сорокалетний срок, полагающийся за торговлю наркотиками, — хо-

роший стимул для того, чтобы поднапрячься и выдать правдоподобную историю персоналу клиники, который решал, принять человека или отказать ему. Страх перед наказанием заставлял стараться.

Сбавив скорость, Боб Арктор принялся искать вывеску «Нового пути». Ему совсем не улыбалось лезть в клинику под видом возможного пациента, но иного способа не было. Если бы он явился туда как агент Отдела по борьбе с наркотиками и сказал, кого ищет, то сотрудники клиники, по крайней мере большинство из них, тут же постарались бы его отшить. Они не хотели, чтобы клиентов, их «семью», тревожила полиция, и Арктор их хорошо понимал. Бывшие наркоманы рассчитывали на безопасность; во всяком случае, при поступлении клиника официально гарантировала им неприкосновенность. Это понимал и Хэнк, по чьему поручению Боб занимался Черным Уиксом — давно и безрезультатно. Вот уже десять дней об Уиксе не было ничего слышно, он исчез бесследно.

Наконец Арктор увидел яркую вывеску, оставил машину на крохотной стоянке, которую филиал «Нового пути» делил с булочной, и нетвердыми шагами направился к парадной двери, входя в

привычную роль.

Строго говоря, Уикс был скорее курьером, чем поставщиком: он вывозил партии сильных наркотиков из Мексики и сдавал покупателям где-то в окрестностях Лос-Анджелеса. Парень нашел гениальный метод провоза товара: он выбирал подходящего добропорядочного типа и где-нибудь на стоянке прикреплял товар к днищу его машины. Потом, уже на другой стороне границы, догонял и при первой возможности пускал беднягу в расход. Если же пограничники засекали товар, то отдуваться приходилось не Уиксу, а ни в чем не повинному болвану: с этим в Калифорнии было строго.

Арктор знал Уикса в лицо лучше, чем кто-либо из агентов. Жирный чернокожий тип, слегка за тридцать, любивший изъясняться нарочито правильно и изящно, как будто он учился в модной частной школе в Англии.

На самом деле Уикс вырос в трущобах Лос-Анджелеса, а произношение себе поставил, скорее всего, с помощью учебных записей из библиотеки какого-нибудь колледжа. Одевался он не вызывающе, но шикарно, как врач или адвокат, носил очки в роговой оправе и часто брал с собой дорогой «дипломат» из крокодиловой кожи.

Оружие у него тоже было стильное, итальянского производства. Однако в «Новом пути» всю эту шелуху, само собой, ободрали, одели его, как всех, в благотворительные обноски, а «дипломат» заперли в сейф.

Боб Арктор открыл тяжелую деревянную дверь и вошел. Мрачный темноватый холл, слева гостиная, где сидят несколько человек и читают. В дальнем конце холла — стол для пинг-понга, за ним кухня. На стенах лозунги, часть написана от руки, часть напечатана. «Единственный дурной поступок — подвести других» и так далее. Кругом тишина, никакой суеты. Очевидно, большинство пациентов были на работе — на многочисленных мелких предприятиях «Нового пути» вроде бензоколонок или производства шариковых ручек.

Арктор в нерешительности остановился.

— Да? — К нему подошла девушка в очень короткой голубой юбке и майке с надписью «Новый путь» на груди.

— Я… мне плохо, — пробормотал он хрипло, держась как можно более униженно. — Можно присесть?

— Конечно. — Девушка махнула рукой; двое парней довольно скромного вида подошли к Арктору и остановились в ожидании. — Отведите его

туда, где он сможет присесть, и принесите кофе.

Ну и тоска, подумал он, позволяя усадить себя на потрепанную жесткую кушетку. Стены мрачные — краска явно благотворительная и низкого качества. Ну да, они ведь живут только на пожертвования.

— Спасибо, — выдавил он дрожащим голосом, как будто испытывал невероятное облегчение от того, что наконец дошел и сидит. — Слава богу. — Он попытался пригладить волосы. Безуспешно.

— Паршиво выглядите, мистер, — неодобрительно произнесла девушка.

— Точно, — кивнули оба парня. — Ты что, валялся в собственном дерьме?

Арктор растерянно моргал.

— Кто ты такой? — спросил один из парней.

— Ясно кто, — презрительно протянул другой. — Мразь из мусорного ведра. Гляди! — Он показал на волосы Арктора. — Вши. Потому ты и чешешься, приятель.

Девушка, которая держалась спокойно и вежливо, но отнюдь не дружелюбно, спросила:

— Зачем вы сюда пришли?

Потому что где-то здесь прячется крупная дичь, хотелось сказать Арктору. Я — охотник. А вы все — идиоты. Однако вместо этого он униженно про-

бормотал то, что, очевидно, от него ожидалось:

— Вы обещали…

— Да, мистер, вы можете выпить кофе. — Девушка кивнула одному из парней, и тот послушно направился на кухню.

Последовала пауза. Затем девушка наклонилась и тронула Арктора за колено.

— Вам очень плохо, да?

Он лишь молча кивнул.

— Вы испытываете стыд и отвращение к самому себе, — продолжала она.

— Да.

— Измываться над собой день за днем, вводить в свое тело…

— Я больше не могу, — взмолился Арктор. — Вы моя единственная надежда. Здесь мой друг — он сказал, что идет сюда. Черный, ему за тридцать, образованный, очень вежливый…

— Вы встретитесь с нашей семьей позже, — перебила его девушка. — Если подойдете нам. Вы ведь понимаете, что должны соответствовать нашим требованиям. И первое из них — искреннее желание вылечиться.

— Да-да, — сказал Арктор. — Мне это очень нужно.

— Вам должно быть совсем плохо, чтобы вас

сюда взяли.

— Мне плохо.

— Серьезно подсели? Какова ваша обычная доза?

— Унция в день.

— Чистого?

— Да, — кивнул он. — Я держу его в сахарнице на столе.

— Вам придется очень трудно. Будете всю ночь грызть подушку — к утру покроетесь перьями. Судороги, пена изо рта… Будете ходить под себя, как больное животное. Вы готовы к этому? Вы должны понимать, что мы вам здесь ничего не дадим.

— Да. — Арктору было скучно, он чувствовал неловкость и раздражение. — Мой друг, чернокожий… Не знаю даже, добрался ли он сюда. Я боюсь, что его по пути замели копы — он был совсем плохой, едва понимал, куда идти. Ему казалось…

— В «Новом пути» нет места личным отношениям, — сказала девушка. — Вам придется это усвоить.

— Да, но он добрался? — Боб Арктор понял, что зря теряет время. Боже мой, здесь еще хуже, чем у нас. И ведь она ни хрена мне не скажет. Такова

их политика. Хоть об стену лбом бейся… Тот, кто попадает сюда, исчезает с концами. Может, Черный Уикс сидит рядом, за перегородкой, слушает и хихикает, а может, его здесь и не было совсем. И ничего не добьешься, даже с ордером. Они будут тянуть время — они это умеют, — пока все, кого ищут, не сделают ноги. В конце концов, весь здешний персонал — сами бывшие наркоманы. Да и кому интересно ворошить осиное гнездо: общественность тут же поднимет такой вой… Похоже, на Черном Уиксе придется поставить крест, а самому сматываться. Ясно теперь, подумал он, почему меня до сих пор сюда не посылали: эти типы — не подарок. Так что поручение я успешно провалил: Уикс больше просто не существует.

Доложу Хэнку и буду ждать нового задания. Черт с ними со всеми. Арктор с трудом встал.

— Я пошел.

Оба парня уже возвращались. Один нес кружку кофе, другой — кипу литературы, очевидно образовательной.

— Что, струсил? — презрительно спросила девушка. — Не хватает пороху сдержать слово? Поползешь на пузе назад, на помойку?

Все трое злобно смотрели на него.

— Потом, — пробормотал Арктор и двинулся

к выходу.

— Торчок сраный! — бросила вслед девушка. — Ни мозгов, ни характера — все выжжено. Ползи, ползи, ты сам себя обрекаешь.

— Я вернусь, — обиженно буркнул Арктор. Здешняя атмосфера давила на него все сильнее.

— Мы можем и не пустить тебя назад, слизняк, — предупредил один из парней.

— Будешь умолять, — добавил другой. — В ногах валяться. И все равно не факт, что мы захотим тебя принять.

— Во всяком случае, сейчас ты нам не нужен, — подытожила девушка.

У двери Арктор обернулся и посмотрел на своих мучителей. Он хотел сказать что-нибудь, но не мог найти слов. В голове было пусто, словно все стерли. Мозг отказывался работать: ни одной мысли, ни одного сколько-нибудь подходящего ответа, даже самого примитивного. Странно, недоумевал он, подходя к машине, очень странно. Да уж, с Черным Уиксом можно распрощаться навсегда. Я сюда больше не ходок. Пора просить о новом задании. Искать кого-то другого.

Похоже, эти типы будут покруче нас с Хэнком.

Глава 4

Из костюма-болтуньи одно расплывчатое пятно, называющее себя Фредом, смотрело на другое расплывчатое пятно, известное под именем Хэнк.

— Итак, это все о Донне, Чарлзе Фреке и… — Металлическая монотонная речь Хэнка на секунду прервалась. — Так, с Джимом Баррисом тоже все. — Он сделал пометку в лежащем перед ним блокноте. — Дуг Уикс, по вашему мнению, мертв или переместил свою деятельность в другой район.

— Или лег на дно, — добавил Фред.

— Вам говорит что-нибудь имя Граф или Арт де Винтер?

— Нет.

— А женщина по имени Молли? Крупная такая.

— Нет.

— Как насчет пары негров — братья, лет по двадцать, фамилия Хэтфилд или что-то в этом роде? Работают с фунтовыми пакетами героина.

— Фунтовыми? *Фунтовыми пакетами геро-*

ина?

— Именно.

— Нет, такое я бы запомнил.

— Еще есть один швед, высокого роста, фамилия шведская. Отсидел срок, любит прикалываться, странноватый такой. Высокий, худой, имеет при себе много денег — видимо, от крупной сделки в начале месяца.

— Поищу. Да-а, фунтовые пакеты… — Фред покачал головой, и расплывчатое пятно заколыхалось.

Хэнк порылся в досье.

— Так, этот сидит… — Он поднял одну из фотографий, прочитав что-то на обороте. — Нет, мертв, тело у нас здесь, внизу… Как вы думаете, эта девчонка, Джора, работает на панели? — спросил он, покопавшись еще немного.

— Вряд ли.

Джоре Каджас было всего пятнадцать. Она уже сидела на препарате «С» и жила в Бриа, в районе трущоб, на верхнем этаже полуразвалившегося холодного домишки. Единственным источником ее дохода являлась стипендия штата Калифорния, которую она в свое время выиграла. Но на занятиях Джору никто не видел уже полгода.

— Если что, дайте мне знать. Мы привлечем ее

родителей.

— Хорошо.

— Боже мой, как же быстро они катятся под гору!.. Была вчера тут одна — выглядит на все пятьдесят. Седые волосы клочьями, выпавшие зубы, глаза ввалились, тело иссохшее… Мы спросили, сколько ей лет, — говорит, девятнадцать. Проверили — точно. «Знаешь, на кого ты похожа? Посмотри в зеркало». Она посмотрела в зеркало и заплакала. Я спросил, давно ли она ширяется.

— Год, — предположил Фред.

— Четыре месяца.

— На улицах сейчас продают такую дрянь… — Фред постарался отогнать образ девятнадцатилетней девчонки с выпавшими волосами. — Смешивают черт знает с чем.

— А рассказать, как она села на препарат? Ее братья, оба толкачи, вошли к ней как-то ночью, заломили руки, сделали укол и изнасиловали. Вдвоем. Так сказать, ввели в новую жизнь.

— Где они сейчас?

— Отбывают по полгода за хранение. У девчонки еще и триппер; она даже не знала, так что и лечить теперь трудно. А братишек это только насмешило.

— Милые ребятки.

— А вот это вас проймет наверняка. Слыхали, в фэрфилдском госпитале есть три младенца, которым надо каждый день вкалывать дозу героина. Они такие маленькие, что не смогли бы пережить ломку. Сестра попробовала…

— Меня проняло, — механическим голосом перебил Фред. — Вполне достаточно, благодарю.

Хэнк продолжал:

— Когда представишь себе новорожденного наркомана…

— Достаточно, спасибо, — повторило расплывчатое пятно по имени Фред.

— Как, по-вашему, наказывать мать, которая прикармливает младенца героином, чтобы он не орал?

— Иногда мне хочется сойти с ума. Но я разучился.

— Это утраченное искусство, — вздохнул Хэнк. — Возможно, со временем выпустят инструкцию.

— Был такой фильм в начале семидесятых, о парочке агентов, — сказал Фред. — Во время рейда один из них свихнулся и всех перестрелял, включая своих боссов. Ему было все равно.

— Выходит, хорошо, что вы не знаете, кто я. Можете достать меня только случайно.

— В конце концов, — усмехнулся Фред, — нас всех так или иначе достанут.

— Ну что ж, в каком-то смысле это будет облегчением. Отмучаемся. — Хэнк вновь углубился в свои бумаги. — Так. Джерри Фабин. Этого можно списать. Упокоился в наркоцентре. Говорят, по пути в клинику он жаловался, что за ним день и ночь таскается наемный киллер — маленький, ростом в метр и безногий. Ездит на тележке. Он, мол, до сих пор никому об этом не рассказывал — боялся, что все сдрейфят и бросят его, так что не с кем будет даже поговорить.

— Точно, с Фабином покончено. Я видел его энцефалограмму из клиники.

Всякий раз, сидя напротив Хэнка и докладывая, Фред чувствовал в себе глубокую перемену. Он начинал относиться ко всему рационально, смотрел на происходящее как бы со стороны. О ком бы ни шла речь, что бы ни произошло, ничего не вызывало эмоционального отклика.

Сперва он приписывал это действию костюма-болтуньи — физически они с Хэнком никак не чувствовали друг друга. Потом пришел к выводу, что дело не в костюме, а в самой ситуации. Что толку от вовлеченности, если ты обсуждаешь преступления, совершенные людьми, близкими

тебе и, как в случае Донны и Лакмена, дорогими? Надо нейтрализовать себя, и они оба делали это — Фред даже в большей степени, чем Хэнк. Они говорили в нейтральных тонах, они нейтрально выглядели, они стали нейтральными.

Потом чувства возвращались, лились потоком… Возмущение, ужас, горе. Кошмарные образы и сцены прокручивались в мозгу, как кино. Внезапно, без всяких анонсов, и со звуком, который ничем нельзя было заглушить.

А пока, сидя за столом, Фред ничего не ощущал. Он мог описать все увиденное с полным безразличием. И что угодно выслушать от Хэнка. Например, он мог запросто сказать: «Донна умирает от гепатита и старается заразить своей иглой как можно больше приятелей. Надо бы надавать ей как следует по башке, чтобы прекратила этим заниматься». О своей собственной девушке… Или: «Вчера Донна наширялась дешевым суррогатом ЛСД, и половина кровеносных сосудов у нее в мозгу полопалась». Или: «Донна мертва». И Хэнк спокойно запишет сообщение, только, может быть, спросит: «У кого она купила дозу?» или: «Где будут похороны? Надо выяснить номера машин и фамилии присутствующих», — и он будет хладнокровно это обсуждать.

Перемена в Аркторе-Фреде была вызвана необходимостью беречь чувства. Пожарные, врачи и гробовщики ведут себя точно так же. Невозможно каждую секунду восклицать и рыдать — сперва изведешь себя, а потом и окружающих. У человека есть предел сил.

Хэнк не навязывал Фреду своего бесстрастия, он как бы «разрешал» перенимать его. Фред это понимал и ценил.

— А как насчет Арктора? — поинтересовался Хэнк.

Каждый агент, находясь в костюме-болтунье, естественно, докладывал и о себе. Иначе его начальник — и весь полицейский аппарат — знал бы, кто такой Фред, несмотря на костюм. «Крысы» в Отделе не преминули бы донести своим, и очень скоро Боб Арктор, куря травку и закидываясь вместе с дружками, тоже начал бы замечать позади себя какого-нибудь безногого киллера на тележке, причем отнюдь не из галлюцинации, как Джерри Фабин.

— Арктор ведет себя тише воды ниже травы, — сообщил Фред. — Работает у себя на фирме и закидывает пару таблеточек смерти каждый день…

— Сомневаюсь. — Хэнк взял со стола листок. —

Мы получили сигнал от информатора, довольно надежного: у Арктора водятся большие деньги. Пришлось поинтересоваться, сколько он получает в своей фирме. Оказывается, совсем немного. А когда спросили почему, то выяснилось, что он вообще работает там неполную неделю.

— Так… — мрачно протянул Фред, понимая, что «большие деньги» — это как раз то, что ему платили в полицейском управлении. Каждую неделю он забирал пачку мелких купюр из специальной машины, замаскированной под автомат для продажи газировки в одном из баров. В основном шло вознаграждение за информацию, которая приводила к арестам и конфискациям товара. Иногда суммы бывали довольно солидными — в случае, если удавалось взять крупную партию героина.

— По данным нашего информатора, — продолжал Хэнк, — Арктор частенько таинственным образом исчезает, особенно по вечерам. Вернувшись домой, он ест, а потом под разными предлогами уходит опять, иногда почти сразу. — Человек в костюме-болтунье поднял глаза на Фреда. — Вы замечали что-нибудь подобное? Можете подтвердить? Что это означает?

— Скорее всего, сидит у своей цыпочки, Донны.

— Хм, «скорее всего»… Вы обязаны знать.

— У Донны, точно. Он трахает ее круглые сутки. — Арктору-Фреду было страшно неловко. — Но я проверю и сообщу. Кто информатор? Может, у него зуб на Арктора?

— Откуда я знаю? Это был телефонный звонок. Отпечатка голоса нет — звонивший говорил через какую-то электронную штуковину, самодельную. — Костюм Хэнка издал странный металлический смешок. — Но ее вполне хватило.

— Боже! — возмутился Фред. — Так это же Джим Баррис! Этот вконец ошизевший торчок просто-напросто хочет опустить Арктора. Баррис еще в армии занимался всякой электроникой. Как информатору я бы ему ни на грош не верил.

— Мы не знаем, Баррис ли это, и, кроме того, Баррис — не просто вконец ошизевший торчок. Им особо занимаются несколько людей… Но эти данные вам не нужны, во всяком случае — пока.

— Так или иначе, это один из друзей Арктора, — сказал Фред.

— И донес из мести, без всякого сомнения. Ох уж эти торчки — то и дело стучат друг на дружку. Да, Арктора он, по-видимому, знает довольно близко.

— Верный друг, — криво усмехнулся Фред.

— Ладно, нам это на руку. В конце концов, вы сами занимаетесь тем же.

— Я это делаю не из злобы.

— А из каких соображений?

— Будь я проклят, если знаю, — подумав, сказал Фред.

— Теперь так, Уикса отставляем, — распорядился Хэнк. — Пока главный объект вашего наблюдения — Боб Арктор. У него есть второе имя? Он употребляет инициал…

Фред издал сдавленный механический звук.

— Почему Арктор?

— Тайное финансирование, загадочное времяпрепровождение, множество врагов… Какое у него второе имя? — Хэнк в ожидании занес ручку над листом бумаги.

— Послтуэйт.

— Как это пишется?

— Хрен его знает, спросите что полегче.

— Так… Послтуэйт… — пробормотал Хэнк, выписывая буквы. — Что за имя, интересно…

— Валлийское, — ответил Фред. Он едва слышал, перед глазами все плыло. — Вы что, собираетесь поставить его квартиру на прослушивание?

— Установим новую голографическую систему,

это еще лучше. Думаю, вам понадобятся записи и распечатки. — Хэнк начал писать.

— Видимо, да, — пробормотал Арктор-Фред. Он чувствовал, что отключается, и мечтал о том, чтобы все скорее закончилось. И еще: закинуться бы парой таблеток…

Напротив него бесформенное пятно что-то писало и писало, заполняя бланки и требования на оборудование, с помощью которого он должен будет установить круглосуточное наблюдение за своим собственным домом, за самим собой.

* * *

…Вот уже больше часа Баррис возился с самодельным глушителем, смастеренным из подручных средств стоимостью одиннадцать центов. Он почти добился цели, располагая лишь алюминиевой фольгой и куском пористой резины.

В ночном мраке заднего двора дома Боба Арктора, среди мусорных куч и зарослей кустарника, Баррис готовился произвести пробный выстрел.

— Соседи услышат, — беспокойно проговорил Чарлз Фрек. Он опасливо косился на освещенные окна окрестных домов; должно быть, смотрят себе телик или покуривают травку.

— Здесь сообщают только об убийствах, — ска-

зал Лакмен, держась в стороне.

— Зачем тебе глушитель? — спросил Барриса Фрек. — Глушители запрещены.

— В условиях нашего вырождающегося общества и всеобщей испорченности каждый стоящий человек должен быть постоянно вооружен, — мрачно заявил Баррис. — Для самообороны.

Он прищурил глаза и выстрелил. Раздался дикий грохот, на время оглушивший всех троих. Вдали залаяли собаки.

Баррис с улыбкой стал разворачивать алюминиевую фольгу. Ему, казалось, было забавно.

— Вот так глушитель… — выдавил Чарлз Фрек, ожидая появления полиции. Десятка полицейских машин.

— В данном случае звук скорее усилился, — объяснил Баррис, показывая Лакмену кусок прожженной резины. — Но в принципе я прав.

— Сколько стоит этот пистолет? — спросил Чарлз Фрек. Он никогда не держал пистолета. Несколько раз у него были ножи, но их вечно крали.

— Пустяки, — ответил Баррис. — Подержанный, как этот, — около тридцати долларов. — Он протянул пистолет Фреку, и тот с опаской попятился. — Я продам его тебе, ты обязательно

должен иметь оружие, чтобы защищаться от обидчиков.

— Их хоть пруд пруди, — иронично вставил Лакмен. — Видел на днях объявление в «Лос-Анджелес таймс»? Предлагают транзисторный приемник тому, кто удачнее всех обидит Фрека.

— Хочешь, я дам тебе за него тахометр Борга-Уорнера? — предложил Фрек.

— Который ты спер из гаража того парня напротив, — ехидно заметил Лакмен.

— Ну и что, пистолет небось тоже краденый, — обиделся Фрек. Почти все стоящие вещи были когда-нибудь украдены: это лишь указывало на их ценность. — И кроме того, тот парень первым его спер: эта вещь переходила из рук в руки раз пятнадцать. Наверняка очень клевый тахометр.

— Откуда ты знаешь, что он его спер? — ухмыльнулся Лакмен.

— Ха, да у него их восемь штук в гараже, и из всех торчат отрезанные провода. Откуда бы он их еще взял? Может, пошел и купил? Восемь тахометров?

Лакмен повернулся к Баррису:

— Я думал, ты корпишь над цефаскопом. Уже сделал?

— Я не могу сидеть над ним день и ночь: ра-

бота очень сложная, — объяснил Баррис. — Мне нужно отдыхать. — Он отрезал перочинным ножиком еще один кусок пористой резины. — Этот будет совершенно бесшумным.

— Боб думает, что ты работаешь над цефаскопом, — пробормотал Лакмен. — Лежит сейчас в постели и думает, а ты тут лупишь из пистолета. Ты ведь сам соглашался с Бобом, что должен отработать долг за квартиру…

— Ага, сейчас… — надулся Баррис. — Тщательная кропотливая работа по реконструкции поврежденной электронной схемы стоит…

— Ладно-ладно, давай стреляй из своего чуда света за одиннадцать центов, — ухмыльнулся Лакмен и рыгнул.

* * *

С меня довольно, думал Боб Арктор.

Он лежал в темной спальне, слепо глядя в потолок. Под подушкой был его полицейский револьвер: он автоматически достал его из-под кровати и положил поближе, когда услышал выстрел в заднем дворе. Чисто машинальное действие, направленное против любой и всяческой опасности.

Но револьвер под подушкой не защитит от

такого изощренного коварства, как порча самой дорогой и ценной вещи. Вернувшись домой после доклада Хэнку, Арктор сразу же проверил остальное имущество, особенно машину. В такой ситуации машина — самое главное. Что бы ни происходило, кем бы ни был таинственный враг, следует быть готовым ко всему. Какой-то ополоумевший торчок старается ему нагадить, не попадаясь на глаза. Даже не человек, а скорее ходячий и укрывающийся симптом их образа жизни.

А ведь было время, когда он жил не так. Не надо было прятать под подушкой револьвер, и один псих не стрелял ночью во дворе бог знает с какой целью; а другой псих (впрочем, может, и тот же самый) не ломал невероятно дорогой цефаскоп, который всем приносил радость… В те дни жизнь Роберта Арктора текла иначе: у него была жена как все жены, две маленькие дочурки, приличный дом, чистый и прибранный. Даже газеты всегда подбирали с дорожки и относили в мусорный бак. Иногда их читали… Но однажды, вытаскивая из-под раковины электропечь для попкорна, Арктор ударился головой об угол кухонной полки. Острая боль, такая внезапная и незаслуженная, каким-то образом прочистила

ему мозги. Он осознал, что ненавидит не полку — он ненавидит задний дворик с газонокосилкой, гараж, центральное отопление, дорожку перед домом, изгородь, сам проклятый дом и всех, кто в нем живет. Он захотел уйти, он захотел развода. И получил что хотел почти сразу. И вступил постепенно в новую суровую жизнь, где всего этого не было.

Возможно, ему следовало бы пожалеть о своем решении. Однако сожаления он не испытывал. Та жизнь была слишком скучна, слишком предсказуема, слишком безопасна. Все элементы, ее составляющие, находились прямо перед глазами, и ничего неожиданного случиться не могло. Словно пластиковая лодка, которая будет держаться на плаву вечно, пока наконец не затонет, ко всеобщему тайному облегчению.

Зато в том мрачном мире, где он обитал теперь, в кошмарных неожиданностях, и странных неожиданностях, и, крайне редко, приятных неожиданностях недостатка не было. Случиться могло что угодно. Хотя бы вот варварская порча цефалохромоскопа, единственной отдушины в его жизни. Рассуждая здраво, совершенно бессмысленная. Впрочем, очень мало из того, что происходило долгими темными вечерами, мож-

но было бы назвать здравым в точном смысле этого слова. Загадочный акт мог совершить кто угодно и по самой невероятной причине. Любой человек, которого он знал или встречал. Любой из восьми дюжин всевозможных свихнувшихся шизиков. *Вообще любой,* совершенно незнакомый псих, выбравший наугад фамилию из телефонной книги.

Или ближайший друг.

Может быть, Джерри Фабин — еще до того, как его повязали. У Джерри были абсолютно выгоревшие мозги. Эти букашки… Обвинял Донну — и всех девчонок вообще, — что они его заразили. Но если бы Джерри решил мстить, то выбрал бы своим объектом Донну. И в любом случае Джерри вряд ли сумел бы снять нижнюю панель; скорее всего, он до сих пор торчал бы здесь, откручивая и закручивая один и тот же винт. Или попросту разбил бы все молотком. Так или иначе, будь это дело рук Джерри Фабина, кругом валялись бы яйца тли… Боб Арктор криво усмехнулся про себя.

Бедный придурок, подумал он с грустью. Еще один из длинного списка жалких существ со сгнившими мозгами. Биологический организм продолжает функционировать, однако сознание, душа — все мертво. Остались лишь механические

рефлексы, как у насекомого. Интересно, каким Джерри был раньше? Чарли Фрек уверял, что когда-то Джерри соображал прилично.

Поделиться с Хэнком? Они бы сразу разобрались, кому это нужно. Вот только что изменится? В такой работе риск неизбежен.

Она не стоит того, эта работа, подумал Арктор. Не стоит всех денег на проклятой планете. Хотя дело все равно не в деньгах. «Как вы решились?» — спросил однажды Хэнк. А что человек знает об истинных мотивах своих поступков? Может быть, скука, стремление действовать. Тайная неприязнь к окружающим. Или кошмарная причина: наблюдать человеческое существо, которое ты глубоко любишь, которое ты обнимал и целовал и, главное, которым ты восхищался, — видеть, как это теплое живое существо выгорает изнутри, начиная с сердца. Пока не защелкает, как насекомое, без конца повторяя одну и ту же фразу. *Запись*. Замкнутая петля пленки.

«Мне бы еще одну дозу…»

И будет повторять это, даже когда три четверти мозга превратятся в кашу, как у Джерри Фабина.

«Мне бы еще одну дозу, и все наладится».

Ему представилась картина: мозг Джерри Фабина в виде исковерканной схемы цефалохро-

москопа — погнутые, перекушенные, спаленные провода, оторванные концы, вьющийся дымок и едкий запах. И кто-то сидит с вольтметром, замеряет цепи и бормочет: «Да-а, надо менять почти все конденсаторы и сопротивления...» И наконец от Джерри Фабина пойдет один только белый шум. И с ним бросят возиться. Так и цефаскоп, сделанный на заказ за тысячу долларов, чини его не чини, в конце концов высветит на экране лишь тусклый серый фон, а в уголке будут мигать слова: МНЕ БЫ ЕЩЕ ОДНУ ДОЗУ... Тогда останется только взять цефаскоп, не подлежащий восстановлению, и Джерри Фабина, также не подлежащего восстановлению, и выбросить их в один и тот же мусорный бак.

Ладно, подумал Арктор, в конце концов, кому нужен Джерри Фабин — кроме, разумеется, самого Джерри Фабина? Однажды Джерри размечтался о том, как сделает шикарную телевизионную систему с двухметровым экраном и квадрозвуком и подарит своему другу, а когда его спросили, как он собирается дотащить эту махину от своего гаража к другу домой, ответил: «Нет проблем, она будет складная. Я уже купил петли — просто сложу ее, положу в конверт и пошлю по почте».

По крайней мере, усмехнулся Арктор, нам не

придется больше выметать из дому тлей после его визитов. Однажды они придумали историю (точнее, Лакмен придумал, у него это лихо получается) — психиатрическое объяснение бзика с букашками. Разумеется, все коренится в детстве.

Приходит однажды Джерри-первоклашка домой, зажимая под мышкой свои маленькие книжечки, весело насвистывает — глядь, а в гостиной рядом с матерью сидит этакая здоровенная тля размером с него самого, и мать с обожанием на нее смотрит.

— Что это? — спрашивает крошка Фабин.

— Перед тобой твой старший брат, — говорит мать. — Теперь он будет жить с нами. Его я люблю больше, чем тебя. Он способен на такое, что тебе и не снилось.

И с тех пор родители Джерри Фабина постоянно сравнивают его с этим самым братом, который на самом деле тля, и унижают как могут. По мере того как они с тлей растут, у Джерри вырабатывается комплекс неполноценности — что вполне естественно. Окончив школу, брат продолжает учебу в колледже, а Джерри идет работать на бензоколонку. Потом брат-тля становится знаменитым врачом или ученым; ему присуждают Нобелевскую премию. Джерри протирает ветро-

вые стекла и меняет колеса за полтора доллара в час. Отец и мать никогда не упускают случая проехаться на его счет. «Куда тебе до брата!» — повторяют они то и дело.

Наконец Джерри убегает из дома. Но подсознательно он убежден в превосходстве тли. Сперва он воображает себя в безопасности; потом ему начинает повсюду мерещиться тля — сначала в волосах, а потом и во всем доме, — поскольку комплекс неполноценности успел перерасти в сексуально окрашенное чувство вины, а тля служит как бы наказанием, которое он сам навлекает на себя, и так далее.

Теперь история вовсе не кажется смешной. Теперь — когда по просьбе его же друзей Джерри посреди ночи забрали. Они сами — все, кто был тогда с Джерри, — так решили: иного выхода не оставалось. Той ночью Джерри забаррикадировал двери дома, навалил фунтов девятьсот всякого хлама, включая диван, и стулья, и холодильник, и телевизор, и сообщил, что снаружи поджидает его гигантская сверхразумная тля с иной планеты, а сейчас она собирается ворваться и наложить на него лапы. Прилетят и другие, даже если с этой он расправится. Внеземные тли гораздо умнее людей и, если потребуется, прой-

дут прямо сквозь стены, тем самым обнаруживая свои тайные способности. Чтобы уберечь себя как можно дольше, ему придется залить дом цианистым газом. И он готов к этому. Каким образом? Он уже законопатил все окна и двери и теперь откроет воду в ванной и на кухне. Оказывается, водяной бак в гараже заполнен цианидом, а не водой. Он давно это знал и берег на крайний случай. Они все погибнут, но по крайней мере не впустят сверхразумных тлей.

Его друзья позвонили в полицию. Полиция взломала дверь, и Джерри забрали в клинику. В последний момент Джерри сказал: «Принесите мне мою новую куртку — ту, что отделана бисером на спине». Он только что ее купил, она ему очень нравилась. Практически единственная вещь, которая ему нравилась; все остальное он считал зараженным.

Нет, подумал Боб Арктор, какой уж тут смех. Даже непонятно, как это вообще могло казаться забавным. Наверное, виноват страх, кошмарный страх, который все они испытывали в те последние недели. Порой Джерри ночью бродил по дому с ружьем, ощущая присутствие врага. Готовый стрелять первым.

А теперь, думал Боб Арктор, враг появился у

меня. Во всяком случае, я напал на его след, на оставленные им знаки. Еще один доходяга на последней стадии вроде Джерри. Да, если уж эта штука въедет по башке, то мало не покажется. Не хуже нового «Форда» со сверхмощным движком из телерекламы.

В дверь спальни постучали.

— Кто там?

— Ку-ку, — ответил голос Барриса.

— Входи, — сказал Арктор и включил ночник.

Баррис вошел в комнату, его глаза возбужденно поблескивали.

— Еще не спишь?

— Я видел сон, — сказал Арктор. — Религиозный. Оглушительный раскат грома, и вдруг небеса раскалываются, и появляется Господь Бог, и голос Его гремит… Что Он там наплел, черт побери?.. Ах да. «Я раздосадован, сын мой». Бог ухмыляется. Я дрожу во сне и поднимаю взор вверх. «Что я натворил, Господи?» А Он отвечает: «Ты опять не завернул тюбик с зубной пастой». И тогда я понимаю, что это моя бывшая жена.

Баррис сел, погладил руками колени, обтянутые кожаными штанами, покачал головой и посмотрел прямо на Арктора. Судя по всему, у него было превосходное настроение.

— Ну, — деловито сообщил он, — я приготовил в первом приближении кое-какие теоретические выводы о личности, виновной в порче твоего цефаскопа, от которой, кстати, можно ждать в дальнейшем подобных же действий.

— Если ты хочешь сказать, что это Лакмен…

— С-слушай, — возбужденно раскачиваясь, перебил Баррис. — Что, если я скажу тебе, что я давно предвидел серьезное повреждение какого-нибудь нашего домашнего имущества, особенно дорогого и трудно поддающегося ремонту? Моя теория *требовала* того! И сейчас, таким образом, я получил доказательство!

Арктор не сводил с него глаз.

Медленно осев в кресле, Баррис вновь принял спокойный и насмешливый вид.

— Ты… — сказал он, указав пальцем.

— Это сделал я?.. — проговорил Арктор. — Сжег свой собственный, незастрахованный цефаскоп… — В нем закипели отвращение и ярость. Уже поздняя ночь, надо спать…

— Нет-нет, — быстро возразил Баррис, болезненно сморщившись. — Ты *смотришь* на виновного. На того, кто испортил твой цефаскоп. В этом-то я и хотел признаться, но мне не позволяли открыть рта.

— Это сделал ты? — ошарашенно спросил Арктор, глядя на Барриса, чьи глаза сверкали каким-то неясным торжеством. — Зачем?

— Точнее, *теория* утверждает, что это я, — сказал Баррис. — Очевидно, принуждаемый постгипнотическим внушением. И блокировка памяти, чтобы ничего не помнил.

Он начал смеяться.

— Позже, — рявкнул Арктор и выключил свет.

Баррис поднялся.

— Неужели ты не понимаешь?.. Я разбираюсь в электронике и имею доступ — я тут живу. Единственно, чего я не могу понять, — это мои мотивы.

— Ты это сделал, потому что ты псих, — сказал Арктор.

— Возможно, меня наняли тайные силы… — недоуменно бормотал Баррис. — Но что ими движет? Какова цель? Посеять среди нас подозрение и тревогу, вызвать разлад и антипатию, настроить друг против друга, чтобы мы не знали, кому доверять, кто враг…

— Тогда они добились успеха, — заметил Арктор.

— Но зачем им это? — воскликнул Баррис; его руки дрожали. — Столько хлопот: снимать

нижнюю панель, подбирать ключ ко входной двери…

Скорей бы получить голографические камеры и установить их по всему дому, подумал Арктор. Он прикоснулся к револьверу и ощутил прилив уверенности. Может быть, проверить магазин? Впрочем, тогда он начнет сомневаться, не заклинило ли барабан, не стерся ли ударник, не высыпался ли порох из патронов, и так до бесконечности, с одержимостью, как маленький мальчик, пересчитывающий трещины на тротуаре, чтобы совладать со страхом. Маленький Бобби Арктор, первоклашка, возвращающийся домой со своими маленькими учебничками, перепуганный до смерти лежащей впереди неизвестностью.

Протянув руку, он начал шарить по спинке кровати, пока не нащупал наклеенную полоску скотча. Затем, не обращая внимания на Барриса, отодрал ее, и в ладонь упали две таблетки препарата «С». Арктор закинул их в рот, проглотил прямо так, без воды, и, вздохнув, бессильно упал на подушку.

— Свали, — сказал он Баррису.

И заснул.

Глава 5

Бобу Арктору надо было на некоторое время покинуть дом, чтобы там установили подслушивающую и подсматривающую аппаратуру.

Обычно за домом следят до тех пор, пока из него не уходят все проживающие и можно предположить их длительное отсутствие. Порой агенты вынуждены ждать неделями. В конце концов, если ничего не получается, жильцов удаляют под каким-нибудь благовидным предлогом, например в связи с травлей тараканов.

Но в данном случае подозреваемый Роберт Арктор очень кстати уехал сам, прихватив с собой обоих жильцов, чтобы взять напрокат цефалохромоскоп, пока Баррис не починит сломанный. Соседи видели, как все трое с серьезным и целеустремленным видом уселись в машину Арктора. Позже из подходящего места — телефона-автомата на бензоколонке — Фред доложил, изменив голос с помощью электроники костюма-болтуньи, что до конца дня в доме определенно никого не будет. По его словам, он подслушал, как жильцы втроем обсуждали предстоящую по-

ездку в Сан-Диего, где у одного типа был дешевый краденый цефаскоп. Всего пятьдесят баксов — за такую цену имело смысл смотаться.

Кроме того, это предоставляло властям удобную возможность пошарить по закоулкам более тщательно, чем обычно удавалось тайным агентам. Нужно было отодвинуть шкафы и проверить, не приклеено ли чего сзади. Нужно было развинтить торшеры и посмотреть, не посыплются ли оттуда сотни таблеток. Нужно было заглянуть в туалетный бачок — нет ли пакетиков, пристроенных так, чтобы легко смывались водой. Нужно было проверить холодильник, не лежат ли там замороженные наркотики в упаковках от жареной картошки и фасоли. А тем временем полицейские техники установят хитрые голографические видеокамеры и проверят, как они работают. Аудиоаппаратуру также поставят, но с ней было легче. Расположить все это незаметно в нужных местах чертовски трудно, и техникам хорошо платили — если они давали промашку и камеру потом находили жильцы, эти жильцы сразу просекали, что находятся под колпаком, и сворачивали свою деятельность. А иногда просто снимали следящую систему и с потрохами ее продавали. Доказывать факт воровства в суде весьма

непросто, полиция в таких случаях может лишь придраться к какому-нибудь пустяку. Толкачи же, напротив, реагировали в подобной ситуации куда более резко. Арктор припомнил, как один посредник, желая убрать цыпочку, запрятал в ручку ее утюга два пакетика героина, а потом сделал анонимный звонок в отдел «МЫ СООБЩАЕМ». Получилось так, что девушка сама нашла героин и продала его. Полиция, естественно, ничего не обнаружила и по записи голоса арестовала толкача за дезинформацию. Освободившись под залог, толкач ночью заявился к цыпочке и избил ее до полусмерти. На вопрос, почему он выбил ей глаз и сломал обе руки и парочку ребер, пойманный толкач ответил, что она продала принадлежавшие ему два пакетика высокопробного героина и не взяла его в долю.

Арктор высадил Лакмена и Барриса — искать парня с цефаскопом; таким образом, они не могли внезапно вернуться домой и застукать техников, а Арктору представлялась возможность повидать одну знакомую, которую он не встречал больше месяца. Он вообще редко посещал этот район. Цыпочка вроде держалась — ничего, кроме «смеси» пару раз в день и улицы, чтобы заработать на дозу. Она жила с толкачом; обычно Дан Ман-

честер днем дома не сидел. Он тоже употреблял наркотики, но что конкретно, Арктор не знал. Скорее всего, разные. Так или иначе, тип был свирепый и жестокий, непредсказуемый и опасный. Чудо, что местная полиция не привлекала его за нарушение общественного порядка. Может, откупался. А скорее всего, им было просто наплевать: в районе трущоб жили одни старики да нищета. Полиция наведывалась в эти кварталы лишь в случае тяжких преступлений.

Арктор остановил машину у пропахшего мочой подъезда и поднялся к двери «Г». Перед дверью валялась полная банка «Драно», и он машинально ее поднял, подумав при этом: «Сколько детей с ней играли?..» И на миг вспомнил своих собственных детей…

Арктор заколотил банкой в дверь.

Щелкнул замок. Дверь приоткрылась, и из-за цепочки выглянула девушка, Кимберли Хокинс.

— Да?

— Здорово. Это я, Боб.

— Что это у тебя?

— Банка «Драно».

Вялым движением она сняла цепочку; голос ее тоже был вялым. Под глазом красовался синяк, разбитая губа опухла. Арктор заметил, что окна

маленькой грязной квартиры разбиты; осколки стекла валялись на полу вместе с перевернутыми пепельницами и бутылками из-под кока-колы.

— Ты одна? — спросил он.

— Да. Мы поцапались, и Дан ушел.

Девушка — наполовину мексиканка, маленькая, некрасивая, с болезненно бледным лицом кокаинистки — безжизненно смотрела вниз, подслеповато щурясь. Арктор заметил, что голос у нее хриплый. Может, причина в наркотиках, а может, в простуде — из-за разбитых окон в комнате было холодно.

— Он тебя отделал.

Арктор поставил банку «Драно» на полку с несколькими замусоленными порнографическими журналами.

— Еще хорошо, что у него не было ножа. Он теперь носит охотничий нож на поясе, в ножнах. — Кимберли опустилась на стул с торчащими из него пружинами. — Чего тебе, Боб? Мне совсем погано, правда.

— Хочешь, чтобы он вернулся?

Она пожала плечами.

Арктор подошел к окну и выглянул на улицу. Дан Манчестер, безусловно, объявится рано или поздно. Девушка была источником денег, а Дан

знал, что ей понадобится доза, как только кончится запас.

— Надолго тебе хватит?

— Еще на день.

— Не можешь достать в другом месте?

— Могу, но не так дешево.

— Что у тебя с горлом?

— Простуда. Ветер задувает.

— Ты бы сходила…

— Если я пойду к врачу, он поймет, что я нюхаю. Я не могу.

— Ему наплевать.

— Нет.

Она прислушалась.

— По-моему, машина Дана. Красный «Форд Торино — семьдесят девять»?

Арктор кинул взгляд на захламленную стоянку. Туда въезжал побитый «Торино», выпуская из обеих выхлопных труб клубы черного дыма.

— Да.

Кимберли заперла дверь на два дополнительных замка.

— Он, наверное, с ножом.

— У тебя есть телефон?

— Нет.

— Нужно поставить.

Она снова пожала плечами.

— Он убьет тебя, — сказал Арктор.

— Не убьет, здесь ты.

— А когда я уйду?

Кимберли села и снова пожала плечами.

Через минуту они услышали шаги, а затем раздался стук в дверь. В ответ Кимберли закричала, что не одна.

— Ну ладно! — высоким голосом завопил Дан. — Я проколю тебе шины!

Он помчался вниз. Арктор и девушка увидели из разбитого окна, как Дан Манчестер — тощий, коротко остриженный, похожий на голубого, — размахивая ножом, подбежал к машине, при этом продолжая орать так, что слышно было по всей округе.

— Я порежу твои шины, твои сучьи шины! А потом зарежу тебя, сука!

Он нагнулся и проколол сперва одну, а потом вторую шину старенького «Доджа».

Кимберли внезапно очнулась, прыгнула к двери и стала рвать замки.

— Я должна остановить его! Машина не застрахована!

Арктор схватил ее за руки. Револьвер он, разумеется, не носил, а у Дана был нож.

— Шины не главное…

— Мои *шины!* — Исступленно крича, девушка пыталась вырваться.

— Он только и хочет, чтоб ты вышла, — урезонивающе сказал Арктор.

— Вниз, — задыхаясь, проговорила Кимберли. — У соседей есть телефон. Позвоним в полицию. *Пусти меня!* — Она с неожиданной силой вырвалась и сумела открыть дверь. — Я позвоню в полицию! Мои шины! Одна из них совсем новая!

— Я с тобой.

Арктор попытался ухватить ее за плечо, но она уже сбегала по лестнице и колотила в дверь.

— Пожалуйста, впустите! Мне надо позвонить в полицию! Пожалуйста, дайте позвонить!

Арктор тоже подошел к двери и постучал.

— Нам надо воспользоваться телефоном. Дело срочное.

Дверь открыл старик в сером свитере, галстуке и выглаженных форменных брюках.

— Спасибо, — сказал Арктор.

Кимберли протиснулась внутрь, подбежала к телефону и набрала номер. Все молчали; раздавался только голос девушки. Сбиваясь и путаясь, она тараторила что-то о ссоре из-за пары ботинок

ценой в семь долларов.

— Он говорит, что это его ботинки, потому что я подарила их ему на Рождество, но они мои, потому что деньги платила я. А он стал отбирать их, и я порезала подошвы открывалкой, и тогда… — Она замолчала, потом, кивая: — Да, хорошо, спасибо, буду ждать…

Старик смотрел на Арктора. Из соседней комнаты с немым ужасом выглядывала пожилая женщина в ситцевом платье.

— Вам, наверное, нелегко, — обратился к ним Арктор.

— Ни минуты покоя, — пожаловался старик. — Каждую ночь скандалы… Он все время грозит убить ее.

— Нам надо было вернуться в Денвер, — сказала женщина. — Говорила тебе, надо вернуться в Денвер.

— Ужасные драки, — продолжал старик. Он не сводил глаз с Арктора, взывая о помощи или, может быть, о понимании. — Шум, грохот… круглые сутки, без передышки, а потом, что еще хуже, знаете, каждый раз…

— Да, скажи ему, — подбодрила пожилая женщина.

— Что еще хуже, — с достоинством проговорил

старик, — каждый раз, когда мы выходим… ну, в магазин или отправить письмо, мы наступаем… знаете, что оставляют собаки…

— Кал! — с негодованием закончила женщина.

* * *

Наконец прибыла машина местной полиции. Арктор дал свидетельские показания, скрыв, что сам служит в полиции. Сержант записал его слова и пытался расспросить Кимберли как потерпевшую, но в ее лепетании не было ни капли смысла: она продолжала твердить о паре ботинок, о том, как она хотела их забрать и что они значат для нее. Полицейский, строча в блокноте, кидал на Арктора холодные взгляды, значения которых Арктор не понял, явно недружелюбные. Наконец сержант посоветовал Кимберли звонить, если хулиган вернется и будет поднимать шум.

— Вы отметили порезанные шины? — спросил Арктор, когда полицейский собрался уходить. — Вы осмотрели ее машину на стоянке? Порезы сделаны недавно — из шин еще выходит воздух.

Полицейский снова смерил его странным взглядом и, не говоря ни слова, удалился.

— Тебе не стоит здесь оставаться, — сказал Арктор девушке. — Он должен был посоветовать

тебе это и спросить, можешь ли ты куда-нибудь перебраться.

Кимберли опустилась на ветхую кушетку в загаженной гостиной, и глаза ее сразу потускнели. Она пожала плечами.

— Я отвезу тебя, — предложил Арктор. — У тебя есть подруга, у которой…

— Убирайся к черту! — вдруг взорвалась Кимберли. Она вопила совсем как Дан Манчестер, только более хрипло. — Убирайся к черту, Боб Арктор! Пошел вон! Вон, черт побери! Ты уйдешь или нет?

Ее голос перешел на пронзительный визг и сорвался.

Он вышел и медленно спустился по лестнице, тяжело шагая по ступенькам. Что-то звякнуло и покатилось вслед за ним — банка «Драно». Сзади хлопнула дверь, защелкали замки. Тщетная предосторожность, подумал Арктор. Все тщетно. Полицейский советует звонить, если хулиган вернется. А как она позвонит, не выходя из квартиры? Или выйдет — и Дан Манчестер тут же пырнет ее ножом, словно шину. И — кстати, о жалобе стариков снизу — она сперва шагнет, а потом замертво свалится в собачье дерьмо… Арктора разобрал истерический смех: у этих

стариков странные приоритеты. Не только свихнувшийся наркоман у них над головой каждую ночь избивает и грозит убить и, очевидно, скоро убьет молодую девушку — наркоманку и проститутку, которая, безусловно, больна гриппом и, наверное, кое-чем похуже, *но еще к тому же…*

— Собачье дерьмо… — усмехнулся он, уже сидя в машине с Лакменом и Баррисом. — *Собачье дерьмо.*

Смешная штука, если вдуматься. Забавное собачье дерьмо.

— Обгони ты этот грузовик, — нетерпеливо сказал Лакмен. — Еле плетется, сволочь.

Арктор выехал на левую полосу и набрал скорость. Но потом, когда он убрал ногу с газа, педаль неожиданно провалилась, мотор яростно взревел, и машина рванулась вперед.

— Потише! — одновременно воскликнули Лакмен и Баррис.

Машина разогналась до ста миль в час; впереди замаячил огромный фургон. И сидящий рядом Лакмен, и сидящий сзади Баррис инстинктивно выставили вперед руки. Арктор вывернул руль и проскочил фургон прямо перед носом у встречного «Корвета». Лакмен и Баррис уже кричали. «Корвет» отчаянно загудел; завизжали тормо-

за. Лакмен потянулся и выключил зажигание; Арктор тем временем сообразил поставить нейтральную передачу и все жал на тормоз, уходя вправо. Наконец машина с мертвым двигателем вкатила на аварийную полосу и потихоньку остановилась.

«Корвет», уже издалека, негодующе просигналил. Проезжающий мимо гигантский самосвал присоединился к нему, издав оглушающий рев.

— Какого черта? — пробормотал Баррис.

— Наверное, сломалась возвратная пружина.

Арктор дрожащей рукой махнул вниз, и все уставились на педаль газа, беспомощно вжавшуюся в пол. Так же молча они вылезли из машины и подняли капот. Оттуда пошел белый дым, из радиатора выбрызгивала кипящая вода.

Лакмен нагнулся над раскаленным мотором.

— Это не пружина. Это линия от педали к карбюратору. Глядите. Сломан рычаг. Так что педаль газа не вернулась, когда ты убрал ногу.

— На карбюраторе должен быть ограничитель, — ухмыляясь, сказал Баррис. — Таким образом, если…

— *Почему* сломался рычаг? — перебил Арктор. — Разве запорное кольцо не держит муфту на месте? — Его рука ощупала стержень. — Как

же он мог так отвалиться?

Баррис продолжал, будто ничего не слыша:

— Если линия по какой-то причине нарушается, двигатель должен сбросить обороты до холостых. А вместо этого обороты поднялись до предела. — Он наклонился, чтобы лучше видеть. — Этот винт вывернут. Винт холостого хода.

— Каким образом? — ошарашенно спросил Лакмен. — Случайно?

Вместо ответа Баррис достал из кармана перочинный нож, открыл маленькое лезвие и начал медленно закручивать регулятор, считая при этом вслух. Винт сделал двадцать оборотов.

— Чтобы ослабить запорное кольцо и снять муфту, крепящую рычаг акселератора, нужен специальный инструмент. Даже пара инструментов. Пожалуй, понадобится не менее получаса, чтобы снова все закрепить. Но у меня в ящике есть все, что надо.

— Твой ящик с инструментами дома, — напомнил Лакмен.

— Верно, — кивнул Баррис. — Значит, нам придется идти на ближайшую бензоколонку и либо попросить у них инструменты, либо вызвать сюда ремонтную машину. На мой взгляд, лучше вызвать. Надо хорошенько все проверить, прежде

чем снова садиться за руль.

— Послушай, — произнес Лакмен, — это произошло случайно или кто-то нарочно подстроил? Как с цефаскопом?

Баррис погрузился в раздумье, продолжая улыбаться своей скорбно-лукавой улыбкой.

— Не могу сказать однозначно. Как правило, повреждение автомобиля, злостное, имеющее целью вызвать аварию… — Он обратил на Арктора зеленые шторки очков. — Мы едва не накрылись. Иди этот «Корвет» чуть быстрее — и всем нам крышка. Тебе следовало сразу выключить зажигание.

— Я поставил на нейтралку, — ответил Арктор. — Когда сообразил. В первую секунду я не мог опомниться.

Если бы это была тормозная педаль, подумал он, я бы сориентировался быстрее. А так… уж очень все необычно.

— Кто-то нарочно это сделал! — громогласно объявил Лакмен. Он закружился на месте, яростно потрясая кулаками. — ПРОКЛЯТЬЕ! Мы чуть не разбились! Черт побери, нас чуть не угробили!

Баррис, стоя на краю дороги, вплотную к проносящимся машинам, достал маленькую коробочку с таблетками смерти, взял несколько сам, угостил

Лакмена, затем протянул ее Арктору.

— Может, это нас и доканывает, — раздраженно бросил Арктор. — Мутит мозги.

— Травка не может испортить карбюратор, — заявил Баррис, не убирая коробки. — Закинься по меньшей мере тремя, они слабенькие, хотя и чистые.

— Убери эту гадость, — устало произнес Арктор. В голове звенели громкие голоса, сливавшиеся в непонятную жуткую какофонию, — казалось, мир сошел с ума. Все вокруг — проносящиеся мимо машины, двое приятелей, его собственный автомобиль с поднятым капотом, вонь от выхлопных газов, яркий полуденный свет, — все приобрело прогорклый привкус, словно мир протух. Словно мир разлагался и смердел. Арктор почувствовал резкую тошноту, закрыл глаза и содрогнулся.

— Ты что-то унюхал? — спросил Лакмен. — Улика? Какой-то запах от двигателя…

— Собачье дерьмо… — пробормотал Арктор. Этот запах определенно исходил от мотора. Он нагнулся, принюхался, почувствовал его сильно и безошибочно. Чушь какая, дикость… — Правда, пахнет собачьим дерьмом? — спросил он Барриса и Лакмена.

— Нет, — сказал Лакмен, не сводя с него глаз.

И обратился к Баррису: — В твоих таблетках был галлюциноген?

Баррис, улыбаясь, покачал головой.

Арктор нагнулся над горячим двигателем. Он отдавал себе отчет, что на самом деле никакого запаха нет. И все же его чувствовал. А потом увидел размазанную по всему мотору, особенно у головок цилиндров, мерзкую бурую массу. Масло, подумал он, выплеснувшееся масло. Должно быть, прокладки прохудились.

Пальцы прикоснулись к вязкой липкой массе и отдернулись. Он вляпался в собачье дерьмо. Весь блок цилиндров, все провода покрывал слой собачьего дерьма. Переместив взгляд наверх, Арктор заметил дерьмо на звукопоглощающем материале капота. Его захлестнула тошнотворная вонь. Он сомкнул глаза и задрожал.

— Эй! — окликнул Лакмен, опустив ему на плечо руку. — У тебя что, глюк пошел?

— Билеты бесплатно, — поддакнул Баррис и заржал.

— Ну-ка присядь, — сказал Лакмен, отвел Арктора к сиденью водителя и бережно усадил. — Да ты прямо вырубаешься… Успокойся, никто не убит, и теперь мы начеку. — Он захлопнул дверцу. — Все нормально, понимаешь?

В окошко заглянул Баррис.

— Хочешь собачью какашку, Боб? Пожевать…

Ошеломленный Арктор широко раскрыл глаза и замер, глядя на него. Но мертвые зеленостеклянные шторки очков ничего не выдавали. Он в самом деле это сказал, мучился Арктор, или я спятил?

— Что, Джим? — спросил он.

Баррис начал смеяться. И смеялся, и смеялся.

— Оставь его в покое, — велел Лакмен, стукнув Барриса по спине. — Заткнись, Баррис!

Арктор обратился к Лакмену:

— Что он только что сказал? Дословно, что он мне сказал, черт побери?

— Понятия не имею, — ответил Лакмен. — Я не могу разобрать и половины из того, что он говорит.

Баррис все еще улыбался, но уже молча.

— Ты, проклятый Баррис, — процедил Арктор. — Я знаю, что это твоих рук дело — цефаскоп и теперь машина. Ты это сделал, ты, чертов ублюдок, псих поганый!

Арктор едва слышал собственный голос, однако чем громче он орал на ухмылявшегося Барриса, тем сильнее становилась кошмарная вонь. Он замолчал и понурился у руля, отчаянно борясь с

тошнотой. Слава богу, что рядом Лакмен. Иначе был бы мне конец. От руки сумасшедшего выродка, этого паршивого козла, живущего со мной под одной крышей.

— Успокойся, Боб, — сквозь волны тошноты донесся голос Лакмена.

— Я знаю, что это он, — сказал Арктор.

— Но зачем, черт побери?! Он бы и сам угробился. Зачем?

Запах ухмыляющегося Барриса захлестнул Боба Арктора, и его вырвало прямо на приборную доску. Тысячи тоненьких голосов звенели, вспыхивали, светились, странные, трепещущие, непонятные… Но по крайней мере он мог что-то видеть, и вонь начала уходить. Он задрожал и полез за носовым платком.

— Что там было в твоих таблетках? — подозрительно спросил Лакмен у Барриса.

— Послушай, я и сам закинулся, — ухмыльнулся Баррис. — И ты. Так что дело не в травке. Да и слишком быстро. При чем здесь таблетки — желудок не в состоянии усвоить…

— Ты меня отравил! — яростно прошипел Арктор. В голове и перед глазами стало проясняться, сохранился лишь страх. Страх — естественная реакция. Страх перед тем, что могло произойти,

перед тем, что это означало. Страх, страх, кошмарный страх перед улыбающимся Баррисом, и его проклятыми таблетками, и его объяснениями, и его странными словечками, и его привычками, его зловещими появлениями и уходами. Перед анонимным доносом в полицию на Роберта Арктора через самодельный голосовой фильтр… Наверняка он, Баррис.

Подонок охотится за мной, подумал Арктор.

— Никогда не видел, чтобы кто-нибудь вырубался так быстро, — покачал головой Баррис. — Хотя вообще-то…

— Как ты, Боб? — спросил Лакмен. — Это мы сейчас почистим, ничего. Садись лучше назад.

Арктор вышел из машины, нетвердо держась на ногах.

Лакмен повернулся к Баррису:

— Ты точно ничего ему не подсунул?

Баррис с негодованием воздел руки.

Глава 6

Больше всего тайный агент по борьбе с наркоманией боится не того, что его подстрелят или изобьют, а того, что ему скрытно введут бешеную дозу какого-нибудь психоделика и до конца жизни в его голове будут крутиться жуткие нескончаемые глюки. Или подсунут порцию «смеси» — героин пополам с препаратом «С». Или и то и другое, да плюс еще яду вроде стрихнина, который почти убьет его, но не совсем, и все закончится тем же: бесконечным фильмом «ужасов». И он превратится в животное, будет колотиться в стены психлечебницы или, что хуже, федеральной клиники. День и ночь будет стряхивать с себя тлю или без конца пытаться понять, почему он не может натереть пол. Вот что может произойти, если его раскусят. И поквитаются чудовищным образом — с помощью той самой дряни, которую они продают и против которой он боролся. Ибо и те и другие — и торговцы, и агенты — хорошо понимали, *что* наркотики делают с людьми. По поводу этого у них разногласий не было.

Подъехал ремонтный фургон, и машину наконец починили. Других поломок вроде не было, но механик почему-то очень долго рассматривал левую переднюю подвеску.

— Что-нибудь не так? — спросил его Арктор.

— На поворотах проблем не возникало?

Арктор ничего такого припомнить не мог, а механик отказался говорить что-нибудь определенное — лишь продолжал тыкать в разные узлы и детали.

По пути Арктор размышлял о различных казусах в психологии полицейских агентов и торговцев наркотиками. Некоторые его знакомые работали под маской торговцев, продавая гашиш и даже героин. Это была хорошая легенда, но такая деятельность порой начинала приносить доход куда больший, чем официальное жалованье агента, даже с учетом премий за изъятые партии товара. Кроме того, агенты привыкали употреблять свое собственное зелье и вообще вести этот образ жизни; они становились скорее богатыми торговцами-наркоманами, чем сыщиками, и в конце концов забывали про служебные обязанности. С другой стороны, некоторые торговцы, чтобы избежать неминуемых рейдов или пытаясь избавиться от конкурентов, начинали

работать на полицию и в конечном счете фактически становились тайными агентами. Странные дела творятся в мире наркотиков… Все смешалось, все мутно и непонятно. А для Боба Арктора сейчас все станет еще запутанней: пока он и его дружки ехали по шоссе, ведущему из Сан-Диего, власти устанавливали в их квартире — по крайней мере, он надеялся на это — аппаратуру слежения. Зато он обезопасит себя от происшествий, подобных сегодняшнему. Ему повезло — теперь уже никто не сможет так просто отравить, пристрелить или свести его с ума, а он имеет все шансы схватить за руку таинственного врага, который сегодня чуть не добился успеха. Теперь, когда телекамеры установлены, покушений на него или его собственность будет куда меньше. По крайней мере, успешных покушений…

Виновные порой бегут, даже если их не преследуют, думал Арктор, осторожно ведя машину в густом потоке транспорта. И уж безусловно, бегут, если чувствуют за собой погоню. Бегут со всех ног и при этом не забывают о самообороне… Вот так сидит один сзади, со своим дерьмовым немецким пистолетом двадцать второго калибра и со своим дерьмовым смехотворным глушителем, а потом дождется, когда Лакмен, как обычно, заснет, и

пустит мне пулю в затылок. И я буду мертв — как Бобби Кеннеди, которого убили из оружия того же калибра. Такая маленькая дырочка…

Это может произойти сегодня, может — завтра. В любой день. Или в любую ночь.

Но отныне, с установкой аппаратуры, проверив память голокамер, я буду точно знать, что делает в моем доме каждый, и когда он это делает, и, может быть, даже почему. Включая самого себя. Я буду смотреть, как сам встаю ночью по нужде. Полный обзор всего дома двадцать четыре часа в сутки. Хотя некоторая задержка неизбежна. И меня уже не спасет, если камеры покажут, как мне в кофе подсыпают украденную из военных арсеналов нервно-паралитическую дрянь. Кто-нибудь другой увидит, как я бьюсь в судорогах, не соображая, что со мной, где я, кто я… Он увидит то, что я уже никогда не вспомню. Вспомнит за меня…

— Интересно, как там дома… Знаешь, Боб, кто-то хочет тебе серьезно напакостить, — сказал Лакмен. — Надеюсь, когда мы приедем, дом будет на месте.

— Да уж, — протянул Арктор. — Я и не подумал. А цефаскопа мы так и не нашли. — Он постарался, чтобы в голосе прозвучало уныние и разочаро-

вание.

— Я бы особенно не волновался, — неожиданно бодрым голосом заявил Баррис.

— Не волновался бы? — прорычал Лакмен. — А если нас обобрали до нитки? То есть вломились и забрали все, что есть у Боба? И убили или искалечили животных? Или…

— Я оставил маленький сюрприз для того, кто войдет в наше отсутствие, — перебил Баррис. — Наладил все сегодня утром, расстарался. Электронный сюрприз.

— Что еще за электронный сюрприз? — резко спросил Арктор, пытаясь скрыть беспокойство. — Это мой дом, Джим, и не вздумай…

— Полегче, полегче, — сказал Баррис. — Ляйзе, ляйзе — остынь, как говорят наши друзья немцы.

— Так что за сюрприз?

— Когда дверь откроется, заработает кассетный магнитофон, спрятанный под диваном. Ленты хватит на два часа. Я установил три микрофона «Сони» в трех разных…

— Ты должен был предупредить меня, — сказал Арктор.

— А если они залезут через окно? — предположил Лакмен. — Или через черный ход?

— Чтобы воспользовались самым простым путем, а не другими, менее вероятными путями, — охотно разъяснил Баррис, — я предусмотрительно оставил дверь незапертой.

Наступило молчание. Потом Лакмен захихикал.

— А как они догадаются, что дверь не заперта? — спросил Арктор.

— Я написал записку.

— Ты меня разыгрываешь!

— Да, — услужливо согласился Баррис.

— Ты в самом деле разыгрываешь нас? — потребовал Лакмен. — Тебя фиг разберешь. Он разыгрывает нас, Боб?

— Вернемся — увидим, — отозвался Боб. — Если дверь не заперта и на ней висит записка, значит, это не розыгрыш.

— Записку могут снять, — заметил Лакмен. — Все переломают и пограбят, а дверь запрут. Чтобы мы не узнали. И мы никогда не узнаем.

— Конечно, я шучу! — с чувством воскликнул Баррис. — На такое способен только псих — оставить дверь незапертой, да еще повесить записку!

— Что ты написал в записке? — спросил, повернувшись к нему, Арктор.

— Кому она? — подхватил Лакмен. — Я даже не

знал, что ты умеешь писать.

Баррис снисходительно улыбнулся.

— Я написал: «Донна, входи. Дверь не заперта. Мы…» — Баррис замолчал. — Записка адресована Донне, — смущенно закончил он.

— Все-таки он это сделал, — проговорил Лакмен. — На полном серьезе.

— Таким образом, Боб, — снова как ни в чем не бывало продолжил Баррис, — мы узнаем, чьих рук это дело.

— Если они не разделаются с магнитофоном, когда разделаются с диваном, — сказал Арктор.

Он лихорадочно соображал, какие трудности создаст очередная выдумка доморощенного электронного гения. Наверняка техники знают, что делать, — сотрут запись, перемотают ленту, оставят дверь незапертой и не тронут записку. Кстати, открытая дверь даже облегчит им работу. Чертов Баррис! Все равно как пить дать забыл включить магнитофон в сеть. Но, разумеется, если он обнаружит штепсель выдернутым…

Тогда он сочтет это доказательством, что у нас кто-то был, пришел к выводу Арктор. Начнет стучать себя в грудь кулаком и изводить нас историями, как злодеи хитроумно отключили его электронное устройство. Надеюсь, техники

догадаются включить его и, более того, наладить, чтобы он правильно работал, а потом перемотать назад, чтобы на пленке ничего не было. Иначе Баррис просто на стенку полезет.

Ведя машину, Арктор продолжил теоретический анализ ситуации. Вот одна известная истина, которую преподавали в академии. А может, про нее писали в газетах. Наиболее эффективная форма промышленного или военного саботажа — ограничиться нанесением таких повреждений, которые трудно с определенностью назвать умышленными. Если в автомобиле установлена бомба, то налицо действие врага. Если взорвано правительственное здание, это явно дело рук террористов. Но если происходит случайность или серия случайностей, если оборудование просто отказывается работать, если оно выходит из строя постепенно, за какой-то естественный период времени, с множеством маленьких неисправностей и поломок, — тогда жертве, будь то частное лицо или государство, даже не приходит мысль о защите. Наоборот, рассуждал Арктор, человек начинает думать, что никаких врагов нет, что у него мания преследования. Он начинает сомневаться в себе. Машина сломалась сама, ему просто не повезло… Друзья

согласны — враг лишь померещился. И это доканывает жертву куда основательнее, чем любая реальная опасность.

Правда, быстро такое не делается. Противнику надо долго ждать удобного случая. А тем временем жертва может догадаться, кто за ней охотится, и нанести ответный удар. То есть в этом случае у жертвы куда больше шансов уцелеть, чем если бы в нее, скажем, стреляли из винтовки с оптическим прицелом.

Все страны мира обучают и засылают друг к другу тучи агентов — тут ослабить гайку, там отвернуть винтик, где-то оборвать проводок или потерять документ… Маленькие неприятности. Жевательная резинка в ксероксе может уничтожить незаменимый и жизненно важный документ: вместо снятия копии стирается оригинал. Избыток мыла и туалетной бумаги, как было известно хиппи шестидесятых, может засорить всю канализационную систему здания и выдворить на неделю жильцов. Нафталиновый шарик в бензобаке автомобиля изнашивает двигатель двумя неделями позже, когда машина уже в другом городе, и не оставляет следов в топливе. Любую радио- или телевизионную станцию легко вывести из строя, если вбить в землю в нужном

месте кол и повредить силовой или передающий кабель. И так далее.

Представители старых аристократических сословий хорошо знают, какая это чума — горничные, садовники и прочая вульгарная прислуга. Одно неловкое движение — и бесценная ваза, доставшаяся от предков, лежит на полу грудой осколков. «Зачем ты это сделал, Растус Браун?» — «Э-э, что? Простите, миссус, я просто…» И ничего тут не поделаешь, или почти ничего. Однажды жена американского посла в Гватемале похвасталась на каком-то приеме, что недавнее свержение левого правительства в этой маленькой стране организовал ее «крутой» муж. Некоторое время спустя, когда посла уже перевели в другую маленькую страну, азиатскую, он, разогнавшись как-то раз на спортивной машине, внезапно обнаружил перед собой грузовик с сеном, выехавший с боковой дороги. Через мгновение от посла и его машины остались лишь мелкие клочки, разбросанные по шоссе. И вся тайная армия, подготовленная ЦРУ, оказалась совершенно бесполезной. И жене его гордиться было уже нечем. «Э-э, что? — промямлил, вероятно, владелец грузовика. — Я просто…»

Или вот моя бывшая жена, вспомнил Арктор;

он тогда работал инспектором страховой компании. Она бесилась, что он засиживается допоздна, составляя отчеты, вместо того чтобы трепетать от восторга при виде супруги. К концу их совместной жизни она взяла на вооружение многие трюки и хитрости: могла обжечь руку, прикуривая сигарету, запорошить себе чем-нибудь глаза, начинала вытирать пыль в кабинете или без конца искать что-то возле его пишущей машинки. Сперва он нехотя откладывал работу и покорно предавался восторженному трепету; потом ударился головой о кухонную полку и нашел лучшее решение.

— Если они убили наших животных, — бормотал Лакмен, — я им подложу бомбу. Я их в порошок сотру. Я профессионалов найму, из Лос-Анджелеса, банду «пантер».

— Да нет, — скривился Баррис. — Какой им смысл убивать животных? Животные ничего не сделали.

— А я сделал? — спросил Арктор.

— Очевидно, они так полагают, — сказал Баррис.

— *«Если б я знала, что оно безобидное, то убила бы его сама»,* — процитировал Лакмен. — Помните?

— Так ведь она была из добропорядочных, —

возразил Баррис. — Даже таблеток никогда не пробовала и башли имела будь здоров. Таким не понять ценности жизни, где им… Помнишь Тельму Корнфорд, Боб? Коротышка с большими сиськами, всегда ходила без бюстгальтера, а мы сидели и пялились на нее. Пришла как-то к нам и попросила убить стрекозу, которая залетела в окно. А когда мы ей объяснили…

Медленно продвигаясь в потоке машин, Арктор прогнал в памяти эпизод, который произвел на них на всех неизгладимое впечатление. Изящная элегантная девушка из добропорядочных обратилась с просьбой убить большое, но безвредное насекомое, которое на самом деле приносило только пользу, поедая комаров. А потом она произнесла слова, навсегда ставшие для них символом чужого враждебного мира — всего того, чего надо бояться и что надо презирать: *ЕСЛИ Б Я ЗНАЛА, ЧТО ОНО БЕЗОБИДНОЕ, ТО УБИЛА БЫ ЕГО САМА.*

Хорошо образованная и материально обеспеченная Тельма Корнфорд сразу стала врагом. И, к ее полному недоумению, они бежали сломя голову, бежали, бросившись вон из роскошной квартиры в свою грязную конуру. Между их мирами зияла пропасть, и, как бы им ни хотелось

поразвлечься с хорошенькой цыпочкой, перешагнуть эту пропасть было невозможно.

Однажды, еще до перехода на тайную работу, Арктор снимал показания у зажиточной четы, в чьей квартире похозяйничали наркоманы. В те времена добропорядочные семьи еще попадались в кварталах, где рыскали банды, подбиравшие все, что плохо лежит. Он запомнил одну их фразу: «Люди, которые вламываются в ваш дом и забирают ваш цветной телевизор, ничуть не лучше тех извергов, которые калечат животных или варварски уничтожают бесценные произведения искусства». «Да нет, — возразил Арктор, оторвавшись на минуту от записи показаний, — с чего вы взяли?» Наркоманы — он это знал по опыту — редко обижают живых существ. Он сам видел, как они ухаживают за покалеченными животными, в то время как добропорядочные давно бы «усыпили» их — термин, в высшей степени характерный. Мафиози, кстати, выражались подобным же образом. Однажды он помогал двум совершенно выгоревшим торчкам освободить кота, напоровшегося на стекло в разбитом окне. Торчки, едва что-либо соображавшие и перепачканные своей и кошачьей кровью, возились больше часа, терпеливо и бережно вызволяя

несчастное животное. Неизвестно, чей это был кот: вероятно, он учуял еду и, отчаявшись что-либо выпросить, попытался прыгнуть в окно. Одурманенные торчки не замечали зверюгу, пока та не заорала; а потом позабыли ради нее свои глюки и приходы. В конечном итоге кот остался жив и почти не пострадал: они его еще и накормили.

Что касается «бесценных произведений искусства», тут тоже трудно что-либо сказать. Смотря что имеется в виду. Во время войны во Вьетнаме в деревне Сонгми по приказу ЦРУ были уничтожены 450 бесценных произведений искусства плюс без счету цыплят, рогатого скота и другой живности, не внесенной в каталог.

— Как вы думаете, — спросил Арктор, внимательно следя за дорогой, — когда мы умрем и предстанем перед Господом в Судный день, то реестр наших грехов будет составлен в хронологическом порядке или в порядке их тяжести? А может, в алфавитном? А то получится, что испускаю я дух глубоким старцем лет под девяносто, и вдруг как зарычит на меня Господь: «Ты и есть тот самый сорванец, который в тысяча девятьсот шестьдесят втором году украл три бутылки кока-колы из грузовика у универмага «7–11»?! Сейчас

я с тобой разберусь!»

— Думаю, там будут перекрестные ссылки, — сказал Лакмен. — Тебе сразу выдадут компьютерную распечатку с полным списком.

— Грех, — посмеиваясь, бросил Баррис, — это всего лишь устаревший иудеохристианский миф.

— Может быть, все грехи держат в одной большой бочке для соленья. — Арктор с ненавистью взглянул на антисемита Барриса. — В бочке для кошерного соленья. А потом просто выворачивают ее на тебя, и ты стоишь, обтекая грехами. Своими собственными, ну и небось примешается парочка чужих, попавших по ошибке.

— Грехи другого человека, но с тем же именем, — добавил Лакмен. — Другого Роберта Арктора. Как по-твоему, Баррис, сколько на свете Робертов Аркторов? — Он ткнул Барриса локтем в бок. — А Джимов Баррисов?

Сколько на свете Аркторов? — подумал Роберт Арктор. Совершенно безумная мысль… Мне известны двое. Некий Фред, наблюдающий за неким Бобом. Одно и то же лицо. Или нет? На самом ли деле Фред — то же самое, что Боб? Кто знает? По идее, должен знать я, потому что только мне известно, что Фред — это Боб Арктор. Но, подумал

он, что такое я? Который из них — я?

Они вылезли из машины и настороженно подошли к двери. Дверь была не заперта, и на ней висела записка Барриса, однако в доме все казалось нетронутым.

В Баррисе мгновенно проснулись подозрения.

— Ага! — буркнул он и молниеносно схватил с полки свой пистолет. Как обычно, заурчали животные, требуя еды.

— Что ж, Баррис, — промолвил Лакмен. — Теперь я вижу, что ты прав. Здесь определенно кто-то был. Об этом свидетельствует тщательное заметание следов, которые иначе бы остались… — Он демонстративно выпустил газы и поплелся к холодильнику за пивом. — Баррис, тебя накололи.

Баррис невозмутимо продолжал осматриваться, держа пистолет наготове.

Может, и найдет что-нибудь, подумал Арктор. Вдруг техники наследили? Забавно — паранойя иногда смыкается с реальностью. Бывает такое стечение обстоятельств. Например, сегодня. Тогда Баррис придет к выводу, что я специально выманил их из дома, чтобы дать возможность тайным гостям сделать свое дело. А потом сообразит и все остальное — если уже не сообразил,

причем давным-давно. Достаточно давно, чтобы осуществить диверсии против цефаскопа, машины и бог знает чего еще. Может, стоит мне включить свет в гараже, и весь дом взлетит на воздух. Но самое главное — успела ли команда из Отдела все установить и наладить? Надо узнать у Хэнка расположение камер и дисков памяти. И получить остальную необходимую информацию. Необходимую в их совместной игре против подозреваемого. Против Боба Арктора.

— Гляньте-ка! — воскликнул Баррис, нагнувшись над пепельницей на журнальном столике. — Идите сюда!

Наклонившись, Арктор ощутил тепло, поднимавшееся от пепельницы.

— Бычок, еще горячий! — изумленно проговорил Лакмен. — Точно.

Боже мой, подумал Арктор. Кто-то покурил и машинально оставил сигарету. Значит, они только что ушли.

— Погодите-ка… — Лакмен покопался в переполненной пепельнице и вытащил чинарик. — Вот что теплится! Они курили травку… Но чем они занимались? Какого черта им здесь надо было?! — Лакмен хмуро огляделся по сторонам, злой и сбитый с толку. — Боб! Черт побери, Баррис был

прав! У нас кто-то копался! Чинарик горячий… — Он сунул окурок под нос Арктору. — Внутри еще тлеет, видно, травка плохо порезана.

— Этот чинарик, — мрачно заявил Баррис, — мог быть оставлен здесь не случайно.

— То есть? — спросил Арктор. Интересно, думал он, это что же за полицейская команда, в которой есть наркоман, не стесняющийся причем курить при исполнении на глазах у всех…

— Возможно, они специально пришли, чтобы подбросить нам наркотики, — объяснил Баррис. — А потом настучать. Может быть, здесь кругом запрятаны наркотики. Например, в телефоне… или в розетках. Придется перерыть весь дом, и быстро, пока они не позвонили в полицию. Еще пара часов — и все, крышка.

— Ты займись розетками, — решительно сказал Лакмен, — а я разберу телефон.

— Погоди. — Баррис поднял руку. — Если увидят, как мы тут шуруем прямо перед рейдом…

— Перед каким рейдом? — спросил Арктор.

— Если мы начнем сейчас метаться по дому, разыскивая и уничтожая наркотики, — указал Баррис, — то не сможем утверждать — хоть это и правда, — что ничего о них не знаем. Нас возьмут с поличным. А может быть, это тоже часть их

плана…

— Черт побери! — Лакмен плюхнулся на кушетку. — Вот дерьмо! Их могли запрятать в тысяче разных мест, и нам все никогда не найти. Мы влипли!

— Как там насчет твоей электроники, подключенной к двери? — вдруг вспомнил Арктор. Надо же, они совсем забыли.

— Верно! Сейчас мы получим жизненно важную информацию! Баррис опустился на колени, зашарил под кушеткой и с кряхтеньем вытащил пластмассовый магнитофончик.

— Он нам о многом расскажет… — предвкушающе бормотал Баррис. Неожиданно лицо его вытянулось. — Впрочем, какая там информация… — Он поставил магнитофон на журнальный столик. — Главное уже известно — в наше отсутствие в доме кто-то был.

Последовало молчание.

— Кажется, я догадываюсь… — покачал головой Арктор.

— Войдя, они первым делом его выключили. Я, разумеется, оставил магнитофон включенным, но посмотрите — теперь он выключен. Так что хотя я…

— Значит, ничего не записалось? — разочаро-

ванно протянул Лакмен.

— Все сделано молниеносно! — восхитился Баррис. — Через записывающую головку не прошло и дюйма ленты. Между прочим, это великолепный магнитофон, «Сони», трехголовочный, с системой шумоподавления «Долби». Я взял его на рынке, по дешевке, и ни разу не мог пожаловаться…

— Ну что, будем сидеть и ждать? — развел руками Арктор.

— Да-а… — Баррис рухнул в кресло и задумчиво стал вертеть в руках очки. — Делать нечего — нас обошли. Знаешь, Боб, тебе остается только одно. Хотя это потребует времени…

— Продать дом и переехать, — подсказал Арктор.

Баррис кивнул.

— Но, черт побери, — запротестовал Лакмен, — это наш дом!

— Сколько сейчас стоят дома в этом районе? — Баррис заложил руки за голову. — Может, ты еще останешься в выигрыше, Боб. С другой стороны, на срочной продаже обычно теряешь… Но, боже мой, Боб, против тебя действуют профессионалы!

— Вы знаете хорошего агента по недвижимости? — спросил Лакмен.

— Они всегда интересуются причиной прода-

жи. А что я им скажу? — проворчал Арктор.

— Да, правду говорить нельзя. — Лакмен погрузился в раздумье, мрачно потягивая пиво. — Ничего не могу придумать! Баррис, у тебя есть идеи?

— Просто выложим, что по всему дому запрятаны наркотики и мы не знаем, где они, — предложил Арктор. — Поэтому решили переехать, а вместо нас пусть попадается новый владелец.

— Нет, — возразил Баррис. — Не стоит открывать карты. Пожалуй, лучше сказать, что Боба переводят на другое место.

— Куда же? — поинтересовался Лакмен.

— В Кливленд, — уверенно ответил Баррис.

— Нет, надо говорить правду, — настаивал Арктор. — Или вообще дать объявление в «Лос-Анджелес таймс»: «Продается новый дом с двумя ванными для быстрого смывания наркотиков, которые запрятаны во всех помещениях. Стоимость наркотиков входит в цену».

— Начнутся звонки. Будут спрашивать, какие наркотики, — заметил Лакмен. — А мы и не знаем.

— И еще вопрос — сколько, — пробормотал Баррис. — Покупатели будут интересоваться.

— А у нас то ли с гулькин нос какой-нибудь

дрянной травки… — Лакмен пожал плечами, — то ли уйма чистого героина.

— Я предлагаю вот что, — сказал Баррис. — Позвоним в Отдел по борьбе с наркоманией, изложим ситуацию и попросим приехать и наркотики изъять. Обыскать дом, найти их и уничтожить. Все равно на продажу дома времени нет. Я изучал этот вопрос с юридической точки зрения, как раз на подобный случай, и все авторитеты сходятся в том, что…

— Ты совсем спятил. — Лакмен вытаращился на Барриса, как будто перед ним была одна из букашек Джерри Фабина. — Позвонить в Отдел? Да здесь через пять минут будет полно…

— Это самый лучший вариант, — возбужденно перебил его Баррис. — Мы все пройдем тест на детекторе лжи и докажем, что ничего не знали. Что наркотики спрятали без нашего ведома и разрешения. И тогда нас освободят от всякой ответственности. — Помолчав, он добавил: — Потом, в конце, после рассмотрения дела в суде.

— С другой стороны, — возразил Лакмен, — у нас ведь есть свои собственные запасы, и мы знаем, где они. Что, теперь все смывать? А если что-нибудь забудем, даже чуть-чуть?

— Выхода нет, — подытожил Арктор. — Похоже,

нам каюк. Из соседней комнаты появилась Донна Хоторн в помятых шортах, с растрепанными волосами и опухшим от сна лицом.

— Я прочитала записку и вошла. Посидела немного и решила соснуть. Вы же не написали, когда вернетесь… Чего случилось? Так тут разорались, что меня разбудили!

— Ты курила травку? — потребовал Арктор.

— Ясное дело. Иначе бы мне не заснуть.

— Это ее чинарик, — объявил Лакмен. — Отдайте ей.

Боже мой, ужаснулся Арктор, я был сейчас таким же, как и они. В том же трансе, в том же глюке, вместе с ними.

Он зажмурился и встряхнул головой, отгоняя наваждение. Зная все, он тем не менее невольно переступил черту и оказался в их бредовом наркотическом пространстве, думал их мыслями, смотрел их глазами. Опять помутнение — тот же туман окутал только что и его. Туман, заполняющий мир, в котором мы все движемся на ощупь.

— Ты нас спасла, — сказал он Донне.

— От чего? — удивилась она, протирая глаза.

Не от меня самого, подумал Арктор, и не от того, что, по нашему мнению, нам угрожало. Она помогла мне, всем нам троим, прийти в себя.

Маленькая черноволосая девушка в затрапезных штанишках, на которую я стучу и которую надеюсь когда-нибудь трахнуть — стук и трах, еще одна реальность, — привела нас в чувство. До чего бы мы сегодня додумались, если бы не она? И это не в первый раз… А что будет в следующий?

— Разве можно оставлять дверь открытой? — возмущалась Донна. — Вас же могли обчистить, и вы сами были бы виноваты. Даже самые крупные страховые компании отказываются платить, если не были заперты дверь или окно. Я потому и вошла, когда заметила записку. Чтобы присмотреть за квартирой.

— Ты давно здесь? — спросил ее Арктор. Неужели она помешала установить аппаратуру?

Донна кинула взгляд на наручные часы. «Таймекс» за двадцать долларов, его подарок.

— Примерно тридцать восемь минут… Слушай, Боб! — Ее лицо оживилось. — Я принесла книжку про волков, хочешь посмотреть? Там много всяких крутых вещей, надо только вчитаться.

— Жизнь, — пробормотал Баррис себе под нос, — она вообще крутая и никакая другая. Один крутой глюк, ведущий в могилу. Для всех и каждого.

— Вы собираетесь продавать дом? Или мне

померещилось? Не могу понять — я слышала какую-то дикую чушь.

— Нам всем померещилось, — сказал Арктор.

Наркоман последним узнает, что он наркоман. Может быть, понять, всерьез ли говорит человек, тоже легче со стороны? В самом деле, что во всем том бреду, который подслушала Донна, говорилось всерьез? Что из безумия этого дня — *его* безумия — было реальным, а что — лишь навеяно контактом с психами и сумасшествием самой ситуации? Как бы он хотел ответить Донне…

Глава 7

На следующий день Фред надел костюм-болтунью и явился в Отдел.

— В доме установлено шесть голографических камер — по нашему мнению, шести пока достаточно, — которые передают сигнал в надежную квартиру в том же квартале, где находится дом Роберта Арктора, — объяснял Хэнк, выложив на металлический стол план-схему дома.

Чувствуя легкий озноб, Фред взял план и стал изучать расположение камер и микрофонов, которые обеспечивали круглосуточное наблюдение за каждым уголком его жилища.

— Значит, я буду просматривать записи в этой квартире?

— Оттуда мы ведем наблюдение за восемью, теперь девятью окрестными объектами, так что вам придется встречаться с другими тайными агентами, когда они будут приходить на контрольный просмотр. Обязательно носите костюм-болтунью.

— Эта квартира чересчур близко, за мной могут проследить.

— Да, пожалуй, вы правы, однако пока другого места, которое подходило бы с технической точки зрения, у нас нет. Скоро освободится еще одна квартира, в двух кварталах оттуда, — там вам будет безопаснее. Потерпите недельку. А если мы добьемся удовлетворительного разрешения при передаче по кабелю…

— Я просто скажу, что встречаюсь там с цыпочкой, если Арктор или кто-нибудь из других торчков меня заметит.

Даже удобно — сократится время в пути, которое не оплачивают. В любой момент заскочить туда, прогнать запись, отфильтровать необходимую информацию, а потом быстренько назад…

В свой собственный дом, подумал он. Дом Арктора. На одном конце улицы я Боб Арктор, закоренелый наркоман, за которым тайно следит полиция, а на другом конце — Фред, бдительно просматривающий мили и мили ленты, чтобы выяснить, чем я занимаюсь в течение суток. Все это действует на нервы. Зато обеспечивает защиту и предоставляет ценную информацию личного характера. Скорее всего, камеры уличат того, кто за мной охотится, в первую же неделю.

От этой мысли у него улучшилось настроение.

— Отлично, — сказал он Хэнку.

— Запомните, где расположены камеры. Если потребуется обслуживание, вы, очевидно, что-то сможете сделать самостоятельно, улучив момент, когда будете находиться в доме Арктора. Вы ведь вхожи в его дом, не так ли?

Черт побери, подумал Фред, тогда я попаду в запись! До сих пор он не посвящал Хэнка в детали того, откуда берет сведения об объектах наблюдения. А что теперь? Роберт Арктор с расплывшимся на весь экран лицом возится с забарахлившей голокамерой!.. С другой стороны, первым запись будет просматривать *он.* И любой кусок можно вырезать. Хотя потребуется время.

Но что вырезать? Вырезать Арктора, полностью? Нельзя, Арктор — подозреваемый. Значит, вырезать Арктора, только когда тот ремонтирует камеру…

— Я буду себя вырезать, — сказал он. — Чтобы вы меня не увидели. В качестве меры предосторожности.

— Разумеется. У вас есть подобный опыт? — Хэнк протянул ему несколько снимков. — Специальное устройство стирает любой участок изображения. Все участки, где вы появляетесь как информатор. Это что касается видеозаписи. По фонограммам определенных правил не

существует. Впрочем, нет нужды беспокоиться. Само собой, вы входите в круг друзей Арктора. Вы — либо Джим Баррис, либо Эрни Лакмен, либо Чарлз Фрек, либо Донна Хоторн…

— Донна? — Фред рассмеялся. Вернее, рассмеялся костюм, по-своему.

— Либо Боб Арктор, — невозмутимо закончил Хэнк, глядя в список.

— Мне все время приходится докладывать и о себе.

— Но если вы будете вырезать себя систематически, то, хотим мы того или нет, мы путем исключения установим вашу личность. Словом, вам надо вырезать себя — как бы это выразиться? — изобретательно, артистично, черт побери, творчески!.. Например, в те короткие периоды, когда вы обыскиваете дом, или поправляете камеру, или…

— А вы просто раз в месяц присылайте специалиста в форме, — усмехнулся Фред. — Так, мол, и так, доброе утро, мне нужно сделать технический осмотр голокамер и подслушивающих устройств, тайно установленных в вашем доме, в вашем телефоне и в вашей машине.

— Угу, тогда Арктор прикончит специалиста, а потом исчезнет.

— *Если* Арктор что-нибудь скрывает, — с нажимом сказал Фред. — Это не доказано.

— Арктор, похоже, скрывает очень многое. Мы получили и проанализировали ряд новых данных о нем. Практически не остается никаких сомнений — это человек с двойным дном, *он насквозь фальшивый.* Как трехдолларовая купюра. Так что сидите у него на хвосте, пока у нас не накопится достаточно материала для ареста и обвинения.

— Подбросить ему наркотики?

— Повременим.

— Вы думаете, он близок к источнику препарата «С»?

— Что мы думаем, для вашей работы не имеет значения, — сказал Хэнк. — Оцениваем мы, а вы лишь предоставляете нам данные и собственные ограниченные заключения. Поймите правильно, вашу инициативу никто не подавляет, просто мы располагаем более обширной информацией. Перед нами полная картина, вдобавок проанализированная компьютером.

— Арктор обречен, — произнес Фред. — Если, конечно, причастен к чему-то. А судя по вашим словам, это так.

— Скоро мы соберем на него полное досье, —

заверил Хэнк. — И тогда мы покончим с ним. К всеобщей радости.

Запоминая адрес конспиративной квартиры, Фред вдруг вспомнил, что именно там жила молодая парочка, которая не так давно внезапно исчезла из поля зрения. Ясное дело, их взяли, а квартиру использовали.

Эти ребята ему нравились. У девчонки были длинные льняные волосы и красивая грудь — она не носила бюстгальтера. Однажды он ехал мимо, когда она несла сумки из магазина, и предложил подвезти. Очевидно, они или хранили, или торговали наркотиками. Хотя, если квартира была нужна, власти могли придраться и к мелочам.

А как, интересно, будут использовать замусоренный, но просторный дом Роберта Арктора, когда хозяина упрячут за решетку? Скорее всего, там расположится еще более крупный узел обработки информации.

— Вам понравится дом Арктора, — сказал он вслух. — Запущенный, типичная берлога наркомана, однако большой. Хороший двор, много зелени.

— Наша техническая группа доложила то же самое. Есть определенные перспективы.

— Что? Они доложили, что есть «перспективы»,

вот как? — Монотонный, лишенный интонации голос костюма-болтуньи лишь усилил его бешенство. — Какие же?

— Ну, к примеру, окно гостиной выходит на перекресток; таким образом, можно следить за проходящим транспортом… — Хэнк стал копаться в груде бумаг на столе. — Хотя руководитель группы, Берт… как же его… предостерегает: дом настолько ветхий, что забирать его не стоит. Плохое вложение денег.

— То есть как это? Как это ветхий?!

— Крыша.

— Крыша совершенно новенькая, с иголочки!

— Покраска. Состояние полов и перекрытий. На кухне…

— Чушь! — возмутился Фред, точнее — пробубнил костюм. — Они, может, не убирают посуду или там не выбрасывают мусор, но в конце концов — трое одиноких мужчин! Это — женское дело. Если бы Донна Хоторн переехала, как того хочет, прямо умоляет, Боб Арктор, она бы этим и занялась. Так или иначе, профессионалы могли бы привести дом в идеальный порядок за полдня. Что касается крыши, это меня просто бесит, потому что…

— Значит, вы советуете использовать дом,

когда Арктор будет арестован и потеряет право собственности?

Фред застыл.

— Ну? — подстегнул Хэнк, занеся над бумагой шариковую ручку.

— Мне все равно, поступайте как угодно. — Фред поднялся, собираясь уходить.

— Не спешите. — Хэнк жестом снова усадил его и порылся в куче бумаг. — У меня тут записано…

— У вас все записано. Про всех.

— Так… Перед уходом вы должны зайти в комнату двести три.

— Если это по поводу моего выступления перед общественностью, то я уже свое получил.

— Нет, — сказал Хэнк. — Это по какому-то другому поводу. У меня к вам вопросов больше нет.

* * *

Фред оказался в белоснежной комнате с привинченными к полу стальными столом и стульями. Она походила на больничную палату — стерильная, холодная и чересчур ярко освещенная. В углу стояли весы. В комнате ждали два офицера в полицейской форме, но с медицинскими нашивками.

— Вы агент Фред? — спросил один из них, с

длинными усами.

— Да, сэр, — ответил Фред. Он почувствовал страх.

— Ну-с, Фред, во-первых, я должен напомнить: как вы знаете, все ваши доклады записываются и позже изучаются, на случай если что-то было упущено. Это, разумеется, касается всех агентов, которые докладывают устно, не только вас.

Другой офицер добавил:

— Фиксируются также все ваши контакты с Отделом, такие как телефонные звонки и прочее, например, ваша недавняя речь в Анахайме на встрече с общественностью.

— Ясно, — кивнул Фред.

— Вы принимаете препарат «С»? — спросил первый офицер.

— Вопрос, собственно, излишний, — пояснил другой, — ибо в силу специфики работы вы вынуждены это делать. Подойдите сюда, агент Фред, и садитесь. Мы проведем несколько простых тестов. — Он махнул на стол, на котором лежали бумаги и какие-то странные, незнакомые Фреду разноцветные предметы. — Тесты не займут много времени и не причинят вам физического неудобства.

— Что касается моего выступления… — начал

Фред.

— Проверка вызвана тем, — перебил первый офицер, усаживаясь и доставая ручку и какие-то бланки, — что в последнее время несколько тайных агентов, работающих в вашем районе, были помещены в федеральные неврологические клиники.

— Вам известно, что препарат «С» вызывает быстрое привыкание? — спросил второй.

— Безусловно, — сказал Фред. — Конечно известно.

— Итак, перейдем к тестам, — объявил офицер, сидящий за столом. — Мы начнем с…

— Вы думаете, я наркоман? — перебил его Фред.

— Наркоман вы или нет, не имеет первостепенного значения, — заявил другой офицер. — Не позже чем через пять лет Отдел химической защиты Вооруженных сил должен предоставить нам эффективный антидот.

— Эти тесты имеют отношение не к свойствам препарата «С», а скорее к… Короче, давайте начнем с базового теста, который определит вашу способность отличать очертания предметов от фона. Посмотрите на рисунок. — Первый офицер положил на стол перед Фредом листок бумаги. —

Среди беспорядочных линий находятся контуры хорошо всем знакомого предмета. Вы должны сказать мне…

В июле 1969 года Джозеф Е. Боген опубликовал свою революционную статью «Обратная сторона мозга», где процитировал некоего доктора А. Л. Вигана, который писал еще в 1844 году:

«Разум, в сущности, имеет двойственную природу, так же как и органы, на которых он базируется. Над этой идеей я размышлял более четверти столетия и не смог отыскать ни единого веского или хотя бы сколько-нибудь обоснованного возражения. Таким образом, я могу доказать: 1) что каждое полушарие мозга есть цельный и совершенный орган мысли, и 2) что полноценные процессы мышления и логического рассуждения могут проходить в каждом полушарии независимо и одновременно».

В своей статье Боген сделал вывод: «Я полагаю (так же как и Виган), что каждый из нас обладает двумя разумами в одном теле. В пользу этого можно приве-

сти множество доводов. Но в конечном счете нам приходится столкнуться с главным возражением против виганов-ского тезиса, а именно, с субъективным ощущением, что каждый из нас — Один. Убеждение во внутренней цельности и единстве личности входит в число основ-ных ценностей европейской культуры...»

— ...что это за объект, и указать, где он находится на рисунке.

— К чему все это? — Фред в упор взглянул на офицера. — Наверняка из-за моего выступления.

— У многих, кто принимает препарат «С», нарушается связь между правым и левым полушариями мозга. Таким образом, возникают дефекты как в сфере восприятия, так и в сфере мышления, хотя на первый взгляд познавательная способность не нарушается. Но поскольку информация, поступающая от органов чувств, так или иначе искажена вследствие расщепления полушарий, мыслительные способности также постепенно ухудшаются. Ну, вы нашли среди линий знакомый объект? Можете мне его показать?

— Вы имеете в виду отложения тяжелых ме-

таллов в нейрорецепторных центрах? — спросил Фред. — Необратимые изменения…

— Нет, — ответил второй офицер. — Мы имеем дело не с прямым нарушением деятельности мозга, а со своего рода токсикозом, воздействующим на систему восприятия за счет нарушения связей между полушариями. Тест оценивает работу вашей системы восприятия как единого целого. Вы видите знакомый объект на рисунке? Он бросается в глаза…

— Я вижу бутылку коки.

— Правильный ответ — бутылка содовой, — сказал сидящий, заменяя листок.

— Вы что-то заметили, прослушивая записи моих встреч с руководством? Какие-нибудь отклонения? — Это все та речь, подумал он. — Может быть, мои слова, обращенные к публике, выявили двусторонние дисфункции? Поэтому-то меня и притащили сюда тестировать? — Ему приходилось читать о тестах на расщепление мозга, которые время от времени проводила администрация.

— Нет, обычная проверка. Мы понимаем, что тайный агент по долгу службы вынужден принимать наркотики: те агенты, которые попали в федеральные клиники…

— Навсегда? — спросил Фред.

— Не все. Дело в том, что токсическое поражение восприятия со временем способно само откорректироваться, и…

— Вас не беспокоят перекрестные разговоры? — неожиданно вмешался стоящий.

— Что?.. — растерянно переспросил Фред.

— Диалоги между полушариями. Порой, если левое полушарие, где расположен речевой центр, повреждено, правое полушарие пытается компенсировать, по мере сил взять на себя его роль.

— Не знаю, — промолвил он. — Не обращал внимания.

— Чужие мысли. Словно за вас думает другой человек. По-другому, не так, как вы сами. Иногда даже всплывают незнакомые иностранные слова, то есть слова, которые вы когда-то запомнили подсознательно.

— Ничего подобного. Я бы заметил.

— Вероятно, заметили бы. По опыту людей, страдающих нарушением функций левого полушария, это крайне неприятно. Ранее считалось, что правое полушарие вообще не управляет речью. Но в последнее время очень многие люди подвергли свои левые полушария разрушительному действию наркотиков, и в отдельных

случаях правое полушарие имело возможность заполнить, так сказать, вакуум.

— Теперь я, безусловно, буду начеку, — заверил Фред и услышал свой голос — голос покорного, исполнительного школьника. Готового на любое указание, исходящее сверху. Разумное или бессмысленное — не имеет значения.

Просто соглашайся, подумал он. И делай, что тебе говорят.

— Что вы видите на второй картинке?

— Овцу, — сказал Фред.

— Покажите мне овцу. — Сидящий офицер склонился над столом и повернул картинку. — Нарушение способности распознавать отличительные признаки приводит к большим неприятностям — вместо того чтобы установить *отсутствие* определенной формы, вы воспринимаете *ложную* форму.

Например, собачье дерьмо, подумал Фред. Собачье дерьмо наверняка можно считать ложной формой. По всем параметрам. Он…

> *Данные указывают, что «немое» полушарие специализируется на осознании цельных понятий, отвечая преимущественно за функции синтеза при обра-*

ботке поступающей информации. «Говорящее», главное полушарие, напротив, выполняет логические, аналитические задачи, играя роль своего рода компьютера. Исследования показали, что возможной причиной разделения полушарий у человека является принципиальная несовместимость языковых функций с задачами синтетического восприятия.

...почувствовал себя разбитым и уставшим, как во время памятного выступления перед публикой.

— Значит, не овца? А что? Хоть похоже?

— Это отнюдь не тест Роршаха, где бесформенная клякса может быть истолкована поразному, — сказал офицер. — В данном случае обрисован один, и только один предмет. А именно — собака.

— Что? — испуганно переспросил Фред.

— Собака.

— Где вы тут видите собаку? — Он не видел никакой собаки. — Покажите мне.

Сидящий офицер...

Данный вывод подтверждается экспериментами. Животные с искусственно

разделенными полушариями способны после тренировки воспринимать и обрабатывать информацию независимо. У человека логические функции сосредоточены в одном из полушарий, в «той стороне» мозга, которая говорит, читает и пишет, в то время как второе полушарие, то есть «обратная сторона», очевидно, специализируется на некоем другом типе мышления, принципы которого изучены в гораздо меньшей степени.

…перевернул листок: на обороте был четко нарисован контур собаки. Фред понял, что тот же контур он видел и на лицевой стороне, среди линий. Это была не вообще собака, а вполне конкретная — борзая, такая поджарая, с втянутым животом.

— А что значит, если я увидел овцу?

— Возможно, обыкновенный психологический блок, — ответил второй офицер, переступая с ноги на ногу. — Только когда мы проведем всю серию…

— В этом и заключается преимущество данного теста перед тестом Роршаха, — перебил сидящий, доставая другую картинку. — Он не

требует интерпретации. Верный ответ — только один. Утвержденный госдепартаментом. Он верен, поскольку исходит из Вашингтона. Вы либо находите его, либо нет. Если вы постоянно ошибаетесь, мы устанавливаем функциональное нарушение восприятия и будем приводить вас в форму, пока не пройдете испытание успешно.

— В федеральной клинике? — спросил Фред.

— Да. Ну-с, что вы видите здесь, среди черных и белых линий? Город смерти, подумал Фред, рассматривая рисунок. Вот что я вижу — смерть, и не в единственно верном варианте, а повсюду. Маленькие безногие киллеры на тележках…

— Вы мне все-таки скажите, — потребовал он, — это из-за той речи?

Офицеры обменялись взглядами.

— Нет, — наконец ответил стоящий. — Нас насторожила одна беседа… ну, просто болтовня… Ваша с Хэнком. Около двух недель назад. Понимаете, при обработке записей возникает временная задержка. Таким образом, мы постоянно изучаем материал примерно двухнедельной давности. До вашей речи еще не добрались.

— Вы несли какую-то околесицу об украденном велосипеде, — подхватил другой. — О так называемом семискоростном велосипеде. Вы пытались

сообразить, куда подевались еще три скорости, не так ли? — Офицеры снова обменялись взглядами. — Вы ведь считали, что они остались на полу гаража?

— Нет, — возразил Фред. — Это все Чарлз Фрек. Он тогда совершенно задурил нам всем голову. Я просто подумал, что это смешно.

Баррис *(стоит посреди гостиной с новеньким блестящим велосипедом, очень довольный):* Поглядите, что я достал за двадцать долларов!

Фрек: Что это?

Баррис: Велосипед. Гоночный, десятискоростной, абсолютно новый. Я заметил его в соседнем дворе и поинтересовался. У них оказалось четыре таких, и я купил его за двадцать долларов наличными. У цветных. Они даже любезно передали мне его через забор.

Лакмен: Кто бы подумал, что совершенно новенький десятискоростник можно купить за двадцать долларов. Просто поразительно, что можно купить за двадцать долларов!

Донна: У одной цыпочки в прошлом

месяце точно такой украли… Вы должны вернуть его. Пускай она по крайней мере взглянет, не ее ли.

Баррис: Это мужской велосипед. Он не может быть ее.

Фрек: Почему вы твердите, что он десятискоростной, когда у него только семь шестеренок?

Баррис *(ошеломленно):* Что?

Фрек *(подходит и показывает):* Ну вот, пять шестеренок здесь и две на другом конце цепи. Пять плюс два…

С помощью операции можно добиться того, чтобы оптическая информация из правого глаза животного (например, кошки или обезьяны) поступала только в правое полушарие, а из левого — соответственно в левое. Если такое животное научить различать два символа, используя лишь один глаз, то впоследствии оно сделает правильный выбор и с помощью другого глаза. Однако если перед обучением разрушить соединения между полушариями, в особенности corpus callosum, то первоначально закрытый глаз вместе с соответствующим полушарием

приходится тренировать заново. В этом заключается суть фундаментального эксперимента Майерса и Сперри (1953).

…будет семь. Значит, это только семискоростной велосипед.

Лакмен: Верно. Но даже семискоростной велосипед, безусловно, стоит двадцати долларов. Выгодная покупка.

Баррис *(оскорбленно):* Меня заверили, что у него десять скоростей… Грабеж!

(Все обступают велосипед и пересчитывают шестеренки.)

Фрек: Теперь я вижу восемь. Шесть впереди и две сзади. Итого восемь.

Арктор *(рассудительно):* Но должно быть десять. Семи- или восьмискоростных велосипедов не существует. Во всяком случае, я о таких не слышал. Интересно, куда делись пропавшие скорости?

Баррис: Наверное, с великом возились эти цветные. Разбирали его не теми инструментами, без должной технической подготовки. А когда собирали, три шестеренки остались на полу гаража. Так, наверное, там и лежат.

Лакмен: Надо потребовать их назад.

Баррис *(со злостью):* В этом-то и заключается их план: наверняка сдерут деньги! Не удивлюсь, если они еще что-нибудь прикарманили. *(Придирчиво осматривает велосипед.)*

Лакмен: Если мы пойдем вместе, все отдадут как миленькие, не сомневайся! Ну, идем? *(Оглядывается в поисках поддержки.)*

Донна: А вы уверены, что их только семь?

Фрек: Восемь.

Донна: Семь, восемь!.. В любом случае надо у кого-нибудь спросить — прежде чем катить баллон. По мне, так не похоже, что они его разбирали.

Арктор: Она права.

Лакмен: Кого спросить-то? Кто у нас сечет в гоночных великах?

Фрек: Остановим первого встречного! Выкатим велосипед на улицу и спросим. Это будет объективное мнение.

(Выкатывают велосипед и обращаются к молодому негру, который только что вышел из своей машины. Указывают на семь-восемь? — шестеренок и спраши-

вают, сколько их, хотя каждому видно — за исключением Чарлза Фрека, — что их всего семь: пять на одном конце цепи и две на другом. Пять плюс два — семь. Это ясно как божий день. Так что же получается?!)

Молодой негр *(спокойно):* Число шестеренок спереди и сзади надо не складывать, а перемножать. Видите, цепь перескакивает со звездочки на звездочку, а их пять, и мы получаем пять разных передаточных чисел на каждой из двух звездочек впереди. *(Показывает.)* Теперь, если мы повернем рычажок на руле *(показывает),* цепь перейдет на вторую звездочку и опять-таки может перескакивать на любую из пяти сзади. То есть получается еще пять. Итого десять. Имейте в виду, что передаточное число всегда рассчитывается из…

(Все благодарят его и уходят, молча вкатывая велосипед в дом.)

Лакмен: Есть что-нибудь закинуться? В здоровом теле — здоровый дух! *(Никто…*

Все данные указывают на то, что разделение полушарий приводит к образо-

ванию двух независимых систем сознания внутри общей черепной коробки, то есть внутри единого организма. Этот вывод кажется диким тому, кто привык считать мышление цельным и неделимым свойством человеческого мозга, и преждевременным тому, кто настаивает на чисто вспомогательном и автоматическом характере функций правого полушария. Разумеется, неравенство полушарий имеет место, но оно может быть лишь особенностью личностей, подвергавшихся изучению. Не исключено, что если полушария разделить в раннем возрасте, то оба полушария, развиваясь независимо, достигнут уровня способностей, обычно наблюдаемого лишь у левого полушария.

...не смеется.)

— Нам известно, что вы были в этой компании, — сказал сидящий офицер. — Никто из вас не мог трезво взглянуть на велосипед и проделать простую математическую операцию по определению числа передач. — В его тоне Фред почувствовал доброту, даже некоторое сострада-

ние. — Такие задачи решают в младших классах. Вы что, все были под кайфом?

— Нет.

— Так в чем же дело?

— Забыл… — Фред помолчал. — Мне кажется, сбой восприятия тут ни при чем. Разве подобные вещи не требуют абстрактного мышления?

— Только на первый взгляд. На самом деле мышление дает сбой, поскольку не получает корректной информации. Иными словами, входные данные настолько искажены, что когда вы начинаете их анализировать, то рассуждаете неправильно, поскольку… — Офицер сделал неопределенный жест, пытаясь подобрать нужные слова.

— Но десятискоростной велосипед действительно имеет семь шестеренок, — возразил Фред. — Это мы увидели правильно: две спереди, пять сзади.

— Вы не восприняли, каким образом они взаимодействуют: пять задних с каждой из передних, как вам объяснил негр. Он был высокообразованным человеком?

— Скорее всего, нет.

— Негр увидел то, чего не смогли увидеть вы. Он увидел две независимые линии, соединяющие

переднюю и заднюю системы шестеренок, а вы увидели только одну.

— Ладно, в следующий раз буду умнее, — сказал Фред.

— Когда это? Когда купите краденый десятискоростной велосипед?

Фред промолчал.

— Давайте продолжим тестирование, — предложил сидящий офицер. — Что сейчас перед вами, Фред?

— Пластмассовое собачье дерьмо, такое продают в Лос-Анджелесе повсюду. Могу я идти?

Он испытывал бешенство. Из-за злополучной речи его замучают! Оба офицера, однако, рассмеялись.

— Знаете, — сказал сидящий, — если у вас не пропадет чувство юмора, пожалуй, вы своего добьетесь.

— Добьюсь? — повторил Фред. — Чего добьюсь? Успеха? Времени? Денег?..

Мозг высших животных, включая человека, является двойным органом, состоящим из правого и левого полушария, соединенных перемычкой из нервной ткани, corpus callosum. Около пятнадцати

лет назад Рональд Е. Майерс и Р. В. Сперри из Чикагского университета сделали удивительное открытие: если отделить половинки мозга одну от другой, то каждая из них способна функционировать независимо, как самостоятельный мозг.

— …Если вы, ребята, психологи и слушаете мои бесконечные доклады Хэнку, то скажите: как подобрать ключик к Донне? То есть я хочу спросить: как это делается? С такой вот милой, ни на кого не похожей, упрямой маленькой цыпочкой?

— Все девушки разные, — рассудил сидящий офицер.

— Я имею в виду, как найти эстетический подход? — продолжал Фред. — А не просто споить ее, напичкать «красненькими» и изнасиловать, пока она валяется в отрубе на полу.

— Купите ей цветы, — посоветовал стоящий офицер.

— Что? — удивился Фред, широко раскрыв профильтрованные костюмом глаза.

— В это время года можно купить маленькие весенние цветы.

— Цветы… — пробормотал Фред. — Какие? Искусственные или живые?.. Живые, я полагаю.

— Искусственные не годятся, — сказал сидящий. — Они выглядят как… подделка. Что-то фальшивое.

— Я могу идти? — спросил Фред.

Офицеры переглянулись, затем кивнули.

— Тест доведем до конца как-нибудь в другой раз, — сказал стоящий. — Не так уж это и срочно. Хэнк вас известит.

По какой-то неясной причине Фреду захотелось пожать им руки, но он этого не сделал, а просто вышел, молча покачивая головой, с гнетущим чувством тревоги. Они копаются в моем досье, пытаясь найти признаки того, что я выгорел… И что-то находят, раз затеяли эти тесты.

Весенние цветы, думал он, идя к лифту. Малюсенькие. Должно быть, едва поднимаются от земли, и люди их давят… Как они растут — сами по себе или их выращивают искусственно, в промышленных резервуарах? А может, на огромных охраняемых фермах? Интересно, каково там, на природе? Поля, незнакомые запахи и все прочее…

И где ее найти, эту природу? Куда надо ехать? Какой нужен билет и у кого его брать? Я бы с удовольствием взял с собой Донну, когда соберусь ехать. Но как предложить такое девушке, если

ты не знаешь, с какой стороны к ней подступиться? Если все время околачиваешься возле нее и ничего не получается?.. Нам нужно спешить, подумал он, потому что скоро все весенние цветы погибнут.

Глава 8

Чарлз Фрек ехал к Бобу Арктору — там всегда можно было словить кайф в теплой компании. По пути он придумывал, как натянуть нос старине Баррису. Вроде как расквитаться за ту подначку насчет селезенки в «Трех скрипачах». Не забывая исправно снижать скорость при виде полицейских засад с радарами (почему-то это всегда были старенькие «Фольксвагены:» тускло-коричневого цвета с бородатыми типами за рулем), он прокручивал в голове воображаемую сцену предстоящего розыгрыша.

Фрек *(небрежно):* Я сегодня купил метедриновую грядку.

Баррис *(свысока):* Дурачок, метедрин не растет на грядке. Это не органика, не травка, а таблетка, порошок, ну, как амфетамин — его синтезируют, то есть делают в лаборатории…

Фрек *(«Как я его сейчас…»):* Я пошутил… Просто мне достались от дядюшки сорок тысяч, и я приобрел метедриновый заводик, который один тип оборудовал у себя

в гараже. Грядка — это в смысле…

Фрек пока не мог сообразить, как закончить, — отвлекала дорога, — но не сомневался, что там, у Боба, сделает все в лучшем виде. Баррис непременно клюнет, особенно если вокруг будет народ. И тогда всем станет ясно, какая он жопа. Прикол будет улетный — Баррис совершенно не выносит, когда над ним смеются.

* * *

Баррис и Арктор копались в машине с поднятым капотом.

— Привет! — бросил Фрек, приближаясь фланирующей походкой. — Эй, Баррис! — Он взял Барриса за плечо, стараясь говорить небрежно-покровительственным тоном.

— Погоди! — буркнул Баррис. Он был в рабочем комбинезоне, потемневшем от грязи и заляпанном смазкой.

— Я сегодня купил метедриновую грядку…

— Большую? — раздраженно спросил Баррис.

— Что?

— Я спрашиваю, большую?

— Ну… — растерялся Фрек, не зная, что сказать дальше.

— Сколько дал? — вставил Арктор. Он тоже весь вымазался, копаясь в машине. Они с Баррисом уже успели вынуть карбюратор, фильтры и кучу разной мелочи.

— Около десяти баксов…

— Джим мог бы достать тебе дешевле, — заметил Арктор, вновь склонившись над мотором. — Да, Джим?

— Их сейчас отдают практически даром, — подтвердил Баррис.

— Черт, да это целый гараж! — возмутился Фрек. — Настоящий завод! Миллион таблеток в день! Сложнейшие агрегаты…

— И все за десять долларов? — радостно оскалился Баррис.

— А далеко это? — спросил Арктор.

— Не здесь, — смущенно ответил Фрек. — Да ну вас к черту! — надулся он.

Сделав перерыв в работе — он часто делал перерывы в работе, даже если поболтать было не с кем, — Баррис сказал:

— Знаешь, Фрек, если ты будешь злоупотреблять метедрином, то начнешь разговаривать как Дональд Дак.

— И что? — нахмурился Фрек.

— Ну и никто не разберет, что ты говоришь.

— Что ты сказал, Баррис? Никак не разберу, что ты говоришь, — включился Арктор.

Расплывшись в улыбке, Баррис залопотал голосом Дональда Дака. Фрек и Арктор весело ухмылялись, наслаждаясь представлением. Баррис продолжал лопотать, оживленно жестикулируя и указывая на карбюратор.

— Что с карбюратором? — Арктор нахмурился.

По-прежнему ухмыляясь, но уже своим обычным голосом Баррис сказал:

— Погнута ось воздушной заслонки. Карбюратор надо полностью перебирать, иначе заслонка может вдруг закрыться, когда ты будешь ехать по шоссе, — тогда мотор захлебнется и заглохнет, и какой-нибудь кретин врежется в тебя сзади. Кроме того, если топливо будет стекать по стенкам цилиндров, то в конце концов оно смоет смазку, на поверхности возникнут царапины, и двигателю конец.

— А почему погнулась ось? — спросил Арктор.

Баррис молча пожал плечами, продолжая разбирать карбюратор. Он знал, что ни Арктор, ни Чарлз Фрек ничего не смыслят в двигателях, тем более когда речь идет о таких серьезных поломках.

Из дома вышел Лакмен с книгой под мышкой

— в темных очках, модной рубашке и стильных джинсах в обтяжку.

— Я узнавал, во что обойдется переборка карбюратора. Они скоро перезвонят, так что я оставил дверь открытой.

— Можно заодно заменить этот двухцилиндровый на четырехцилиндровый, — предложил Баррис.

— Резко возрастут холостые, — сказал Лакмен. — И потом, не будет включаться высшая передача.

— Поставим тахометр, — настаивал Баррис. — Как обороты чересчур поднимутся, надо сбросить газ, и тогда автоматически сменится передача. Я знаю, где достать тахометр. Вообще-то он у меня есть.

— Ну да, — саркастически произнес Лакмен. — При обгоне газанешь, а врубится низшая передача, и обороты так подскочат, что двигатель вообще на хрен накроется!

— Водитель увидит, как прыгнула стрелка тахометра, и сразу сбросит газ, — терпеливо возразил Баррис.

— При обгоне-то?! Представь, что ты обходишь длиннющий трейлер! Да тебе надо гнать и гнать, уж сколько бы ни было там оборотов, иначе ты

его никогда не обойдешь!

— Не забывай про инерцию, — прищурился Баррис. — Такая тяжелая машина будет двигаться по инерции, даже если убрать газ.

— А в гору? — поддел Лакмен. — Не очень-то она тебе тогда поможет, твоя инерция.

Баррис повернулся к Арктору:

— Сколько весит… — Он наклонился и зашевелил губами, читая название «олдсмобиль»?

— Около тысячи фунтов, — сообщил Арктор, подмигнув Лакмену.

— Тогда ты прав, — согласился Баррис. — При таком весе момент инерции явно невелик. Хотя… — он схватил ручку. — Тысяча фунтов со скоростью восемьдесят миль в час создают силу…

— Тысяча фунтов, — вставил Арктор, — это с пассажирами, полным баком и ящиком кирпичей в багажнике.

— Сколько пассажиров? — осведомился Лакмен с непроницаемым видом.

— Двенадцать.

— То есть шесть сзади, — рассуждал вслух Лакмен, — и шесть…

— Нет, — перебил Арктор. — Одиннадцать сзади и впереди один водитель. На задние ко-

леса давление должно быть больше, чтобы не заносило.

Баррис тревожно вскинул голову:

— Машину заносит?

— Если только сзади не сидят одиннадцать человек, — ответил Арктор.

— Лучше загружать багажник мешками с песком, — назидательно произнес Баррис. — Три двухсотфунтовых мешка с песком. Тогда пассажиров можно разместить равномернее, и им будет удобней.

— А может, один шестисотфунтовый мешок золота? — предложил Лакмен. — Вместо трех двухсотфунтовых…

— Ты отвяжешься?! — гаркнул Баррис. — Я пытаюсь рассчитать силу инерции при скорости восемьдесят миль в час!

— Машина не дает восьмидесяти, — заметил Арктор. — Один цилиндр барахлит. Я забыл сказать. Вчера что-то случилось с поршнем, когда я возвращался домой из магазина.

— Тогда какого черта мы вытащили карбюратор? — возмутился Баррис. — Фактически у тебя весь блок цилиндров полетел! Вот почему она не заводится…

— Твоя машина не заводится? — спросил Фрек

Боба Арктора.

— Она не заводится, — сказал Лакмен, — потому что мы вытащили карбюратор.

— А зачем мы вытащили карбюратор? — растерянно спросил Баррис. — Я что-то позабыл…

— Чтобы заменить все пружины и всякие мелкие штуковины, — разъяснил Арктор. — Чтобы не получилось как в тот раз, когда мы чуть не накрылись. Нам посоветовал тогда механик.

— Если бы вы, ублюдки, не тарахтели все время, как обломавшиеся торчки, — обиженно бросил Баррис, — я бы давно закончил расчет. — Он выглядел очень расстроенным. — Так что ЗАТКНИТЕСЬ!

Лакмен открыл свою книгу, затем раздул грудь, расправил плечи и поиграл бицепсами.

— Послушай-ка вот это, Баррис, — объявил он и начал читать вслух: — «Тот, кому дано видеть Христа более реально, чем любую другую реальность…»

— Что-что? — удивился Баррис.

— «…этого мира — Христа вездесущего, являющего собой всеобщее предопределение и плазматический принцип вселенной…»

— Что это? — поморщился Арктор.

— Шарден. Тейяр де Шарден.

— О боже, Лакмен…

— «…такой человек воистину пребывает в той сфере, в пределах которой множественность не способна нарушить его покоя, но которая тем не менее есть наиболее эффективная мастерская всеобщей реализации». — Лакмен захлопнул книгу.

Заподозрив неладное, Чарлз Фрек втиснулся между Баррисом и Лакменом.

— Ребята, да вы что, успокойтесь…

— Уйди, Фрек, — деловито сказал Лакмен. — Ну, Баррис, — процедил он, отводя назад для удара правую руку, — сейчас я тебе зубы в глотку вобью! Будешь знать, как разговаривать с людьми, которые превосходят тебя во всех отношениях!

Заблеяв от дикого ужаса, Баррис выронил ручку и блокнот и зигзагами помчался к дому.

— Телефон! — прокричал он на ходу.

— Я просто его подкалывал, — пробормотал Лакмен, пощипывая нижнюю губу.

— А если он возьмет свой револьвер с глушителем? — спросил Фрек, совершенно потеряв самообладание, и потихоньку стал отходить к машине, чтобы сразу укрыться, как только Баррис начнет стрелять.

— Ну ладно, давай, — сказал Арктор.

И они принялись за работу, а Фрек околачивался возле своей машины, кляня себя за то, что вообще решил приехать. Сегодня здесь нет той приятной расслабленной атмосферы, как обычно. Он с самого начала почувствовал недоброе за всем этим подшучиванием. Черт побери, что же произошло? — недоумевал он, садясь в машину.

Неужели и здесь все покатится под гору? Как у Джерри Фабина в те последние недели… А ведь как хорошо оттягивалось, как сладко балделось под рок, особенно под «Стоунз»… Донна сидит в своей кожаной куртке и набивает капсулы. Лакмен скручивает косячки и разглагольствует о семинаре, который он проведет в Калифорнийском университете, — по приготовлению и употреблению травки. И о том, как набитый им однажды идеальный косяк поместят под стекло и в гелий в Музее американской истории рядом с другими реликвиями не меньшего значения… Как было тогда клево, даже совсем еще недавно, когда они сидели с Джимом Баррисом в «Трех скрипачах»!.. А все началось с Джерри — и перекинулось сюда. Странно: все вроде хорошо, и вдруг — плохо. И непонятно почему, нет никакой такой особой причины. Просто раз — и все…

— Я уезжаю, — заявил Фрек Лакмену и Арктору,

заводя двигатель.

— Слушай, погоди… — виновато улыбнулся Лакмен. — Ты наш брат, как мы без тебя…

— Не, я сматываюсь.

Из дома осторожно выглянул Баррис, сжимая в руке молоток.

— Ошиблись номером, — сказал он, опасливо приближаясь и зыркая глазами, словно крабоподобная тварь из фильма про космические войны.

— Зачем тебе молоток? — спросил Лакмен.

— Наверное, для ремонта двигателя, — предположил Арктор.

— Решил прихватить на всякий случай, — смущенно объяснил Баррис, бочком подходя к машине. — Попался на глаза…

— Самый опасный человек — это тот, — проговорил Лакмен, — кто боится собственной тени.

Чарлз Фрек услышал эту фразу, отъезжая, и задумался: не имеет ли Лакмен в виду его? Стыдно… А впрочем, какого черта здесь ошиваться, если все так стремно? И вовсе это не трусость. «Избегать скандалов» — вот мой девиз, напомнил себе Фрек. И уехал, не оглядываясь. Пусть хоть поубивают друг друга. Кому они нужны… Но на душе было хреново. Все вдруг изменилось — почему, что это значит?.. Но потом он подумал, что

дела еще пойдут на лад, — и воспрянул духом. Мчась по шоссе и машинально притормаживая при виде замаскированных полицейских, он даже прокрутил в голове коротенький глюк: ВСЕ КАК ПРЕЖДЕ.

Собрались все, даже мертвые и выгоревшие вроде Джерри Фабина. Их заливает яркий белый свет. Не дневной, но куда лучше, целое море света, и сверху, и снизу — со всех сторон. С ними Донна и пара других соблазнительных цыпочек, одетых очень легко. Слышна музыка, хотя трудно разобрать, с какой пластинки. Может быть, Хендрикс, подумал он. Да, старая вещь Хендрикса… Или нет: Джи-Джи. Джим Кросс, и Джи-Джи, и особенно Хендрикс… «Перед тем как я умру, — напевал Хендрикс, — дайте мне пожить, как я хочу…»

И тут вдруг глюк взорвался, потому что он вспомнил, что и Хендрикс, и Джоплин мертвы, не говоря уже о Кроссе. Хендрикс и Джи-Джи погибли, сидя на игле, — два великолепных человека, потрясающих распотрясных человека. Поговаривают, что менеджер давал Дженис Джоплин сущие гроши — пару сотен баксов время от времени, — а то бы она все пустила на наркотики, все, что зарабатывала… Потом в голове у него зазвучала музыка, и Дженис запела свое знаме-

нитое «Одиночество», и он начал плакать. И так, плача, ехал домой.

* * *

Роберт Арктор сидел в гостиной с друзьями и пытался решить, нужно ли брать новый карбюратор или можно обойтись переборкой старого. Всем телом он ощущал постоянный незримый контроль, электронное присутствие камер. И от этого ему было хорошо.

— Ты радуешься, — заметил Лакмен. — Я бы не радовался, если бы мне пришлось выложить сотню долларов.

— Я решил найти точно такую машину, как у меня, — объяснил Арктор. — А затем снять с нее карбюратор и ничего не платить. Как делают все, кого мы знаем.

— Особенно Донна, — кивнул Баррис. — Лучше бы ее не было здесь в тот день, когда мы уезжали. Донна тащит все, что может унести. А если сил не хватает, она звонит своим дружкам-гангстерам, и те тут как тут.

— Расскажу вам одну историю про Донну, — сказал Лакмен. — Однажды она бросила четвертак в автомат, что продает почтовые марки. Машина испортилась и давай эти марки выплевывать! В

конечном итоге — Донна со своими дружками-головорезами пересчитала — оказалось больше восемнадцати тысяч пятнадцатицентовых марок. Ну, скажете вы, здорово! Только что с ними делать Донне Хоторн, которая в жизни не написала ни одного письма?! Разве что одно — своему адвокату, чтобы подать в суд на того парня, который обул ее с колесами.

— Чего?! — удивился Арктор. — У нее есть адвокат, который выбивает деньги за некачественный товар? Как это?

— Наверно, она не говорит, за что ей должны. Должны — и все тут.

— Представляю себе письмо адвоката с угрозой подать в суд из-за неуплаты за партию наркотиков, — хихикнул Арктор, в очередной раз восхищаясь способностями Донны.

— Так или иначе, — продолжал Лакмен, — сидит она с грудой пятнадцатицентовых марок и ума не приложит, куда их деть. Не продавать же обратно почте! Тем более там уже, ясное дело, просекли, что машина пошла вразнос, и ждут, когда кто-нибудь сунется к окошку с мешком марок… Ну и стала она об этом думать — после того, как, само собой, загрузила все марки в багажник и сделала ноги. Позвонила дружкам, которые

на нее работают, и они приехали с каким-то спецобалденным навороченным отбойным молотком — вроде как с водяным охлаждением и водяным глушителем. Краденым, конечно. Вот… И среди ночи выдрали ту машину прямо из асфальта и увезли к Донне на пикапе. Который тоже, само собой, специально для этого угнали.

— Ты хочешь сказать, что она продавала марки? — проговорил ошеломленный Арктор. — Через автомат? По одной марочке?

— Они установили этот автомат — по крайней мере, так мне рассказывали — где-то на перекрестке, где полно народу, но чтобы не было видно с почтового грузовичка, и запустили его.

— Нет чтобы просто вскрыть ящик для монет, — презрительно пожал плечами Баррис.

— И так вот они продавали марки несколько недель — в общем, пока не кончился запас. Могу себе представить, как Донна ломала голову, что делать дальше. Она ведь экономная, ничего не выбрасывает: ее предки — какие-то крестьяне из Европы. Небось придумала, как из автомата газировку продавать.

— Это правда? — протянул Баррис.

— Что именно? — улыбнулся Лакмен.

— Эта женщина невменяема! — возмутился

Баррис. — Ее надо отправить на принудительное лечение! Ты понимаешь, что из-за кражи марок у нас повысились налоги?!

— Настучи властям, — неприязненно посоветовал Лакмен. — Попроси у Донны марку для письма, она тебе продаст.

— Ага, за полную стоимость, — сказал Баррис, кипя негодованием.

Камеры, подумал Арктор, накрутят десятки миль подобной белиберды на своих дорогих лентах… Вообще-то не важно, что происходит в присутствии Боба Арктора, важно (для кого важно, для Фреда?) то, что происходит, когда Боб отсутствует или спит, а остальные находятся в зоне видимости камер. Так что мне пора сваливать, как я и планировал, а их оставить здесь. Пожалуй, стоит привести сюда и других знакомых. С сегодняшнего дня мой дом открыт для всех!

А потом в голову пришла жуткая, чудовищная мысль: а вдруг, просматривая записи, я увижу, как Донна забирается в мой дом — открыв окно вилкой или лезвием ножа — и крадет или портит все мои вещи? *Другая* Донна, такая, какая она есть на самом деле, когда уверена, что за ней никто не наблюдает… Не превращается ли

внезапно милая, добрая, очень добрая девушка в нечто кошмарное? Не увижу ли я перемену, которая разобьет мое сердце? Перемену в Донне или Лакмене — в близких мне людях? Что делают домашние животные, когда хозяина нет дома? Вот кошка снимает наволочку с подушки и начинает набивать ее твоим добром: часами, приемниками, бритвами и всем прочим, — уже совсем другая, чужая, незнакомая кошка, — курит твои косяки, ходит по потолку, звонит по междугородной… И это уже другой, кошмарный мир, Зазеркалье, город отражений, населенный ужасными невообразимыми чудищами. Вот Донна крадется на четырех лапах, лакает из кошачьей миски… и реальность плывет и искажается, и все возможно в диком психоделическом глюке, смурном и непостижимом.

Черт возьми, подумал он, а может, Боб Арктор встает среди ночи и тоже выкидывает какие-нибудь дикие коленца? Трахает стену. Или впускает в дом целую банду непонятных уродов с головами, которые способны делать полный оборот, как у совы. И камеры зафиксируют, как эти шизанутые торчки плетут грандиозный заговор, чтобы непонятно зачем взорвать мужской туалет на вокзале, наполнив сливной бачок пакетами с

пластиковой взрывчаткой… Или творится что и похлеще… каждый раз, когда он якобы ложится спать или куда-нибудь уходит.

Боб Арктор, рассуждал он, может узнать такое, к чему совершенно не готов и что совсем не хочет узнать, — о милашке Донне в кожаной курточке, о Лакмене в шикарных шмотках… Даже о Баррисе… Например, что Баррис просто-напросто отправляется спать, когда никого вокруг нет. И спит, пока кто-нибудь не появится.

Нет, это вряд ли. Скорее Джим Баррис выуживает из кучи барахла в своей комнате спрятанный передатчик и посылает закодированный сигнал другой банде шизанутых торчков, тем, с которыми тайно злоумышляет… черт знает, что уж там могут злоумышлять такие типы, как Баррис. Теперь, кстати, и его комната попадает под круглосуточное наблюдение…

С другой стороны, Хэнк и его компания вряд ли будут рады, если теперь, когда камеры так тщательно и с таким трудом наконец установлены, Боб Арктор уйдет из дому и больше не вернется, не появится ни на одной пленке. Нельзя использовать аппаратуру только в своих целях и полностью похерить планы начальства. В конце концов, техника установлена за казенный счет.

Так что хочешь не хочешь, а во всех записях ему придется играть главную роль. Арктор-актер, Арктор-звезда, усмехнулся он. Великолепный Боб, преследуемый герой, дичь экстра-класса.

Говорят, когда слушаешь запись, невозможно узнать собственный голос. Или распознать себя на видео, тем более на трехмерной голограмме. Ты представлял себя высоким толстым темноволосым мужчиной, а оказываешься худенькой лысой женщиной… так, что ли? Наверняка я узнаю Боба Арктора, думал он, если не по одежде, то путем исключения. Тот, кто живет в этом доме и не является Баррисом или Лакменом, — Боб Арктор. Разве что это кошка или собака… Но будем действовать профессионально — обращать внимание только на прямоходящих.

— Мне надо идти, — сказал Арктор. — Попробую раздобыть деньжат.

Он резко остановился, якобы вспомнив, что у него нет машины. По крайней мере, попытался придать лицу соответствующее выражение.

— Лакмен, твоя машина на ходу?

— Нет, — подумав, ответил Лакмен. — Не думаю.

Арктор повернулся к Баррису:

— Можно взять твою машину, Джим?

— Ну, не знаю… справишься ли ты с ней…

Это возражение возникало всякий раз, когда кто-нибудь хотел воспользоваться машиной Барриса. Оказывается, Баррис внес кое-какие секретные изменения в: а) подвеску; б) двигатель; в) коробку передач; г) электросистему; д) рулевое управление, — а также в часы, зажигалку, пепельницу и «бардачок». Особенно в «бардачок». У Барриса он всегда был заперт. Радиоприемник тоже был хитроумно переделан, непонятно как и с какой целью. Одна из станций, к примеру, выдавала лишь странные звуковые сигналы с интервалом в одну минуту. И, как ни странно, рок-музыка не ловилась никогда. Порой, когда они вместе ехали за товаром и Баррис выходил из машины, он включал ту самую станцию на полную громкость. Если во время его отсутствия настройку меняли, он в бешенстве что-то бессвязно орал, а потом молчал всю дорогу и отказывался что-либо объяснять. Возможно, настроенный на эту частоту, его приемник вел передачу: а) властям; б) частной полувоенной организации; в) мафии; г) инопланетянам.

— То есть я хочу сказать… — начал Баррис.

— А, заткнись! — оборвал Лакмен. — У тебя самая обычная машина с шестицилиндровым

двигателем. Сторож на парковке преспокойно с ней справляется. А почему ею не может пользоваться Боб? Жмот ты проклятый!

На самом деле у Боба Арктора в машине тоже было кое-что переделано, в частности в его приемнике. Но он об этом не распространялся. Точнее, все это было у Фреда. А именно — практически то же самое, что якобы было в машине Барриса, хотя у него-то как раз этого и не было.

Любая полицейская машина передает широкополосный сигнал, который принимается обычными радиоприемниками просто как шум, вроде помех от неисправного зажигания. Однако в машине Боба Арктора был установлен приборчик, который фильтровал этот шум и позволял ему точно определить, насколько близко находится тот или иной полицейский автомобиль и к какому департаменту полиции он принадлежит: городскому, районному или федеральному. Он также мог принимать ежеминутные сигналы для согласования действий отдельных подразделений при рейдах. А одна хитрая станция безостановочно гнала стандартную десятку популярных хитов вперемежку с болтовней ведущего, который, однако, после обычного: «А эту песню Кэта Стивенса мы передаем по просьбе Фила и

Джейн…» мог выдать что-нибудь вроде: «Машина номер один находится в миле к северу от… остальным командам проследовать…» И на памяти Фреда не было случая — сколько бы парней и девчонок ни находилось в его машине, когда он был обязан — например, во время крупных рейдов — слушать эту станцию, чтобы кто-нибудь такие вещи заметил. В лучшем случае они считали, что им померещилось. И Фред всегда знал, когда какой-нибудь старый «Шевроле» с лохматым панком за рулем, раскрашенный под гоночную машину и проносящийся мимо с диким ревом, был на самом деле замаскированной полицейской машиной. А если нажать кнопку, которая якобы переключала диапазоны, то специальные устройства начинали передавать властям каждое слово из того, что говорилось в машине, в то же время отфильтровывая и удаляя всю музыку.

Это что касается радио. Но все остальное — подвеска, двигатель, коробка передач и так далее — было в машине Боба Арктора самым обыкновенным, хотя и хорошего качества. Зачем что-то еще модифицировать? Во-первых, ни к чему вызывать подозрения. Кроме того, миллионы заядлых автомобилистов снабжали свои машины всякими наворотами. Тем более что возможности

какого-нибудь «Феррари» заведомо оставляли позади любые «специальные секретные модификации», о которых так любил распространяться Баррис. А полицейские не ездят на спортивных машинах, даже дешевых, не говоря уже о «Феррари». Так или иначе, в конечном счете все определяет мастерство водителя…

Пожалуй, единственной необычной деталью машины были покрышки. Сделанные целиком из металла, они быстро снашивались, зато давали преимущество в скорости и позволяли быстро разгоняться. Стоили они немало, но Арктору достались бесплатно. Устанавливать их, однако, пришлось самому, тайно, так же как и радио, которое, кстати, доставляло ему массу беспокойства. Не потому, что кто-нибудь типа Барриса мог что-то заподозрить, а потому, что его могли элементарно спереть, а за казенный прибор пришлось бы отвечать.

Был в машине и пистолет, надежно спрятанный. Даже шизик Баррис с его психоделическими фантазиями никогда бы не додумался туда его положить. Ему бы наверняка пришли в голову разные экзотические места вроде рулевой колонки или бензобака, где пистолет можно подвесить на проволоке, как партию кокаина в одном из

фильмов. На самом деле такие тайники хуже всего — о них известно всем, кто бывал в кино. В машине Арктора пистолет лежал в «бардачке».

Та чушь, которую постоянно нес Баррис, говоря о своей машине, потому и была несколько похожа на правду, что большинство прибамбасов, о которых шла речь, были стандартными, демонстрировались в фильмах и обсуждались на телевидении в передачах с участием экспертов по электронике. Так что любой обыватель (или «среднестатистический гражданин», как любил выражаться Баррис, демонстрируя свою образованность) мог знать об этом почти все. Ну и ладно, пускай, какая разница? Другое дело, если бы всю эту мудреную технику взяли на вооружение те, за кем гонялась полиция, в особенности поставщики наркотиков, курьеры и толкачи. Тогда у наркоманов наступили бы светлые дни.

— Пойду пешком, — сказал Арктор. К этому он и вел — чтобы «пришлось» идти пешком.

— Ты куда? — спросил Лакмен.

— К Донне. — Добраться до нее пешком было почти немыслимо, а значит, ни Лакмен, ни Баррис за ним не увяжутся. Он набросил плащ и подошел к двери. — До скорого.

— Моя машина… — снова начал Баррис.

— Если б я попробовал вести твою машину, — перебил Арктор, — то нажал бы ненароком не на ту кнопку да взлетел бы над Лос-Анджелесом, как воздушный шар, и меня заставили бы тушить с воздуха пожары на нефтяных вышках.

— Я рад, что ты понимаешь мое положение, — виновато пробормотал Баррис.

* * *

Сидя в костюме-болтунье перед монитором номер два, Фред бесстрастно следил за движущимся голографическим изображением. В соседних кабинах сидели другие агенты, просматривая записи. Фред, однако, смотрел прямую передачу из дома Боба Арктора.

Баррис устроился в лучшем кресле гостиной: склонился над гашишной трубкой, которую он мастерил уже несколько дней, и виток за витком наматывал белый провод. Лакмен скрючился за кофейным столиком и жадно заглатывал ужин, не отрывая глаз от экрана телевизора. На столе валялись четыре пустые жестянки из-под пива, сплющенные его могучим кулаком; теперь он потянулся за пятой, опрокинул, пролил пиво и выругался. Баррис отрешенно поднял голову, а потом снова склонился над работой.

Фред продолжал наблюдать.

— Черт бы побрал это телевидение! — пробормотал Лакмен с полным ртом.

Внезапно он выронил ложку, вскочил, пошатываясь, на ноги и отчаянно замахал руками, пытаясь что-то сказать. Его рот открылся, и на одежду полетели куски полупрожеванной пищи. С радостным мяуканьем к нему бросились кошки.

Баррис отвел взгляд от трубки и уставился на несчастного Лакмена. Тот закачался, издавая нечленораздельные булькающие звуки, схватился рукой за столик и повалил все на пол. Кошки испуганно бросились наутек. Баррис оставался в кресле, не сводя взгляда с Лакмена. Лакмен сделал несколько нетвердых шагов к кухне — другая камера показала, как он, пошарив на столе, нашел стакан и попытался наполнить его водой из крана. Охваченный ужасом Фред отпрянул от монитора и зачарованно смотрел на сидящего спокойно Барриса. Через несколько секунд Баррис опустил голову и стал невозмутимо и сосредоточенно наматывать проволоку.

Динамики доносили душераздирающие звуки: стоны, хрипы, клокотание и грохот посуды — Лакмен сбрасывал горшки, кастрюли, тарелки,

старяясь привлечь внимание Барриса. Баррис методично работал.

На кухне, на мониторе номер один, Лакмен тем временем упал на пол — не медленно, на колени, а резко, ничком, с тяжелым стуком. Баррис продолжал мотать проволоку. На его лице, в уголках губ, появилась легкая злорадная усмешка.

Фред поднялся и застыл, парализованный и возбужденный одновременно.

Несколько минут Лакмен недвижно лежал на кухонном полу, а Баррис все мотал и мотал проволоку, склонившись над своей работой, как старушка над вязаньем, и все улыбался, и улыбался, и даже немного раскачивался. Затем Баррис резко встал, на его лице отразился ужас. Он в беспомощном испуге всплеснул руками, бестолково заметался и наконец подбежал к Лакмену.

Входит в роль, понял Фред. Будто он только что пришел.

Лицо Барриса приняло скорбное выражение. Он рванулся к телефону, схватил трубку, уронил ее, поднял… Какой кошмар, Лакмен лежит на полу в кухне, подавившись куском пищи!.. И теперь Баррис отчаянно пытается вызвать помощь. Увы, слишком поздно…

Баррис говорил по телефону медленно, стран-

ным, необычно высоким голосом.

— Девушка, куда надо звонить: в ингаляторную или в реанимационную?

— Сэр, — пропищало рядом с Фредом подслушивающее телефонное устройство, — у кого-то затруднено дыхание? Вы хотите…

— Полагаю, что это инфаркт, — рассуждал Баррис профессиональным тоном. — Либо инфаркт, либо нарушение проходимости дыхательных путей вследствие…

— Ваш адрес, сэр? — прервала телефонистка.

— Адрес? — забормотал Баррис. — Сейчас, надо подумать, адрес…

— Боже, — выдавил Фред.

Внезапно Лакмен, распростертый на полу, судорожно напрягся. Его обильно вырвало, он зашевелился и вытаращил налитые кровью глаза.

— Кажется, с ним все уже в порядке, — затараторил Баррис. — Спасибо, помощь не требуется.

Он быстро положил трубку.

— Господи… — прохрипел Лакмен, тряся головой, кашляя и хватая ртом воздух.

— Ну как ты? — участливо спросил Баррис.

— Наверное, подавился. Я что, был в отключке?

— Не совсем. Твое сознание временно перешло

на другой уровень. Очевидно, в альфа-состояние.

— Боже, я обделался!

Покачиваясь от слабости, Лакмен с трудом встал и схватился за стенку.

— Как старый пьяница, — с отвращением выдавил он и, шатаясь, направился к ванной.

Наблюдая за происходящим, Фред почувствовал, как ужас отступает. Лакмен очухается. Но Баррис! Что это за человек?! Полный псих…

— Так и окочуриться можно, — сквозь плеск воды донесся голос Лакмена.

Баррис улыбался.

— У меня очень крепкий организм… — продолжал Лакмен, хлебая воду из стакана. — Что ты делал, пока я там валялся? Онанизмом занимался?

— Ты же видел — говорил по телефону, — сказал Баррис. — С врачами. Я стал действовать, как только…

— Врешь, — горько промолвил Лакмен, продолжая пить воду. — Я знаю: ты ждал, когда я отдам концы, чтобы спереть мою заначку. Еще бы и в карманах пошарил…

— Удивительно, — задумчиво произнес Баррис, — насколько несовершенна анатомия человека — пища и воздух проходят одним и тем

же путем. Возникает риск…

Лакмен молча показал ему средний палец.

* * *

Скрежет тормозов. Гудок. Боб Арктор быстро обернулся. В темноте у тротуара спортивная машина с работающим двигателем, за рулем — девушка. Машет рукой.

Донна.

— Я тебя напугала? Ехала к вам, смотрю — ты плетешься. Сначала я даже не поняла, что это ты, а потом вернулась. Садись.

Он молча забрался в машину и захлопнул дверцу.

— Ты чего здесь ошиваешься? — спросила Донна. — Машину еще не починил?

— У меня только что было жуткое шугало, — медленно произнес Боб Арктор. — Не просто глюк, а… — Он содрогнулся.

— Я достала.

— Что?

— Тысячу таблеток смерти.

— *Смерти?* — непонимающе повторил он.

— Да, высшего сорта. Ладно, поехали.

Она врубила первую передачу и тут же разогналась до высшей. Донна всегда ездила слишком

быстро.

— Проклятый Баррис! — сказал Арктор. — Ты знаешь, как он действует? Сам не убивает, нет. Он просто околачивается поблизости и ждет, пока возникнет ситуация, когда человек отдаст концы. Сидит сложа руки, пока тот не издохнет. То есть он подстраивает все так, чтобы остаться в стороне. Но я понятия не имею, как это ему удается. — Арктор замолчал, уйдя в свои мысли. Да, Баррис не будет подкладывать бомбу в машину. Он всего лишь…

— У тебя есть деньги? — спросила Донна. — За товар? Это и в самом деле высший сорт. Мне нужны деньги прямо сейчас. Тут кое-что наклевывается.

— Конечно. — Деньги были у него в бумажнике.

— Я не люблю Барриса, — сказала Донна, ведя машину. — И не доверяю ему. Знаешь, он псих. Когда ты рядом с ним, ты тоже становишься сумасшедшим. А когда его нет, ты нормальный. И сейчас ты сумасшедший.

— Я? — удивленно спросил Арктор.

— Да, — невозмутимо ответила Донна.

Он растерянно молчал. А что говорить? Донна никогда не ошибается…

— Послушай, — с внезапным энтузиазмом предложила Донна, — ты не сводишь меня на рок-концерт? На стадион в Анахайме, на следующей неделе. А?

— Запросто, — машинально отозвался Арктор. А потом до него дошло: Донна *просит*... — Еще бы! — радостно воскликнул он. Снова — в который раз! — маленькая темноволосая цыпочка, которую он так любил, вернула ему вкус к жизни. — Когда?

— В воскресенье днем. Я прихвачу черный хаш и хорошенько забалдею. Там это раз плюнуть; торчков будут тысячи. — Она окинула Арктора критическим взглядом. — Только ты нацепи что-нибудь клевое, а то ходишь в каких-то тряпках... — Ее голос смягчился. — Я хочу, чтобы ты выглядел клево... потому что ты сам клевый.

— Хорошо, — потрясенно вымолвил он.

— Едем ко мне, — сказала Донна. — Ты отдашь деньги, закинемся парочкой таблеток и забалдеем. А может, купишь бутылочку «Услады Юга» — мы еще и напьемся.

— Здорово, — с чувством произнес Арктор.

— Больше всего я хочу сегодня вечером съездить в киношку, — продолжала Донна, загоняя машину на стоянку. — Купила газету посмотреть,

что идет, но везде одна муть. Можно, правда, податься в Торрансовскую «на колесах»... хотя там уже началось. В пять тридцать. Черт!

Он посмотрел на часы.

— Да, не успели.

— Ничего, мы не так уж много пропустили. — Она с улыбкой взглянула на него. — Там крутят все одиннадцать серий «Планеты обезьян». До восьми утра. Оттуда я завтра сразу на работу, так что сейчас надо переодеться. Будем балдеть всю ночь и пить «Усладу Юга». Ну как, идет?

— Всю ночь, — мечтательно повторил он.

— Ну да! — Донна выскочила из машины и открыла дверцу с его стороны. — Ты когда-нибудь видел «Планету обезьян» целиком? Я почти все смотрела в начале года, кроме последней серии, где показывают, что знаменитости вроде Линкольна и Нерона были на самом деле обезьянами — управляли людьми с самого начала. Обалденный фильмец, я его прозевала — отравилась бутербродом с ветчиной из тамошнего автомата. Господи, я так обозлилась!.. Поэтому, когда мы в следующий раз туда поехали — только ты ни гугу! — я засунула в тот автомат гнутую монету, и в пару других заодно. Специально. Мы с Ларри Таллингом — помнишь Ларри, я тогда с ним гуля-

ла — погнули целую пригоршню монет и уделали все автоматы. Именно той фирмы, конечно. А потом и остальные, если честно.

Они подошли к входной двери, и Донна медленно и торжественно повернула ключ в замке.

— Да, тебя опасно обижать, — улыбнулся Арктор, входя в маленькую уютную квартирку.

— На этот ворсистый ковер не наступай, — предупредила Донна.

— Как же я пройду?

— Просто стой или иди по газетам.

— Слушай…

— Только не надо, ладно? Знаешь, во сколько мне обошлось помыть его шампунем? — нахмурилась она, расстегивая кожаную куртку.

— Экономия, — проговорил Арктор, раздеваясь. — Крестьянская бережливость. Ты хоть что-нибудь иногда выбрасываешь? Например, обрезки бечевки?

— Рано или поздно, — сказала Донна, сняв кожаную куртку и встряхнув длинными волосами, — я выйду замуж, и тогда мне все пригодится, вот почему я ничего не выбрасываю. Когда выходишь замуж, нет такой вещи, которая не понадобится. К примеру, вот это большое зеркало мы увидели в соседнем дворе; еле-еле уволокли втроем, час

возились. Рано или поздно…

— Сколько из того, что у тебя есть, ты купила, — спросил Арктор, — и сколько украла?

— Купила? — Она в замешательстве посмотрела ему в глаза. — Что ты имеешь в виду — «купила»?

— Ну, как ты покупаешь наркотики, — объяснил Арктор. — К примеру, сейчас. — Он достал бумажник. — Я даю тебе деньги, верно?

Донна кивнула — сдержанно, с достоинством, слушая, очевидно, только из вежливости.

— А ты мне за них даешь товар, — продолжал он, вынимая деньги. — Под словом «купить» я подразумеваю распространение того, что мы сейчас делаем, на всю сферу человеческих отношений.

— Кажется, понимаю, — произнесла она. Ее большие глаза глядели спокойно, но с интересом. Донна всегда была готова учиться.

— Вот сколько ты стащила кока-колы с грузовика, за которым ехала в тот день? Сколько ящиков?

— Хватило на месяц, — ответила Донна. — Мне и моим друзьям.

Арктор бросил на нее укоризненный взгляд.

— Это форма товарообмена, — пояснила она.

— А что… — Он улыбнулся. — Что ты дала взамен?

— Себя.

Теперь он расхохотался.

— Кому? Водителю грузовика, который не имеет никакого…

— «Кока-кола» — это капиталистическая монополия, как и телефонная компания. Тебе известно, — темные глаза Донны сверкнули, — что формула изготовления кока-колы засекречена и веками передается из рук в руки в одной семье? Где-то в сейфе хранится запись этой формулы. Интересно где… — задумчиво добавила она.

— Твоим дружкам-головорезам ни в жизнь не найти.

— На кой черт нужна эта формула, если сколько хочешь можно утащить с их грузовиков?! У них уйма грузовиков. Куда ни плюнь — везде грузовики с кока-колой, причем еле-еле тащатся. А я, как только выпадает случай, еду следом. Они прямо бесятся от злости.

Донна улыбнулась Арктору таинственной, милой и лукавой улыбкой, словно пытаясь заманить его в свой странный мир, где она плетется и плетется за каким-нибудь грузовиком, а потом, когда грузовик останавливается, просто крадет все, что

там есть. Не потому, что она прирожденный вор, и даже не из мести. Просто она так насмотрится на ящики с кокой, что наперед решит, как ими распорядиться… Она тогда под завязку загрузила свою машину — не нынешнюю малолитражку, а ту большую, что потом разбила, — ящиками с кокой и целый месяц пила сколько хотела с дружками, а потом…

Потом сдала посуду понемногу в разные магазины. «Что ты сделала с пробками? — спросил он однажды. — Завернула и спрятала в бабушкин сундук?»

«Выбросила, — мрачно ответила она. — На что они нужны? Теперь нет никаких рекламных акций с лотереей, ничего полезного…»

Донна вышла в соседнюю комнату и вскоре вернулась с несколькими пластиковыми мешками.

— Хочешь пересчитать? Тысяча ровно. Я их взвесила на электронных весах перед тем, как платить.

— Ладно, нормально. — Арктор взял пакеты, отдал деньги и подумал: вот, Донна, теперь я еще раз могу тебя заложить, но, наверное, не заложу никогда, потому что в тебе есть что-то чудесное, радостное и полное жизни, и я не решусь это уничтожить.

— Можно мне взять десяток? — попросила Донна.

— Десяток? Десяток таблеток? — Он открыл пакет и отсчитал ей ровно десяток. А потом десяток для себя. Завязал пакет и отнес к своему плащу в прихожей.

— Представляешь, что придумали в музыкальных магазинах? — возмущенно начала Донна, когда он вернулся. Таблеток нигде не было видно, она уже упрятала их в загашник.

— Забирают, — сказал Арктор. — За кражу.

— Да нет, за кражу всегда забирали. А теперь… Ну, ты знаешь, выбираешь кассету или диск, подходишь к продавцу, и тот отлепляет ярлычок с ценой. Так что ты думаешь?! Я чуть не накололась. — Она плюхнулась в кресло, улыбаясь в предвкушении кайфа, и достала завернутый в фольгу маленький кубик, в котором Арктор сразу распознал хаш. — Оказывается, это не просто ярлычок. Там есть крошечка какого-то сплава, и, если ты обошел продавца и идешь к двери, начинает реветь сирена.

— И как же ты «чуть не накололась»? — улыбнулся он.

— Передо мной одна соплячка пыталась вынести кассету под пальто. Заревела сирена, ее

заграбастали и сдали копам.

— Сколько *у тебя* было под пальто?

— Три.

— А в машине — наркотики? — спросил Арктор. — Если б тебя взяли за кассеты, то обшмонали бы и машину, а потом пришили тебе еще и хранение. Причем спорю, что ты делаешь это не только здесь, но и…

Он хотел сказать: «И там, где тебе не могли бы помочь знакомые из полиции». Но не сказал, потому что имел в виду себя. Если Донна попадется, он из кожи вон вылезет, чтобы ей помочь. Однако ему ничего не удастся сделать в другом округе… В голове закрутился глюк, настоящее шугало: Донна, подобно Лакмену, умирает, и всем, как Баррису, плевать. Ее запрячут в тюрьму, и там ей придется отвыкать от препарата «С», просто так, без всякой помощи. А поскольку она еще и торгует, да плюс воровство, то сидеть ей долго, и там с ней много чего случится, разные ужасные вещи, так что выйдет она совсем другой Донной. Нежное, участливое выражение, которое он так любит, преобразится бог знает во что, но в любом случае во что-то пустое и слишком часто использованное… Она превратится в НЕЧТО. Рано или поздно такое случится со всеми — но она… Арктор

не хотел дожить до этого дня.

— Когда есть хаш, я обо всем забываю. — Донна достала свою любимую самодельную керамическую трубочку, похожую на ракушку, и посмотрела на Арктора широко раскрытыми, лучистыми и счастливыми глазами. — Садись. Я тебя подзаряжу.

Арктор сел, а Донна поднялась, раскурила трубку, подошла не спеша, наклонилась и, когда он раскрыл рот — *словно птенец,* мелькнула мысль, — выдохнула в него струю серого дыма. Она наполнила его своей горячей, смелой, неиссякаемой энергией, которая в то же время успокаивала, расслабляла и смягчала их обоих.

— Я люблю тебя, Донна, — сказал Арктор.

Такая «подзарядка» служила им заменой секса и, возможно, была даже в чем-то лучше, чем секс. Что-то очень интимное и очень странное… Сначала она «заряжала» его, потом он ее. Равноценный обмен, пока не кончится хаш.

— Да, ты меня любишь. — Она мягко рассмеялась и села рядом, чтобы наконец затянуться из трубки самой.

Глава 9

— Эй, Донна, — произнес он. — Тебе нравятся кошки?

Она моргнула: ее глаза были красными и воспаленными.

— Гадкие маленькие твари. Движутся очень низко над землей.

— Не над землей. По земле.

— Гадкие… Гадят за мебелью.

— Ладно, а маленькие весенние цветы?

— Да, — ответила она. — Это я понимаю — маленькие весенние цветы. Желтенькие. Появляются первыми.

— Самыми первыми, раньше всех.

— Да. — Донна отрешенно кивнула с закрытыми глазами. — Потом на них наступают, и все… их нет.

— Ты меня чувствуешь, — умилился он. — Ты понимаешь меня — всего, без остатка.

Она откинулась назад, отложив выкуренную трубку. Ее улыбка медленно погасла.

— Что не так?

В ответ она лишь покачала головой.

— Ничего.

— Можно, я обниму тебя? Я хочу приласкать тебя. А? Приголубить.

Донна заторможенно перевела на него темные расширенные зрачки.

— Нет. Нет! Ты урод.

— Что?

— Нет! — резко выкрикнула она. — Я много нюхаю коки. Мне надо быть сверхосторожной, потому что много коки!

— Урод?! — ошеломленно повторил он. — Да пошла ты!

— Оставь в покое мое тело, — не сводя с него взгляда, прошипела Донна.

— И оставлю. — Арктор вскочил на ноги и попятился. — Уж не сомневайся. — Внутри все клокотало, хотелось вытащить револьвер и прострелить ей башку, размазать ее по стенке… А потом, так же внезапно, ярость и ненависть, вызванные гашишем, прошли. — Черт побери… — безжизненно выдохнул он.

— Не люблю, когда меня лапают. Мне приходится быть начеку, слишком много коки… Когда-нибудь я перейду канадскую границу с четырьмя фунтами коки — засуну себе прямо туда… Скажу, что я католичка и девственница,

и они не посмеют… Ты чего? — встрепенувшись, спросила она.

— Ухожу.

— Твоя машина осталась там, ты приехал со мной.

Взъерошенная, полусонная Донна достала из шкафа кожаную куртку.

— Я отвезу тебя домой. Пойми, я никого не должна к себе подпускать. Слишком много коки. Четыре фунта коки стоят…

— Нет, ни хрена не выйдет, — отрезал Арктор. — Ты совсем плохая — не проедешь и десяти метров, а за руль своего паршивого самоката никого не пускаешь.

Она обернулась к нему и взбешенно закричала:

— Потому что ни один сукин сын не может вести мою машину! Никто ни черта не понимает, особенно мужики! В машинах и во всем остальном! Посмей еще совать руки мне в…

А потом он вдруг оказался в темноте на улице, без плаща, в незнакомой части города, один — и услышал, как Донна бежит за ним, задыхаясь. Слишком много курила в последнее время, в легких полно смолы, пришло ему в голову. Арктор остановился и стал ждать, не поворачиваясь,

опустив голову. На душе было совсем скверно.

Приблизившись, Донна замедлила шаги и, еще не отдышавшись, проговорила:

— Прости, я обидела тебя. Я сказала…

— Да уж! *Урод!*

— Когда я проработаю весь день и дико-дико устану, я могу отключиться от первой же затяжки… Хочешь, вернемся? Или в кино? Ну что ты хочешь? Или купим вина… «Усладу Юга». Мне не продадут, — сказала она и, помолчав, добавила: — Я несовершеннолетняя, понимаешь?

— Ладно, — кивнул он.

Они пошли назад.

— Хороший хашик, да? — Донна заглянула ему в лицо.

— Он черный и липкий, — проговорил Арктор. — Значит, пропитан алкалоидами опиума. То, что ты курила, — опиум, а не гашиш. Вот почему он стоит так дорого, ты понимаешь? — Арктор в волнении остановился и почти кричал. — Ты куришь не хаш, милая моя, ты куришь опиум — ты зарабатываешь себе привычку на всю жизнь ценой… почем сейчас фунт этого хаша? Ты будешь курить и спать, курить и спать, а потом не сумеешь даже сесть за руль, и скоро ты дня не сможешь обойтись…

— Уже не могу, — перебила Донна. — Утром перед работой, и в обед, и когда прихожу домой. Вот почему я стала торговать — чтобы иметь на хаш. Он хороший, то что надо.

— Опиум, — повторил Арктор. — Почем сейчас твой хаш?

— Десять тысяч за фунт, — ответила Донна. — Первоклассного.

— Боже мой! Почти как героин!

— Я никогда не сяду на иглу, ни за что! Как начинаешь колоться, протягиваешь от силы шесть месяцев. Что бы ни колоть, хоть воду. Сперва возникает привычка…

— Уже возникла.

— Не у меня одной. Ты глотаешь препарат «С». И что с того? Какая разница? Я счастлива. А ты разве нет? Я прихожу домой и каждый вечер курю отличный хаш… это мое. Не пытайся изменить меня. Никогда-никогда не пытайся изменить меня. Я — это я.

— Ты видела фотографии курильщиков опиума? Как в старину в Китае? Или в Индии? На кого они становятся похожи?..

— Я не собираюсь долго жить. — Донна пожала плечами. — Я *не хочу* тут задерживаться. Ты, что ли, хочешь? Зачем? Что хорошего в этом мире? А

ты видел — да черт возьми, вспомни Джерри Фабина! — что происходит с теми, кто долго сидит на препарате «С»? Скажи мне, Боб, в самом деле, ну что такого в этом мире? Всего лишь остановка по пути в другой мир, а нас здесь судят за то, что мы рождены во грехе…

— Это такая ты католичка?

— Нас здесь наказывают… так что если можно оттянуться время от времени, почему нет, черт побери! Вчера я едва не накрылась по пути на работу. Ехала, слушала музыку и курила хаш и не заметила «форд император»…

— Ты дура, — сказал Арктор. — Потрясающая дура.

— Знаешь, я умру рано. Так или иначе, что бы я ни делала. Может, на шоссе. Мой «жучок» почти без тормозов, за этот год меня уже четырежды штрафовали за превышение скорости. Теперь придется ходить на курсы. Вот гадство! Целых шесть месяцев.

— Значит, однажды я тебя никогда больше не увижу, да? Никогда-никогда больше не увижу…

— Когда я буду на курсах? Нет, через шесть месяцев…

— Когда ты будешь на кладбище, — объяснил он. — Уничтоженная еще до того, как по

калифорнийским законам, по проклятым калифорнийским законам тебе разрешат купить банку пива или бутылку вина…

— Точно! — воскликнула Донна. «Услада Юга»! Прямо сейчас! Возьмем бутылку и поедем смотреть «Обезьян»! Осталось еще серий восемь, включая ту…

— Послушай, — сказал Боб Арктор, положив ей на плечо руку.

Донна отпрянула.

— Нет!

— Знаешь, что им следовало бы сделать один раз? Один-единственный раз? Разрешить тебе взять банку пива.

— Почему? — удивилась она.

— Подарок. Потому что ты хорошая.

— Однажды меня обслужили! — восторженно поделилась Донна. — В баре! Официантка — я была вся разодета и накрашена и с такими клевыми парнями — спросила, чего я хочу, и я сказала: водку-коллинз. Это было в Ла-Пасе, в одном потрясном местечке. Можешь себе представить? Я запомнила название из рекламы и так спокойненько ей выдаю: водку-коллинз!

Она внезапно взяла его за руку и прижалась к нему, чего почти никогда не делала.

— Это был лучший момент в моей жизни.

— Тогда, полагаю, — проговорил он, — ты уже получила свой подарок. Свой единственный подарок.

— Конечно, мне потом сказали — те парни, — что я должна была заказать что-нибудь мексиканское, вроде текилы, потому что мы были в мексиканском баре, понимаешь, в Ла-Пасе. В следующий раз непременно. У меня тут, — она постучала по голове, — все записано, на подкорке… Ты знаешь, что я когда-нибудь сделаю, Боб? Переберусь на север, в Орегон, и буду жить в снегах. Каждое утро буду чистить дорожку. Маленький домик и сад, где я посажу овощи.

— Для этого надо копить. Откладывать деньги.

Донна бросила на него смущенный взгляд.

— Это все мне даст он, — робко произнесла она.

— Кто?

— Ты понимаешь. — Ее голос был тихим, мягким. Она раскрывала душу и делилась самым сокровенным со своим другом, Бобом Арктором, которому можно доверять. — Тот, кого я жду. Я знаю, каким он будет. Он приедет на «Астон-Мартине» и увезет меня на север. Там, в снегах, стоит простой маленький домик. — Она замолчала. —

Снег… это ведь считается здорово, правда?

— А ты не знаешь?

— Я никогда не видела снега, кроме одного раза в Сан-Берду, в горах. И то слякоть какая-то, я чертовски больно шлепнулась. Не хочу такого снега. Я хочу *настоящего.*

Бобу Арктору стало тяжело и тоскливо.

— Ты уверена, что так будет?

— Конечно! Мне нагадали.

Они шли в молчании. Донна погрузилась в мечты и планы, а Арктор… Арктор вспоминал Барриса, и Лакмена, и Хэнка, и конспиративную квартиру. И Фреда…

— Послушай, — внезапно сказал он. — Можно мне с тобой? Ну, когда ты соберешься в Орегон?

Она улыбнулась — грустно и с безмерной нежностью, подразумевая «нет».

И, зная ее, Арктор понял, что все решено. И ничего не изменить… Он поежился.

— Тебе холодно? — спросила Донна.

— Да, — ответил он. — Очень холодно.

— У меня в машине хорошая печка.

Она взяла его руку, сжала… и выпустила.

Но прикосновение осталось, запечатленное в его сердце. На все долгие годы жизни, которые ждали его впереди, на все долгие одинокие

годы, когда он не знал, счастлива ли Донна, здорова ли, жива ли… Все эти годы он ощущал это прикосновение, навеки оставшееся с ним. Одно прикосновение ее руки.

* * *

В ту ночь Арктор привел к себе домой симпатичную маленькую наркоманку по имени Конни, которая согласилась пойти с ним за десять доз «смеси».

Конни пришла к нему впервые — они познакомились на вечеринке несколько недель назад и едва знали друг друга. Она сидела на игле и, естественно, была фригидна, но это не имело значения. К сексу она относилась безразлично, сама ничего не испытывая; с другой стороны, ей было наплевать, чем именно заниматься.

Опустившись на край постели, Конни сбросила туфли, причесала свои жидкие прямые волосы и безжизненно глядела прямо перед собой — полуголая, тощая, с заколкой во рту. Ее удлиненное костлявое лицо выражало, казалось, силу и целеустремленность — видимо, потому, что под сухой кожей отчетливо выступали кости. На правой щеке горел прыщ. Она не обращала на него внимания, разумеется: прыщ, как и секс, не имел для

нее никакого значения.

— У тебя есть лишняя зубная щетка? — спросила Конни, то и дело механически кивая, что-то бормоча себе под нос, как и все, кто сидит на игле. — А, ладно, зубы и зубы… — Голос ее стал чуть слышен, и лишь по движению губ можно было понять, что она продолжает говорить.

— Показать тебе ванную? — спросил Арктор.

— Какую ванную?

— Здесь, в доме.

Она поднялась, машинально продолжая расчесывать волосы.

— Что за люди у тебя так поздно? Смолят травку и болтают без умолку… Живут с тобой? Ну да, точно.

— Двое из них живут.

Остекленелые глаза Конни повернулись к Арктору.

— Ты гомик?

— Стараюсь им не стать. Потому тебя и позвал.

— И как, получается?

— Проверь.

Она кивнула.

— Если ты скрытый гомик, то, наверное, лучше мне все сделать самой. Ложись. Хочешь, я тебя раздену? Лежи, лежи, я справлюсь… — Она нача-

ла расстегивать ему брюки.

* * *

Арктор очнулся. Рядом, едва различимая в темноте, храпела Конни. Все торчки спят, как граф Дракула, подумал он: лежа на спине и глядя прямо вверх, словно готовые в любой момент резко сесть. Как автомат, робот, рывком переходящий из положения А в положение Б. «Пора — вставать — уже — день», — говорят они, вернее, динамик в их голове. Потом звучат дальнейшие инструкции. Как музыка в радиобудильнике — приятная, но предназначенная лишь для того, чтобы заставить тебя что-то сделать. Музыка по радио будит, музыка в голове торчка звучит, чтобы заставить тебя достать ему зелье. Он сам как машина — и стремится превратить тебя в свою собственную машину. Каждый торчок — как запись на ленте.

Арктор снова задремал, размышляя о том, что в конце концов торчку, если это цыпочка, остается только продавать свое тело. Вот как Конни.

Он открыл глаза, повернулся к лежащей рядом девушке и увидел… Донну Хоторн.

Он резко сел. Донна! Отчетливо видно лицо. Точно, боже мой!

Арктор потянулся к выключателю и нечаянно

свалил лампу… Девушка не проснулась. Он бессильно смотрел на ее лицо, смотрел, смотрел… и вдруг оно стало медленно меняться, вновь превращаясь в изможденное, скуластое лицо Конни. Конни, а не Донна. Другая, не она…

Он тяжело упал на кровать и забылся тревожным сном, то и дело просыпаясь, гадая, что все это может значить, и снова проваливаясь во мрак.

— Мне плевать, что от него несет, — сонно пробормотала девушка. — Я все равно его любила.

Интересно, кого она имеет в виду? Парня? Отца? Кота? Незабываемую детскую игрушку?.. Она сказала «все равно любила», а не «все равно люблю». Очевидно, кто бы это ни был, его сейчас нет. Может быть, подумал Арктор, они, кто бы «они» ни были, заставили ее отказаться от него, выбросить. Потому что от него несло так сильно…

Может быть. Сколько ей лет — этой хранящей о ком-то память наркоманке, которая лежала рядом?

Глава 10

Фред в костюме-болтунье наблюдал за голографическим изображением Джима Барриса. Баррис сидел в гостиной дома Боба Арктора и внимательно читал книгу о грибах. Откуда такой интерес к грибам? — подумал Фред и перемотал ленту на час вперед. Баррис все так же сосредоточенно читал, делая какие-то пометки.

Наконец Баррис отложил книгу и вышел из дома, оказавшись вне зоны просмотра. Вернулся он с коричневым бумажным пакетом и стал по одному выбирать оттуда сушеные грибы и сравнивать с цветными фотографиями в книге. Один невзрачный гриб он положил в сторону и растолок, а остальные всыпал в пакет; из кармана достал пригоршню капсул и методично стал набивать их растолченным грибом.

После этого Баррис начал звонить. Подслушивающее телефонное устройство автоматически фиксировало номера.

— Привет, это Джим.

— Ну?

— Ты не представляешь, что я достал.

— Ну?

— Psilocybe mexicana.

— Что за фигня?

— Редкий галлюциногенный гриб. Тысячу лет назад в Южной Америке его использовали в мистических обрядах. Начинаешь летать, становишься невидим, понимаешь язык зверей…

— Не надо.

Отбой. Другой номер.

— Привет, это Джим.

— Джим? Какой Джим?

— Бородатый… в зеленых очках и кожаных штанах. Мы встречались у Ванды.

— А, понял. Джим.

— Интересуют психоделики органического происхождения?

— Гмм, не знаю… — С сомнением: — Это точно Джим? Что-то не похоже.

— Есть шикарная вещь. Редчайший органический гриб из Южной Америки, использовавшийся в индейских мистических культах тысячу лет назад. Летаешь, становишься невидим, твоя машина исчезает, понимаешь язык зверей…

— Моя машина исчезает все время. Когда я не ставлю ее на стоянку. Ха-ха.

— Могу достать раз на шесть.

— Почем?

— По пять долларов.

— Обалдеть! Ты не шутишь? Надо встретиться. — Затем подозрительно: — Кажется, я тебя помню — ты меня однажды наколол. Откуда у тебя эти грибы?

— Их провезли в глиняном идоле. В партии произведений искусства для музея, тщательно охраняемой. Копы на таможне ничего не просекли. Если ты не словишь кайф, я верну деньги, — добавил Баррис.

— А если я выжгу себе мозги?

— Два дня назад я сам закинулся, — сказал Баррис. — Для пробы. Приход сказочный — богатейшая цветовая гамма… Куда лучше мескалина. Фирма гарантирует. Я берегу своих клиентов — всегда сначала пробую сам.

Через плечо Фреда заглянул другой костюм-болтунья.

— Что он толкает? Мескалин?

— Грибы, — ответил Фред. — Нашел их где-то в окрестностях.

— Некоторые грибы чрезвычайно ядовиты, — заметил костюм-болтунья.

Из соседней кабинки вышел третий костюм-болтунья.

— Грибы из рода *Amanita* содержат токсины, которые расщепляют красные кровяные тельца. Смерть наступает через две недели, в страшных мучениях; противоядия не существует. Чтобы собирать грибы, надо отлично в них разбираться.

— Знаю. — Фред отметил этот участок записи для отчета.

Баррис набрал еще один номер.

— По какой статье его можно обвинить? — спросил Фред.

— Искажение фактов в рекламе.

Костюмы-болтуньи засмеялись и разошлись по кабинкам. Фред продолжал наблюдать.

Монитор номер четыре показал, как в дом входит Боб Арктор. Вид у него был подавленный.

— Привет.

— Здорово, — отозвался Баррис, засовывая капсулы поглубже в карман. — Ну как вы там с Донной? — Он захихикал. — По-всякому уже пробовали?

— Отвяжись, — буркнул Арктор и исчез с монитора номер четыре, чтобы тут же появиться на пятом мониторе, в спальне. Захлопнул ногой дверь и достал из кармана несколько мешочков с белыми таблетками. На секунду застыл в нерешительности, затем сунул их под матрас и

снял плащ.

Некоторое время Арктор сидел на краю неприбранной кровати, мрачно глядя в пол. Лицо его было усталым и осунувшимся. Наконец он встряхнулся, встал, постоял немного, пригладил волосы и вышел из комнаты. Тем временем Баррис спрятал пакет с грибами под кровать и убрал книгу подальше на полку. Оба встретились в гостиной и на мониторе номер два.

— Чем занимаешься? — спросил Арктор.

— Исследованиями.

— Какого рода?

— Тесными микологическими исследованиями деликатного рода, — усмехаясь, ответил Баррис. — Что, не ладится у тебя с девочкой?

Арктор молча смерил его взглядом и прошел на кухню включить кофейник. Баррис ленивым шагом последовал за ним.

— Извини, Боб, я не хотел тебя обидеть.

Арктор ждал, пока вода закипит, мрачно барабаня пальцами по столу.

— Где Лакмен?

— Должно быть, собрался очистить таксофон. По крайней мере, взял инструменты.

— Инструменты… — повторил Арктор.

— Послушай, — сказал Баррис, — я могу оказать

профессиональную помощь в твоих усилиях добиться…

Фред перемотал ленту часа на два вперед, ориентируясь по счетчику.

— …либо ты платишь за жилье, черт побери, либо немедленно берешься за ремонт цефаскопа! — горячо заявил Арктор Баррису.

— Я уже заказал резисторы, которые…

Фред снова перемотал ленту. Еще два часа.

Теперь монитор номер пять показывал Арктора в спальне. Арктор валялся на кровати, слушал музыку по радио. Монитор номер два показывал гостиную — Баррис читал о грибах. Так продолжалось довольно долго. Раз Арктор потянулся к приемнику и увеличил громкость — видимо, понравилась песня. Баррис все читал и читал, застыв в одной позе. Арктор, не шевелясь, смотрел в потолок.

Зазвонил телефон, и Баррис снял трубку.

— Да?

— Мистер Арктор? — раздался мужской голос из динамика рядом с Фредом.

— Да, слушаю, — ответил Баррис.

Будь я проклят!.. Фред поспешно увеличил громкость и весь обратился в слух.

— Мистер Арктор, — деловито проговорил

незнакомец, — простите, что беспокою вас так поздно, но вы выписали мне чек с закрытого счета…

— Ах да! Я сам собирался вам позвонить, — перебил Баррис. — Дело вот в чем. У меня тяжелейший приступ кишечного гриппа с резко выраженными гипотермией, желудочными спазмами и судорогами. Я сейчас совершенно не в силах выписать новый чек. Честно говоря, я и не намерен это делать.

— Что? — грозно произнес невидимый голос.

— Да, сэр, — кивнул Баррис. — Вы не ослышались, сэр.

— Мистер Арктор, — сказал мужчина, — банк уже дважды возвращал ваш чек. А симптомы, которые вы описываете…

— Я думаю, что мне подсунули какую-то гадость, — промолвил Баррис. На его лице застыла улыбка.

— А я думаю, что вы один из… из… — Мужчина запнулся, подыскивая слово.

— Думайте что хотите, — любезно разрешил Баррис, продолжая ухмыляться.

— Мистер Арктор! — Собеседник Барриса тяжело задышал в трубку. — Я намерен пойти с этим чеком в полицию, и должен вам сказать,

что вы…

— Не надо волноваться, это вредно. Пока! — Баррис повесил трубку.

Подслушивающее устройство автоматически зафиксировало, откуда звонил неизвестный. Фред прочитал номер на электронном табло, затем остановил запись и сделал запрос по телефону.

— Ингельсон, слесарь. Анахайм, Харбор, тысяча триста сорок три, — выдал информацию дежурный.

— Слесарь… — пробормотал Фред, списав данные в блокнот. Слесарь… Двадцать долларов — не пустяк. Очевидно, работа на выезде — например, подобрать ключ к замку.

Версия: Баррис позвонил Ингельсону, представился Арктором и попросил подобрать ключ — в связи с «утерей» — к дому или к машине. А может, и к дому, и к машине. За работу он выписал чек, взяв незаполненный бланк из чековой книжки Арктора. Но почему банк отказался платить? У Арктора кое-что имелось. Однако если бы банк оплатил чек, то рано или поздно Арктору попался бы на глаза корешок, и он сразу бы понял, что чек выписал Джим Баррис. Поэтому Баррис предусмотрительно нашел в хламе старую чековую книжку на давным-давно закрытый счет. Теперь

Баррис по уши в дерьме.

С другой стороны, почему он не заплатил наличными? Разозленный кредитор непременно обратится в полицию, и Арктор все узнает. Тогда Баррису вовек не отмыться. Своим разговором он только еще больше разъярил кредитора. Баррис его будто нарочно дразнил… Более того, симптомы «гриппа» как две капли воды повторяли симптомы героинового отходняка — даже младенцу ясно. Баррис дал понять, что он отъявленный наркоман и ему все по нулям. Притворившись Бобом Арктором.

Таким образом, слесарь знает, что один торчок впарил ему тухлый чек и не собирается пальцем шевельнуть, чтобы исправить дело. Совершенно ошизевший наркоман, которому на все наплевать. А это уже оскорбление Америке. Гнусное и умышленное.

Собственно говоря, Баррис открыто бросил вызов государственной системе и всем добропорядочным. Причем в Калифорнии, где полно берчистов и минитменов, бряцающих оружием и ждущих именно таких номеров от длинноволосых бородатых подонков.

Баррис спровоцировал их на действия, подставив ничего не подозревающего Арктора. Теперь

его попросту закидают бомбами. И уж как минимум арестуют за фальшивый чек.

Фред поставил метку на последний участок записи и занес в блокнот все данные, включая адрес и телефон слесаря. Какого черта? Почему Баррис мстит, да еще так подло и гнусно? Что такого страшного мог сделать ему Арктор? Отчего такая лютая злоба?

Баррис… Вот ведь подонок! Он опасен, смертельно опасен.

Из сосредоточенного раздумья Фреда вывел подошедший костюм-болтунья.

— Ты знаешь кого-нибудь из этих парней? — Он показал на выключенные мониторы.

— Да.

— Надо бы их как-то предупредить. Этот клоун-толкач в зеленых очках всех перетравит. Можешь им шепнуть пару слов, не выдавая себя?

— На отравление грибами часто указывает острый приступ тошноты, — добавил другой костюм-болтунья, повернувшись в кресле.

— Вроде стрихнина? — Фред похолодел, внезапно вспомнив день посещения Кимберли Хокинс, «день собачьего дерьма», когда его затошнило в машине. — Я скажу Арктору. Он тупой, сам ни о чем не догадается.

— Он к тому же еще и урод, — добавил костюм-болтунья. — Это ведь тот сутулый и мрачный, который в дверь вошел?

— Ага. — Фред снова повернулся к мониторам. Господи, те таблетки, что Баррис дал нам тогда на шоссе… Мысли в голове завертелись как бешеные, мозг раскалывался пополам, сознание помутилось…

Немного легче стало лишь в ванной, когда он налил себе кружку воды. Здесь можно было спокойно поразмышлять.

На самом деле Арктор — это я. Я и есть тот человек на мониторах, тот самый подозреваемый, которого подставлял Баррис, говоря по телефону со слесарем, — и при этом я гадаю, что такого страшного сделал он Баррису? Что творится с моими мозгами?! Именно Фред, без костюма-болтуньи, появляется на мониторе, и именно он чуть не сыграл в ящик от порошка из ядовитых грибов. Еще немного — и он не сидел бы здесь, просматривая записи.

Однако теперь у Фреда есть шанс. Хотя и небольшой…

Проклятая сумасшедшая работа, подумал он. Но если я откажусь, поставят кого-то другого, и все будет только хуже. Его, Арктора, подставят.

Упрячут за решетку и получат награду. Например, подбросят наркотики и обвинят в хранении. Если кому-то все равно предстоит следить за этим домом, то уж лучше пусть следить буду я, несмотря ни на что. Хотя бы смогу нейтрализовать шизанутого подонка Барриса — уже что-то.

А если кто-нибудь другой будет следить за проделками Барриса и увидит то, что вижу я, то наверняка решит, что Арктор — самый крупный наркоделец в западных штатах, и предложит — о боже! — убрать его. Тайно ликвидировать. Призовут специальных агентов, суперкиллеров со снайперскими винтовками, инфракрасными прицелами и прочими наворотами. Тех, которые даже денег не берут, как я из автомата в мексиканском баре. Черт побери, да ведь эти зверюги способны запросто взять и сбить самолет и представить все так, как будто виновата птица, попавшая в двигатель. У них спецпатроны, которые оставляют следы перьев…

Какой ужас, подумал он. Арктор-подозреваемый не должен превратиться в Арктора-мишень. Нет, я буду и дальше следить за ним — пусть Фред занимается своей работой. Можно ведь редактировать записи, и как-то выгораживать Арктора, и тянуть время, и… Решено!

Он отставил кружку с водой и вышел из ванной.

— Проблемы? — спросил костюм-болтунья.

— Так, маленькая неприятность на жизненном пути. — Фред вспомнил недавний случай с прокурором округа, умершим в расцвете лет от сердечного приступа, вызванного узконаправленным ультразвуковым лучом. Прокурор как раз собирался возобновить расследование громкого политического убийства в Калифорнии. — Который чуть-чуть не прервался, — добавил он.

— Чуть-чуть не считается, — махнул рукой костюм-болтунья.

— Да, конечно…

— Садись работай, — посоветовал другой, — а то в два счета окажешься на пособии.

— Интересно, что я напишу в резюме, — начал Фред. — Квалифицированный…

Но костюмы не оценили его юмора — они уже отвернулись и возобновили просмотр. Он тоже уселся, закурил и снова пустил голографическую запись.

Что я должен сделать, решил он, это вернуться сейчас домой, прямо сейчас, немедленно, пока не забыл, без колебаний подойти к Баррису и застрелить его.

По долгу службы.

Скажу ему: «Послушай, я на нуле, дай чинарик. За мной не пропадет» А когда он даст, я его арестую, брошу в машину, выеду на автостраду и выкину перед несущимся грузовиком. Можно заявить, что он пытался бежать. Такое случается сплошь и рядом.

Потому что если я этого не сделаю, то не смогу даже есть или пить в своем доме, и Лакмен, Донна и Фрек тоже, — мы все окочуримся от ядовитых грибов, а Баррис потом будет объяснять, как мы собирали в лесу все подряд и как он нас отговаривал, но мы не слушали, потому что не учились в колледже…

Даже если суд признает Барриса полностью выгоревшим и упрячет его пожизненно, все равно кто-то уже будет мертв. Например, Донна… Забредет сюда, накурившись своего хаша и вспомнив про меня и весенние цветы, а Баррис угостит ее какой-нибудь смесью собственного изготовления, и через пару дней она будет биться в судорогах на больничной койке… Что толку тогда от суда?

Если это случится, подумал он, я брошу эту сволочь в ванну и буду варить его в «Драно», в кипящем «Драно», пока не останутся только

голые кости, а потом отошлю эти кости по почте его матери или детям, кто там у него есть, или просто выкину на корм собакам. Но Донне это уже не поможет…

«Извините, — обратился он мысленно к костюмам-болтуньям, — не посоветуете, где мне взять банку «Драно» литров этак на пятьдесят?»

Ну все, хватит сходить с ума!.. Фред обратился к записи, не желая новых комментариев со стороны костюмов-соседей.

На мониторе номер два Баррис читал нотации мертвецки пьяному Лакмену, который только что ввалился в дом и мучительно искал вход в свою комнату. Ему явно было совсем скверно и не терпелось добраться до кровати.

— Число хронических алкоголиков в США, — вещал Баррис, — превышает число наркоманов. Ущерб, наносимый алкоголем мозгу и печени…

Лакмен исчез, так и не заметив, судя по всему, присутствия Барриса. Желаю ему удачи, подумал Фред. Хотя на одной удаче далеко не уедешь. Пока этот мерзавец может действовать…

Впрочем, Фред тоже может действовать. Но Фред видит все с опозданием. Что остается? Разве только отмотать ленту назад. Тогда я успею раньше… раньше Барриса. И сделаю то, что хочу,

раньше, чем он. Если он вообще сможет что-нибудь после меня сделать.

И тут ожила вторая половина его мозга.

— Надо успокоить слесаря, — благожелательно посоветовала она. — Завтра первым делом отправляйся к нему, заплати двадцать долларов и забери чек. Займись этим с самого утра, прежде всего. Понятно?

Да, начать надо с этого. А потом уже браться за более серьезные вещи, подумал Фред.

Он перемотал ленту вперед — судя по счетчику, до глубокой ночи, когда все наверняка спят. Подходящий предлог, чтобы на сегодня покончить с работой.

Свет в доме не горел, камеры работали в инфракрасном диапазоне. Вот спальня Арктора: Арктор рядом с девушкой, оба спят.

Так, посмотрим. Конни… забыл фамилию. На нее есть досье. Наркоманка, сидит на игле плюс толкает и выходит на панель. Конченый человек.

— По крайней мере тебе не придется смотреть, как объект занимается сексом, — заметил костюм-болтунья, проходя сзади и заглядывая Фреду через плечо.

— И на том спасибо. — Фред исправно наблюдал

за двумя неподвижными фигурами в постели, хотя мысли его были заняты слесарем и планами на завтра. — Терпеть не могу…

— Это приятно делать самому, — согласился костюм. — Смотреть со стороны — не очень.

Арктор спит, подумал Фред. Со своей подружкой. Похоже, это все: разве что они еще покувыркаются, когда проснутся.

Боб Арктор все спал и спал. Фреду казалось, что прошло несколько часов. И вдруг он обратил внимание на то, чего сперва не заметил: *в постели лежит Донна Хоторн!* Так это она спит с Арктором?!

Фред отмотал ленту назад, снова запустил проектор: Арктор с цыпочкой, но никак не с Донной! Он был прав: Арктор и Конни, сопят бок о бок.

И тут, прямо на его глазах, резкие черты лица Конни растаяли, растеклись, словно воск, и застыли в лик Донны Хоторн.

Он вырубил проектор и ошеломленно застыл. Не понимаю, думал Фред. Как будто… кинотрюк! Черт, что же это? Неужели кто-то отредактировал запись, использовав спецэффекты? Он снова отмотал ленту назад, остановил на подходящем кадре и дал увеличение, объединив все восемь мониторов в один большой. Безмятежно спящий

Боб Арктор и рядом неподвижная девушка. Фред встал, вошел в область голограммы, прямо в трехмерную проекцию, наклонился над постелью и пристально изучил лицо девушки.

Так… ни то и ни другое: наполовину еще Конни, а наполовину — уже Донна. Надо передать ленту в лабораторию, специалистам. Мне подсунули фальшивую запись. Кто? Зачем?

Фред вышел из голограммы, сел и задумался.

Кто-то вставил в пленку Донну. Наложил ее изображение на изображение Конни. Подделал доказательство, что Арктор спит с Донной Хоторн. Технически это осуществимо, так же как с видео— и аудиозаписями.

А может, просто техническая неполадка? Часть записи с одного слоя ленты пропечаталась на другой слой? Если пленку с высоким уровнем записи хранить очень долго, такое случается. Изображение Донны могло перейти сюда с предыдущей или последующей сцены, снятой, к примеру, в гостиной.

Жаль, что я мало разбираюсь в технике, подумал он. Пожалуй, стоит поинтересоваться, прежде чем поднимать шум. Бывает же, что радиопередачи на близких частотах накладываются друг на друга. «Перекрестные разговоры»…

Или паразитное изображение на телеэкране. Случайная неисправность.

Фред запустил проектор. Конни, все еще Конни.

Вдруг черты лица девушки снова стали странно растекаться. Опять Донна… Донна… И тут сопящий рядом с ней человек, Боб Арктор, вздрогнул, резко сел, потянулся к лампе и уронил ее на пол. И так и замер, глядя на спящую девушку, спящую Донну…

Когда вновь проступило лицо Конни, Арктор тяжело вздохнул, расслабился и наконец заснул. На этот раз он спал неспокойно, тревожно ворочаясь.

Значит, саботаж и неисправности исключены. Никаких наложений, никаких «перекрестных разговоров». *Арктор это тоже видел.*

Господи, подумал Фред и выключил аппаратуру.

— С меня достаточно, — произнес он хриплым голосом. — Я сыт по горло.

— Что, насмотрелся порнухи? — спросил костюм-болтунья. — Ничего, привыкнешь.

— Я никогда не привыкну к этой работе, — сказал Фред. — Никогда.

Глава 11

На следующее утро, воспользовавшись такси — теперь не только цефаскоп, но и машина нуждалась в ремонте, — он оказался на пороге мастерской Ингельсона. На сердце лежала тяжесть, в кармане — сорок долларов.

Мастерская помещалась в допотопном, но еще крепком деревянном здании, над которым висела современная вывеска. В окнах были выставлены всевозможные образцы: почтовые ящики с причудливыми металлическими украшениями, дверные ручки в виде человеческих голов, массивные декоративные ключи.

Внутри царил полумрак. Как в берлоге наркомана, усмехнулся про себя Арктор.

У стойки, над которой возвышались два станка для изготовления ключей и висели тысячи металлических заготовок, его приветствовала полная пожилая женщина:

— Доброе утро, сэр.

— Я пришел, чтобы…

Ihr Instrumente freilich spottet mein,
Mit Rad und Kämmen, Walz' und Bügel:

Ich stand am Tor, ihr solltet Schlüssel sein;
Zwar euer Bart ist kraus, doch hebt ihr nicht die Riegel.[4]

...заплатить по своему чеку, который вернул банк, — начал Арктор. — По-моему, чек был на двадцать долларов.

— Одну минуту... — Женщина достала железный ящик для документов и стала рыться в поисках ключа. Затем, обнаружив, что ящик не заперт, открыла его и сразу же нашла чек с пришпиленной записочкой.

— Мистер Арктор?

— Да, — подтвердил он, держа наготове деньги.

— Правильно, двадцать долларов. — Она отделила записку и стала усердно вносить туда запись о том, что чек выкуплен.

— Мне очень жаль, — сказал Арктор. — По ошибке я выписал чек не на текущий, а на за-

---

[4] Примечания: 4

Насмешливо глядит приборов целый строй,
Винты и рычаги, машины и колеса.
Пред дверью я стоял, за ключ надежный свой
Считал вас... Ключ хитер, но все же двери той
Не отопрет замка, не разрешит вопроса!

Гёте, «Фауст». Перевод Н. Холодковского.

крытый счет.

— Ммм, — улыбнулась женщина, продолжая писать.

— Кроме того, я был бы весьма признателен, если бы вы сообщили своему мужу, который звонил мне вчера…

— Вообще-то это мой брат Карл. — Женщина бросила взгляд через плечо. — Если он говорил с вами… — Она снова улыбнулась, теперь смущенно. — Он иногда слишком переживает из-за этих чеков… Я прошу его простить, если он был чересчур… ну, вы понимаете.

— Передайте ему, — продолжил Арктор заранее приготовленную речь, — что во время его звонка я сам был не в своей тарелке и за это также прошу прощения.

— Я припоминаю, он что-то говорил, да.

Она протянула чек. Арктор вручил ей двадцать долларов.

— Какая-нибудь дополнительная плата?

— Что вы!

— Я был не в своей тарелке, — повторил он, взглянув на чек, прежде чем положить его в карман, — потому что как раз перед этим неожиданно скончался мой друг.

— О боже! — воскликнула женщина.

— Задохнулся, — помедлив, добавил Арктор, — подавившись куском мяса. Он был один в комнате, и никто ничего не видел.

— А знаете, мистер Арктор, от этого гибнет гораздо больше людей, чем можно подумать. Я где-то читала, что если во время обеда с другом он или она долгое время молчит, то надо непременно выяснить, в состоянии ли ваш друг говорить. Потому что друг может задыхаться, а со стороны незаметно.

— Да, — сказал Арктор. — Спасибо. Это верно. И спасибо за чек.

— Примите мои соболезнования.

— Спасибо. Один из лучших моих друзей.

— Так ужасно! — посетовала женщина. — Сколько лет было вашему другу, мистер Арктор?

— Чуть за тридцать... — Лакмену было тридцать два.

— Кошмар! Я скажу брату. Спасибо, что пришли.

— Вам спасибо. И поблагодарите, пожалуйста, за меня мистера Ингельсона. Огромное спасибо вам обоим.

Арктор открыл дверь и вышел, щурясь от яркого солнца и вдыхая отравленный городской воздух. Он сел в такси и отправился домой,

чрезвычайно довольный тем, что выбрался из ловушки Барриса практически без осложнений. Все могло закончиться гораздо хуже, отметил он про себя. Чек удалось перехватить и вдобавок не пришлось столкнуться с самим братцем.

Арктор достал чек, чтобы посмотреть, насколько точно Баррису удалось подделать его подпись. Да, этот счет давно закрыт. Он сразу распознал цвет корешка — счет закрыт давным-давно. Банк поставил штамп «СЧЕТ ЗАКРЫТ». Неудивительно, что Ингельсон полез на стену.

А потом, вглядевшись, Арктор понял, что почерк *его собственный.*

Ничего общего с рукой Барриса. Идеальная подделка. Он никогда бы ничего не заподозрил, если бы не помнил точно, что не выписывал такого чека.

Боже мой, подумал Арктор, сколько же моих подписей сварганил Баррис? Он, должно быть, обобрал меня до нитки! Баррис просто гений. Хотя, конечно, текст мог быть переведен с другого документа каким-нибудь механическим способом. С другой стороны, я никогда не выписывал чека на имя Ингельсона, так что с чего ему было делать копию? Надо отдать чек графологам из Отдела — пусть определят, какой тут применен

способ. Может быть, дело просто в хорошо тренированной руке… Что же касается всей этой истории с грибами, то я могу просто подойти к Баррису и сказать: до меня, мол, дошли слухи, что он пытается толкать грибную дурь, и кое-кто, понятное дело, беспокоится, так что пора завязывать.

Но не следует забывать, что это — всего-навсего случайные эпизоды, лишь слегка проливающие свет на замыслы Барриса. Слабый намек на то, с чем мне предстоит столкнуться. Бог знает, что он еще успел натворить, имея столько времени, чтобы ошиваться рядом, читать справочники и строить дьявольские планы!.. Кстати, а не проверить ли телефон? У Барриса целый ящик всевозможных электронных штучек, которые позволяют прослушивать разговоры. Так что, скорее всего, «жучок» в телефоне стоит, причем уже давно.

Плюс к тому, казенному, что установлен на днях.

Трясясь в такси, Арктор опять достал чек и стал его рассматривать. Вдруг ему пришла в голову новая мысль: а что, если все-таки я сам выписал этот чек? Что, если его выписал Арктор? Думаю, так оно и было. Наверное, распроклятый чудик

Арктор сам выписал чек. Причем в спешке — буквы прыгали, значит, он куда-то торопился. В спешке схватил старую чековую книжку, а потом забыл, забыл напрочь.

Взять хотя бы…

> *Was grinsest du mir, hohler Schädel, her?*
>
> *Als dass dein Hirn, wie meines, einst verwirret*
>
> *Den leichten Tag gesucht und in der Dämmrung schwer,*
>
> *Mit Lust nach Wahrheit, jämmerlich geirret.*[5]

…то сборище наркоманов в Санта-Ане, где он встретил симпатичную блондиночку — с кривыми зубами и толстым задом, но такую веселую и приветливую. Он тогда никак не мог завести свою машину и вдобавок был почти в отключке: они закидывались, ширялись и нюхали всю ночь, до самого рассвета. Было много препарата

---

[5] Примечания: 5

> *Ты, череп, что в углу смеешься надо мной,*
> *Зубами белыми сверкая.*
> *Когда-то, может быть, как я, владелец твой*
> *Блуждал во тьме, рассвета ожидая!*
>
> ***Гёте, «Фауст». Перевод П. Холодковского.***

«С», очень много, и самого лучшего, суперкласса. Суперсуперкласса, как раз для него…

— Остановите возле заправки, — сказал Арктор, наклонившись к водителю. Расплатился, вошел в телефонную кабинку и набрал номер слесаря.

В трубке прозвучал знакомый голос:

— Мастерская Ингельсона, добрый…

— Извините за беспокойство, это опять я, Арктор. Какой адрес указан у вас в заказе, за который был выписан тот чек?

— Сейчас посмотрю, одну минуту, мистер Арктор… — Послышался стук — женщина положила трубку на стол.

— Кто там? Этот Арктор? — донесся приглушенный мужской голос.

— Да, Карл, но, пожалуйста, не вмешивайся. Он только что приходил сам…

— Дай мне с ним поговорить!

Последовала долгая пауза. Затем женщина снова подняла трубку.

— Я нашла адрес, мистер Арктор… — Она начала диктовать.

Это был его домашний адрес.

— Вашего брата вызывали туда? Чтобы сделать ключ?

— Одну минуту… Карл! Ты помнишь, куда ездил

на машине делать ключ для мистера Арктора?

— В Кателлу, — донесся голос Карла.

— Куда-то в Кателлу, мистер Арктор. В Анахайме. Нет, погодите… Карл говорит, что это было в Санта-Ане. А что…

— Спасибо. — Арктор повесил трубку.

Итак, все-таки Санта-Ана. Та чертова вечеринка. Отличный был улов — не менее тридцати новых имен и столько же номеров машин. Такое нечасто случается. Пришла большая партия наркотиков из Мексики; покупатели делили товар и, само собой, пробовали. Теперь, наверное, половина из них уже арестована… Да, ночка незабываемая, только вот детали припомнить трудно.

Но это никак не извиняет Барриса. Надо же, посмел выдавать себя за Арктора и так вызывающе себя вел! Разве что непреднамеренно… Черт побери! А если он тогда прибалдел и просто хотел приколоться? Чек выписал Арктор, а Баррис лишь случайно оказался у телефона? Ну и «подыгрывал», потому что его помутившимся мозгам это казалось отменной шуткой. Обычная безответственность, ничего больше.

Да если уж на то пошло, думал он, набирая номер вызова такси, и Арктор вел себя не слиш-

ком-то ответственно, выписывая такой чек. Сколько там прошло времени?.. Он снова вытащил чек и взглянул на дату. Силы небесные, полтора месяца! Ему ли говорить об ответственности! Да за это вполне можно угодить за решетку — слава богу, что Карл не успел пойти в полицию. Наверное, сестрица удержала.

Арктор и сам хорош: кое-какие его делишки лишь сейчас начинают всплывать. Дело не только и не столько в Баррисе. Еще, кстати, надо понять, почему Баррис так дико ненавидит Арктора: не будет человек ни с того ни с сего долго злобствовать. Ведь Баррис не старается подсидеть Лакмена, или, скажем, Чарлза Фрека, или Донну Хоторн. Он больше кого-либо другого помогал отправить Джерри Фабина на лечение, да и к животным в доме относится хорошо. Был момент, когда Арктор хотел избавиться от одной из собак — как там ее звали, Попо или что-то в этом роде, — ее невозможно было ничему научить, а Баррис проводил часы, фактически целые дни, играя с этой собакой и разговаривая с ней, так что наконец пес успокоился, начал что-то понимать и в результате остался жив. Если бы Баррис ненавидел всех вокруг, то вряд ли был бы способен так вот, по-доброму, поступать.

Служба такси ответила, и он дал адрес заправочной станции, где находился.

И если слесарь записал Арктора в отпетые наркоманы, мрачно размышлял он, ожидая прибытия машины, то в этом тоже виноват никак не Баррис. Должно быть, когда Карл подъехал на рассвете в своем грузовичке, чтобы подобрать ключ к машине Арктора, тот уже оттягивался по полной программе: лез на стену, ходил на голове и нес всякую ерунду. Так что слесарь, вытачивая ключ, наверняка все понял.

А может, Баррис и вовсе пытался загладить участившиеся промахи Арктора? Ведь Арктор даже машину свою не способен поддерживать в рабочем состоянии и выписывает фиктивные чеки — не нарочно, разумеется, а потому, что его чертовы мозги забиты дурью. А Баррис делает, что в его силах… Что ж, все может быть. Да только и у него в голове сплошной сумбур. У них у всех…

Dem Wurme gleich' ich, der den Staub durchwühlt,

Den, wie er sich im Staube nährend lebt,

Des Wandrers Tritt vernichtet und

begräbt.[6]

…все помутилось. Помутившиеся ведут помутившихся. Прямиком в тартарары.

Вполне вероятно, что Арктор сам перерезал провода и устроил замыкание в цефаскопе. Встал ночью и… Но с какой целью?

Сложный вопрос: зачем? Впрочем, что с них взять, с этих помутившихся? Они могут руководствоваться целым множеством лихо закрученных — как провода — побуждений. За время работы в полиции ему всякое доводилось видеть. Так что данная конкретная трагедия далеко не в новинку, всего лишь один из файлов в памяти компьютера, очередное дело. Стадия, непосредственно предшествующая федеральной клинике, как у Джерри Фабина.

Все эти ребята — как фигуры на шахматной доске. Стоят на разных полях, на разном расстоянии от цели. Каждому осталось свое число ходов; но рано или поздно они все достигнут последней черты — федеральной клиники. Это записано у них в нервных клетках. В тех, что еще остались.

---

[6] Примечания: 6

Во прахе я лежу, как жалкий червь, убитый
Пятою путника, и смятый и зарытый.

Гёте, «Фауст». Перевод П. Холодковского.

Что же касается Боба Арктора… Профессиональная интуиция подсказывала: дело вовсе не в Баррисе и его проделках. Не зря, видно, руководство решило сосредоточить внимание именно на Аркторе. У них наверняка есть на то свои причины, неизвестные простому агенту. Вероятно, факты подтверждают друг друга. Растущий интерес к Арктору со стороны Отдела — в конце концов, установка следящей системы обошлась в кругленькую сумму — вполне увязывается с необычным вниманием со стороны Барриса. Боб Арктор — объект номер один. Для всех. В то же время сам Фред пока не увидел в его поведении ничего особенного — такого, что могло бы вызвать подобный интерес. Пожалуй, стоит понаблюдать более пристально. И если камеры зафиксируют что-либо загадочное или подозрительное в поведении Арктора, то это будет решающим, независимым доказательством и полностью оправдает все расходы и потраченное время.

Любопытно, что же известно Баррису? Такое, что неизвестно нам. Может, его следует хорошенько потрясти? Надо собирать информацию независимо от Барриса, иначе мы просто будем дублировать его сведения, кем бы он ни был, кого

бы ни представлял.

Боже, что я несу! Не иначе как я спятил! Я же прекрасно знаю Боба Арктора — мировой парень! Ничего он не злоумышляет. Напротив, он тайно работает на полицию. Наверное, потому Баррис…

Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust,
Die eine will sich von dem andern trennen:
Die eine hält, in derber Liebeslust,
Sich an die Welt mit klammernden Organen;
Die andere hebt gewaltsam sich vom Dust
Zu den Gefilden hoher Ahnen.[7]

…на него и окрысился.

Но тогда не ясно, почему Арктором интересуется полиция — до такой степени, что устанавливает аппаратуру и отряжает на слежку постоянного агента. Концы с концами не сходятся. Нет, что-то непонятное происходит в этом запущенном и

---

[7] Примечания: 7

Ах, две души живут в больной груди моей,
Друг другу чуждые, — и жаждут разделенья!
Из них одной мила земля — и здесь ей любо, в этом мире,
Другой — небесные поля, где тени предков там, в эфире.

Гёте, «Фауст». Перевод П. Холодковского.

захламленном жилище с заросшим сорняками двором, кошками, бродящими по кухонному столу, и грудами мусора, который никогда не убирают.

Какое расточительство! Такой хороший дом — и пропадает зря. А ведь все могло бы быть иначе. Там могла бы жить настоящая семья, с детьми. Дом и рассчитан на это: три спальни… Безобразие, просто безобразие! Его давно пора конфисковать и использовать по назначению. Может, так они и сделают — дом просто требует этого. Ведь когда-то он знавал лучшие дни — давно, очень давно. И эти дни вернутся, лишь бы нашелся настоящий хозяин, который наведет здесь порядок.

Особенно во дворе, подумал он, когда такси свернуло на дорожку, усеянную брошенными газетами.

Расплатившись с водителем, Арктор вошел в дом. И тут же почувствовал на себе незримые глаза голокамер. Едва переступив собственный порог. Вокруг никого — он один в доме… Нет, не один! Сканеры — невидимые и вездесущие — смотрят на него и записывают. Записывают все, что он делает, все, что говорит.

Вспомнились каракули на стене общественного туалета: УЛЫБАЙТЕСЬ! ВАС СНИМАЮТ СКРЫТОЙ

КАМЕРОЙ! Именно так.

— Есть кто дома? — по обыкновению громко спросил он, представляя, как это записывается.

Всегда придется быть настороже — изображать, что даже не догадываешься… Словно актер перед камерой — вести себя так, будто никакой камеры нет и в помине. Иначе все завалишь.

Дубли исключены. Вместо них — уничтожение. Для него — не для тех, кто по ту сторону камер.

Чтобы избавиться от всего этого, подумал он, достаточно продать дом: все равно обветшал. Но… я люблю этот дом!

Это мой дом.

Никто не сможет меня отсюда выгнать.

Какими бы соображениями они ни руководствовались.

Если, конечно, эти «они» вообще существуют.

А ведь не исключено, что мне все мерещится. Паранойя… Что бы за мной ни наблюдало, это не человек — по крайней мере, с моей точки зрения.

Глупо звучит, но я боюсь. Со мной что-то делает не человек, а неодухотворенная вещь. Здесь, в моем собственном доме, у меня на глазах. И я сам все время нахожусь перед глазами этой твари, которые, в отличие от черных глаз Донны, никогда

не мигают. Что видит камера — проникает взглядом в голову? В сердце? Заурядная инфракрасная камера или голографический сканер, последняя новинка техники, как он видит меня — нас, — ясно или замутненно? Надеюсь, что ясно, потому что сам я не могу больше в себя заглянуть. Я вижу одну муть. Муть снаружи, муть внутри. Ради нас всех — пусть у камер получится лучше. Потому что если и для камер мутно, тогда мы все прокляты, трижды прокляты и так и сгинем в мути — зная смехотворно мало и не понимая даже этой смехотворной малости.

Из книжного шкафа в гостиной он вытащил первый попавшийся том — «Иллюстрированная книга половой любви». Открыл наугад — мужчина на фотографии блаженно присосался к правой грудке томно вздыхающей красавицы — и произнес нараспев, словно читая или цитируя слова древнего философа: «Каждый человек видит лишь крошечную долю полной истины и очень часто, практически…

Weh! steck ich in dem Kerker noch?
Verfluchtes dumpfes Mauerloch,
Wo selbst das liebe Himmelslicht
Trüb durch gemalte Scheiben bricht!

Beschränkt mit diesem Bucherhauf,
Den Würme nagen, Staub bedeckt,
Den bis ans hohe.[8]

...все время умышленно обманывает себя и в отношении этой крошечной доли. Часть человека оборачивается против него и поражает изнутри. Человек внутри человека, который совсем не человек».

Кивая головой, как будто соглашаясь с мудростью напечатанных слов, он закрыл толстую, в красном переплете с золотым тиснением «Иллюстрированную книгу половой любви» и поставил ее на место.

* * *

Чарлз Фрек, подавленный тем, что происходит

---

[8] Примечания: 8

Еще ль в тюрьме останусь я?
Нора проклятая моя!
Здесь солнца луч в цветном окне
Едва-едва заметен мне;
На полках книги по стенам
До сводов комнаты моей —
Они лежат и здесь, и там,
Добыча пыли и червей.

Гёте, «Фауст». Перевод П. Холодковского.

со всеми его знакомыми, решил покончить с собой. В кругах, где он вращался, покончить с собой проще простого: берешь большую дозу «красненьких» и, отключив для спокойствия телефон, глотаешь их на ночь с дешевым винцом.

Главное — запланировать, как обставить смерть, какие иметь при себе вещи. Чтобы археологи, которые найдут тебя позже, смогли определить, к какой социальной прослойке ты принадлежал. И чем в последний момент была занята твоя голова.

На отбор вещей Фрек потратил несколько дней — гораздо больше, чем понадобилось, чтобы прийти к решению покончить с собой. Примерно столько же времени ушло, чтобы собрать достаточно «красненьких». Его найдут лежащим в постели с книгой Айн Рэнд «Источник» (доказательство того, что он был непонятым гением, отверженным толпой и в некотором роде убитым ее пренебрежением) и с незаконченным письмом, протестующим против взвинчивания цен на газ. Таким образом, он обвинит систему и достигнет своей смертью чего-то еще, помимо того, чего достигает сама смерть. Говоря по правде, он не очень ясно представлял себе, чего достигает смерть, так же как и то, чего достигнут

выбранные им артефакты. Так или иначе, все определилось, и он стал готовиться — как зверь, нутром почуявший, что пришел его конец, и инстинктивно выполняющий программу, заложенную от природы.

В последний момент Чарлз Фрек решил запить «красненькие» не дешевым винцом, а изысканным дорогим напитком. Поэтому он сел в машину, отправился в магазин, специализирующийся на марочных винах, и купил бутылку «Мондави Каберне Совиньон» урожая 1971 года, которая обошлась ему в тридцать долларов — почти вся его наличность.

Дома он откупорил бутылку, насладился ароматом вина, выпил пару стаканчиков, несколько минут созерцал свою любимую фотографию в «Иллюстрированной энциклопедии секса» (позиция «партнерша сверху»), затем достал пакетик «красненьких» и улегся на кровать. Он хотел подумать о чем-нибудь возвышенном, но не смог — из головы не выходила партнерша. Тогда он решительно проглотил таблетки, запил стаканом «Каберне Совиньон», положил себе на грудь книгу, незаконченное письмо и стал ждать.

Увы, его накололи. Таблетки содержали вовсе не барбитураты, а какой-то странный психоде-

лик, новинку; таким он еще не закидывался. Вместо того чтобы тихо умереть от удушья, Чарлз Фрек начал галлюцинировать. Что ж, философски подумал он, вот так у меня всю жизнь. Вечно накалывают. Надо смириться с фактом — учитывая, сколько таблеток он глотанул, — что его ждет глюк из глюков.

Следующее, что он увидел, было явившееся из иных измерений чудовище. Оно стояло у кровати и смотрело на него с неодобрением. У чудовища было несметное множество глаз по всему телу и ультрасовременная, супермодная одежда. Оно держало огромный свиток.

— Ты собираешься зачитывать мои грехи, — догадался Чарлз Фрек.

Чудовище кивнуло и распечатало свиток.

— И это займет сто тысяч часов, — закончил Фрек, беспомощно лежа на кровати.

Уставившись на него всеми глазами, чудовище из иных измерений сказало:

— Мы покинули бренный мир. В этой Вселенной такие низменные материальные понятия, как «пространство» и «время», лишены смысла. Ты вознесен в трансцендентальную область. Твои грехи будут зачитываться тебе вечно. Списку нет конца.

Надо лучше знать своих поставщиков, подумал Чарлз Фрек.

Тысячу лет спустя он все так же лежал в постели с книгой Айн Рэнд и письмом на груди, слушая, как чудовище перечисляет грехи. Шли грехи, совершенные в первом классе, когда Чарлзу Фреку было шесть лет.

Десять тысяч лет спустя чудовище добралось до шестого класса; в тот год Чарлз открыл для себя мастурбацию.

Он смежил веки, но это не помогло. Он по-прежнему видел перед собой огромное существо с множеством глаз, оглашающее бесконечный свиток.

— И далее… — зачитывало чудовище.

Что ж, подумал Чарлз Фрек, по крайней мере раз в жизни я выпил приличного вина.

Глава 12

Двумя днями позже Фред изумленно наблюдал на третьем мониторе, как Роберт Арктор явно наугад выбрал книгу из книжного шкафа в гостиной. Может, за ней спрятаны наркотики, предположил Фред и увеличил изображение. А может, там записан номер телефона или адрес? Ясно, что Арктор вытащил книгу не для чтения; он только что вошел в дом и даже не снял плащ. У Арктора был странный вид — напряженный и одновременно ошарашенный.

Камера показала разворот книги крупным планом: цветная фотография запечатлела мужчину, приникшего ртом к соску женщины; оба индивида были голы. Женщина, по-видимому, испытывала оргазм: ее глаза были полузакрыты, а рот открыт в беззвучном стоне. Может, Арктор использует книгу для занятий онанизмом?.. Нет, не обращая на фотографию внимания, он стал надтреснутым голосом декламировать какую-то мистическую тарабарщину на немецком — вероятно, для того, чтобы озадачить тех, кто мог его слышать. Очевидно, думал, что его дружки дома,

и хотел их таким образом выманить.

Никто не появлялся. Фред знал, что Лакмен закинулся «смесью» и вырубился, полностью одетый, у себя в спальне, не дойдя несколько шагов до дивана. Баррис давно ушел.

Чем же все-таки занимается Арктор, недоумевал Фред, отмечая последний участок записи. С каждым днем этот тип ведет себя все более странно. Теперь я понимаю, что имел в виду информатор, который нам звонил.

А вдруг произнесенная Арктором фраза является командой для некоего электронного устройства, установленного в доме? Команда на включение или выключение. Может быть, на создание помех… Сомнительно. Вряд ли это вообще имеет какой-либо рациональный смысл — разве что для самого Арктора.

Нет, он точно псих. Просто повредился. С того дня, как обнаружил поломанный цефаскоп. Или с того дня, как едва не угробился в машине. Он и раньше был малость тронутый и окончательно свихнулся в «день собачьего дерьма», как выражается сам Арктор.

Вообще-то его нельзя строго судить, подумал Фред, наблюдая, как Арктор устало скинул плащ. Такое хоть кого с ума сведет. Однако большин-

ство людей давно бы уже пришли в себя. Арктору, наоборот, становится все хуже. Читает вслух неизвестно кому несуществующие цитаты на иностранных языках…

Если только он надо мной не издевается, тревожно подумал Фред. Может, он каким-то образом догадался о наблюдении и… Заметает следы? Просто развлекается? Что ж, время покажет… И все-таки он нас надувает! Некоторые люди просто чувствуют, когда за ними ведется наблюдение. Это вовсе не паранойя, скорее примитивный инстинкт, как у мыши или любого животного, за которым охотятся. Они знают, что их выслеживают, знают, и все… Вот он и несет чушь специально для нас, прикрываясь маской психа. Увы, наверняка сказать невозможно. Под масками могут быть другие маски, множество слоев.

Голос Арктора разбудил Лакмена, лежащего на полу в спальне. Из гостиной послышался стук — это Арктор вешал плащ и уронил его. Лакмен одним движением подобрал под себя длинные мускулистые ноги и встал, схватив топорик, который держал на столике рядом с кроватью. Затем беззвучными кошачьими шагами приблизился к двери, ведущей в гостиную.

В гостиной, на третьем мониторе, Арктор взял с

журнального столика письма и начал их просматривать. Найдя рекламный проспект, швырнул его в корзину и промахнулся.

Услышав это, Лакмен напрягся и вытянул шею вперед, как будто принюхиваясь.

Арктор, читая письмо, вдруг нахмурился и выругался.

Лакмен сразу расслабился, отшвырнул топорик, пригладил волосы и открыл дверь.

— Привет. Как дела?

— Я проезжал мимо здания Мейлорской микрофотокорпорации, — сообщил Арктор.

— Да ну?

— Там проводили инвентаризацию, и один из служащих случайно унес с собой важные документы — они прилипли к каблуку. Поэтому весь персонал ползал по автостоянке возле здания корпорации с пинцетами, увеличительными стеклами и бумажными пакетиками.

— А награду назначили? — Лакмен широко зевнул и забарабанил ладонями по плоскому мускулистому животу.

— Награду они тоже потеряли. Это была такая крошечная монетка.

— И часто тебе приходится наблюдать подобные вещи?

— Только здесь, в нашем округе.

— А оно большое — здание микрофотокорпорации?

— Около дюйма в высоту, — ответил Арктор.

— Сколько оно весит, по-твоему?

— Вместе со служащими?

Фред включил перемотку вперед. Когда по счетчику прошел час, он остановил ленту.

— …фунтов десять, — сказал Арктор.

— А как же ты его распознал, проезжая мимо, если оно с дюйм высотой и весит всего десять фунтов?

Арктор теперь сидел на диване, задрав ноги на спинку стула.

— У них огромная вывеска.

Боже, подумал Фред и снова промотал ленту вперед, минут на десять.

— …похожа? — спрашивал Лакмен. Он сидел на полу и крошил травку. — Небось неоновая? Интересно, я ее видел? Она приметная?

— Сейчас покажу, — сказал Арктор и засунул руку в нагрудный карман рубашки. — Я прихватил ее с собой.

Фред снова включил перемотку.

— …а знаешь, как провезти микрофотографии контрабандой? — говорил Лакмен.

— Да как угодно. — Арктор, откинувшись на диване, курил травку. В воздухе клубился дым.

— Нет, так, чтобы никто не допер! — горячился Лакмен. — Мне Баррис сказал по секрету. Я обещал не рассказывать, потому что он хочет вставить это в свою книгу.

— В какую книгу? «Распространенные домашние наркотики и...»?

— Нет. «Простые способы ввоза и вывоза контрабанды в зависимости от того, куда вы направляетесь: в США или обратно». Микрофотографии надо везти с наркотиками. Например, с героином. Понимаешь, они такие маленькие, что в пакете с наркотиком их не заметят. Они такие...

— Тогда какой-нибудь торчок вкатит себе дозу микрофотографий!

— Это будет самый разобразованный торчок на свете.

— Смотря что на фотографиях.

— У Барриса есть клевый способ провоза наркотиков через границу. Знаешь, на таможне всегда спрашивают, что вы везете. А сказать «наркотики» нельзя, потому что...

— Ладно, так как?

— Ну вот. Берешь огромный кусок гашиша и вырезаешь из него фигуру человека. Потом

выдалбливаешь нишу и помещаешь заводной моторчик, как в часах, и еще маленький магнитофон. Сам стоишь в очереди сзади и, когда приходит пора, заводишь ключ. Эта штука подходит к таможеннику, и тот спрашивает: «Что везете?» А кусок гашиша отвечает: «Ничего» — и шагает дальше. Пока не кончится завод, по ту сторону границы.

— Вместо пружины можно поставить батарею на фотоэлементах, и тогда он может шагать хоть целый год. Или вечно.

— Какой толк? В конце концов он дойдет до Тихого океана. Или до Атлантического. И вообще сорвется с края земли…

— Вообрази стойбище эскимосов и шестифутовую глыбу гашиша стоимостью… сколько такая может стоить?

— Около миллиарда долларов.

— Больше, два миллиарда. Сидят себе эскимосы, обгладывают шкуры и вырезают по кости, и вдруг на них надвигается глыба гашиша стоимостью два миллиарда долларов, которая шагает по снегу и без конца талдычит: «Ничего… ничего… ничего…»

— То-то эскимосы обалдеют!

— Что ты! Легенды пойдут!

— Можешь себе представить? Сидит старый хрыч и рассказывает внукам: «Своими глазами видел, как из пурги возникла шестифутовая глыба гашиша стоимостью два миллиарда долларов и прошагала вон в том направлении, приговаривая: «Ничего, ничего, ничего». Да внуки упекут его в психушку!

— Не, слухи всегда разрастаются. Через сто лет рассказывать будут так: «Во времена моих предков девяностофунтовая глыба высокопробнейшего афганского гашиша стоимостью восемь триллионов долларов вдруг как выскочит на нас, изрыгая огонь, да как заорет: «Умри, эскимосская собака!» Мы били и били ее копьями, и наконец она издохла».

— Дети этому не поверят.

— Нынче дети вообще ничему не верят.

— Разговаривать с ребенком — одно расстройство, — заметил Лакмен. — Меня какой-то пацан попросил описать первый автомобиль… Черт побери, да я родился в тысяча девятьсот шестьдесят втором году!

— Неслабо… Меня однажды о том же самом просил один торчок, совсем выгоревший, — так ему было двадцать семь, всего на три года младше меня. Ничего уже не соображал. Позже он раз

закинулся кислоткой — или чем-то вроде — и вообще начал ходить под себя, а когда ему говорили что-нибудь типа «Как дела, Дон?», он только и мог, что повторять как попугай: «Как дела, Дон? Как дела, Дон?..»

Наступило молчание. Двое мужчин курили травку в задымленной комнате. Долго, мрачно, молча.

— Знаешь, Боб, — заговорил наконец Лакмен, — ведь когда-то я был таким же, как все.

— Я тоже.

— Не знаю, что случилось...

— Знаешь, — покачал головой Арктор. — Это случилось со всеми нами.

— Ладно, проехали. — Лакмен глубоко и шумно затянулся.

В спецквартире зазвонил телефон. Костюм-болтунья снял трубку и протянул ее Фреду.

— Помните, на прошлой неделе вы были у нас? — произнес голос в трубке. — Проходили тестирование?

— Да, — после короткой паузы ответил Фред.

— Приходите снова. — На том конце линии тоже зависла пауза. — Мы обработали последние материалы. Теперь необходимо выполнить полную программу тестов на адекватность вос-

приятия и другие процедуры. Вам назначено на завтра, в три часа в той же комнате. Это займет часа четыре. Помните номер комнаты?

— Нет, — сказал Фред.

— Как вы себя чувствуете?

— Нормально, — твердо ответил Фред.

— Какие-нибудь неприятности? На работе или в личной жизни?

— Я поссорился со своей девушкой.

— Испытываете ли вы чувство растерянности? Не сталкиваетесь ли с трудностями в опознавании людей и предметов? Не кажется ли вам что-нибудь вывернутым шиворот-навыворот? И, кстати говоря, не наблюдаете ли вы у себя пространственно-временной или языковой дезориентации?

— Нет, — мрачно произнес Фред. — Нет — по каждому из поименованных пунктов.

— Итак, завтра в комнате двести три, — сказал врач.

— А какой материал…

— Поговорим завтра. Приходите, ладно? Не расстраивайтесь, Фред! — *Клик.*

Клик тебе, подумал Фред, вешая трубку.

В раздражении, что его нагружают, заставляя заниматься неприятными вещами, он включил

проекторы, и трехмерные образы внутри мониторов ожили в цвете и движении. Из динамиков снова полилась бессмысленная и бесполезная для Фреда болтовня.

— Эту крошку, — бубнил Лакмен, — обрюхатили, и она решила сделать аборт, потому что была на четвертом месяце и живот уже стало видно. Но сама палец о палец не ударила, только канючила, как все дорого. А пособие ей почему-то не полагалось. Как-то я к ней забегаю, а там одна ее подружка твердит, что у нее *истерическая* беременность. «Ты просто хочешь верить, что беременна. Это комплекс вины. А аборт, расходы на него — это комплекс наказания». А крошка — она мне дико нравилась — и говорит спокойненько: «Ну что ж, если у меня истерическая беременность, то я сделаю истерический аборт и заплачу истерическими деньгами».

— Интересно, чья физиономия красуется на истерической пятерке, — задумчиво произнес Арктор.

— А кто был у нас самым истерическим президентом?

— Билли Фалкс. Он только *думал*, что его избрали президентом.

— В каком году?

— Он воображал, что его избрали на два четырехлетних срока, начиная с 1882 года. После длительного курса лечения он признал, что срок был только один…

Фред со злостью перемотал запись на два с половиной часа вперед. Сколько они будут нести эту ахинею? Весь день? Вечно?

— …берешь ребенка к врачу, к психиатру, и жалуешься, что ребенок все время заходится в крике. — На кофейном столике перед Лакменом стояли две коробки с травкой и банка пива. — Кроме того, ребенок постоянно врет, придумывает самые несуразные истории. Психиатр осматривает ребенка и ставит диагноз: «Мадам, у вашего ребенка истерия. То есть ребенок истерический. Но я не знаю почему». И тогда ты, мать, настал твой час, ты ему эдак: «Я знаю почему, доктор. Потому что у меня была истерическая беременность».

Лакмен и Арктор покатились со смеху. Им вторил Джим Баррис; он вернулся и теперь сидел в гостиной, наматывая на гашишную трубку белую проволоку.

Фред прогнал пленку еще на час вперед.

— …этот парень, — рассказывал Лакмен, — выступал по телевидению как всемирно известный

самозванец. В интервью он заявил, что в разное время представлялся великим хирургом из медицинского колледжа Джона Гопкинса, субмолекулярным физиком-теоретиком из Гарварда, финским писателем, лауреатом Нобелевской премии в области литературы, свергнутым президентом Аргентины, женатым на…

— И все это сходило ему с рук? — поразился Арктор. — Его не разоблачали?

— Парень ни за кого себя не выдавал. Просто он выдавал себя за всемирно известного самозванца. Об этом потом писали в «Лос-Анджелес таймс» — они проверяли. Работал дворником в Диснейленде, затем прочитал биографию всемирно известного самозванца — такой действительно был — и сказал себе: «Да ведь я тоже могу выдавать себя за всех этих экзотических парней!» А после подумал и решил: «На кой черт? Лучше просто выдавать себя за самозванца». Он огреб на этом деле немалую монету, как писали в «Таймсе». Почти столько же, сколько настоящий всемирно известный самозванец. Причем без всякого труда.

— Самозванцев пруд пруди. Мы сами сталкиваемся с ними на каждом шагу. Только они выдают себя не за физиков-теоретиков, — заметил Бар-

рис, тихонько корпящий в углу над трубкой.

— Ты имеешь в виду шпиков, этих гадов из Отдела по борьбе с наркоманией? — сказал Лакмен. — Интересно, среди наших знакомых они есть? Как они выглядят?

— Все равно что спрашивать: «Как выглядит самозванец?» — отозвался Арктор. — Я как-то болтал с одним толкачом, которого взяли с десятью фунтами гашиша на руках. Ну и спросил, как выглядел обманувший его шпик. Знаете, агент полиции выдает себя за приятеля одного приятеля…

— Они выглядят точь-в-точь как мы, — бросил из угла Баррис.

— *Даже больше!* — воскликнул Арктор. — Этот толкач — его уже приговорили и на следующий день должны были отправить в тюрягу — сказал мне: «Волосы у них еще длиннее, чем у нас». Так что мораль, я полагаю, такова: держись подальше от типов, которые выглядят точь-в-точь как ты.

— Бывают и женщины-шпики, — вставил Баррис.

— Я бы хотел познакомиться с таким, — сказал Арктор. — В смысле — сознательно. Точно зная, что это шпик.

— Когда он наденет на тебя наручники, — ух-

мыльнулся Баррис, — будешь знать точно.

— Я что имею в виду? — продолжал Арктор. — Какая у них жизнь? Есть ли у них друзья? Знают ли жены об их работе?

— У них нет жен, — заявил Лакмен. — Они живут в пещерах и крадутся за тобой по пятам, выглядывая из-под машин. Как тролли.

— А что они едят?

— Людей, — сказал Баррис.

— Как это вообще у них получается? — спросил Арктор. — Выдавать себя за шпиков?

— *Что?!* — в один голос вскричали Баррис и Лакмен.

— Черт, я совсем обалдел, — улыбаясь, сказал Арктор. — «Выдавать себя за шпика», брр… — Он потряс головой.

— ВЫДАВАТЬ СЕБЯ ЗА ШПИКА? — повторил Лакмен, не сводя с него глаз.

— Сегодня у меня в мозгах каша, — пожаловался Арктор. — Я лучше сосну.

Фред остановил ленту. Фигуры в мониторах замерли.

— Перекур? — спросил костюм-болтунья.

— Да. Я устал. Эти бредни рано или поздно доканывают. — Он поднялся и взял сигареты. — Не понимаю и половины из того, что они несут. Я

так устал. Устал их слушать.

— Когда находишься вместе с ними, даже легче, правда? — сказал костюм-болтунья. — Ты ведь вхож в их компанию? Под прикрытием, так ведь?

— Ни за что не стал бы иметь дела с такими ублюдками! — скривился Фред. — Талдычат одно и то же без конца. Какого черта они вечно вот так сидят и травят байки?

— А какого черта мы здесь сидим? Это ведь чертовски нудное занятие, если разобраться.

— Нам приходится, это наша работа. У нас просто нет выбора.

— Как в тюрьме, — кивнул костюм-болтунья. — Никуда не денешься.

«Выдавать себя за шпика», — подумал Фред. Что это значит? Одному богу известно…

Выдавать себя за самозванца. За того, кто живет под машинами и питается грязью. Не за всемирно известного хирурга, или писателя, или политического деятеля, о которых говорят по телевизору.

Дурацкая фраза Арктора снова и снова звучала в голове, несмотря на то что запись давно уже была выключена. Поскорее бы забыть эти слова. И забыть, хотя бы ненадолго, его самого.

— Порой у меня такое чувство, — проговорил

Фред, — будто я знаю, что они сейчас скажут. Слово в слово.

— Это называется «дежавю», — кивнул костюм-болтунья. — Один совет: прокручивай ленту вперед не на час, а сразу, скажем, часов на шесть, а потом возвращайся понемногу назад, пока не наткнешься на что-нибудь стоящее. Понимаешь? Назад, а не вперед. Так тебя не будет затягивать ритм их болтовни. Шесть или даже восемь часов вперед, а потом большими скачками назад. Ты быстро привыкнешь — начнешь чувствовать, когда там километры пустоты, а когда есть что-то полезное.

— Просто научишься пропускать все мимо ушей, — добавил другой костюм-болтунья, — пока не всплывет интересная фраза. Как мать, которая спит и не реагирует ни на какой шум, даже если мимо проедет грузовик, но тут же просыпается, едва ее младенец подаст голос. Даже если он пискнет чуть слышно. Это регулируется подсознанием: оно умеет работать избирательно, главное — усвоить, что нужно слушать.

— Я знаю, — сказал Фред. — У меня самого двое детей.

— Мальчики?

— Нет, девочки. Еще маленькие.

— Нормально, — кивнул собеседник. — Моей дочке всего годик.

— Никаких имен! — вмешался другой костюм-болтунья. Они рассмеялись. Хотя и не очень весело…

Так или иначе, вот что следует передать по инстанциям — таинственную фразу «выдавать себя за шпика». Дружки Арктора тоже удивлены. Когда я завтра к трем пойду в Отдел, надо это распечатать — аудиозаписи будет достаточно — и обсудить с Хэнком вместе со всем остальным, что еще всплывет. Но даже если ничего другого не всплывет, какое-то начало уже есть. Значит, круглосуточная слежка ведется не зря.

Значит, я был прав.

Арктор проговорился. Выдал себя.

Что это значит, мы пока не знаем. Однако узнаем непременно. Мы будем преследовать Арктора, пока он не упадет замертво, подумал Фред. Как бы ни было тошно все время лицезреть и слушать его и ему подобных. И как только я мог сидеть с ними столько времени?! Не жизнь, а бесконечная пустота, как сказал этот агент. Пустота и туман: все мутно — и в сознании, и вокруг. Везде. Что за люди?!

С сигаретой в руке он прошел в ванную, запер за

собой дверь и достал из сигаретной пачки десять таблеток смерти. Налил кружку воды и запил все десять. Маловато… Ладно, подумал он, после работы закинусь еще. Сколько там времени осталось? Фред посмотрел на часы и попытался прикинуть. Мысли в голове путались. Черт! Сколько же это будет? Что-то непонятное творится с его чувством времени. Все проклятые записи — их вредно слишком долго просматривать. Потом вообще невозможно понять, который час.

Я чувствую себя так, как будто закинулся кислоткой и вошел в автомойку. Сотни гигантских мыльных щеток бешено вращаются и тащат меня сквозь бесконечные туннели из черной пены. Не самый лучший способ зарабатывать деньги.

Фред отпер дверь, вышел из ванной и неохотно направился к своему рабочему месту.

— …сдается мне, — говорил Арктор, — что Бог просто умер.

— Я и не знал, что Он болел, — усмехнулся Лакмен.

— Мой «олдсмобиль», похоже, крепко стал на якорь. Я решил его продать.

— А сколько в нем? — спросил Баррис.

Фунтов десять, подсказал про себя Фред.

— Фунтов десять, — ответил Арктор.

На следующий день, в три часа, Фред, чувствовавший себя еще хуже, чем накануне, явился в кабинет, где его ждали два офицера-медика — другие, незнакомые.

— Сперва левым, а потом правым глазом вы увидите ряд хорошо известных предметов. Одновременно на панели перед вами будут высвечиваться очертания сразу нескольких предметов, также вам хорошо знакомых. С помощью указки вам необходимо выбрать то изображение, которое соответствует показываемому предмету. Учтите, объекты будут чередоваться очень быстро, так что долго не размышляйте. Счет ведется и по точности, и по времени. Ясно?

— Ясно, — ответил Фред, держа наготове указку.

Перед ним побежала череда знакомых предметов, и он торопливо начал тыкать указкой в освещенные контуры на панели, смотря сначала левым, а потом — правым глазом.

— Теперь мы закрываем ваш левый глаз и мельком показываем изображение знакомого предмета перед правым глазом. Левой рукой, повторяю, левой рукой вы должны выбрать из группы предметов только что увиденный.

— Ясно, — сказал Фред.

Ему показали картинку с игральной костью; левой рукой он шарил среди россыпи безделушек, пока не отыскал игральную кость.

— В следующем тесте вы должны не глядя нащупать левой рукой буквы и прочитать сложенное из них слово, а правой рукой написать это слово.

Он так и сделал. Получилось слово «ЖАР».

— Теперь с закрытыми глазами нащупайте левой рукой предмет и назовите. После этого вам будут показаны три предмета, похожих друг на друга, и вы должны будете сказать, который из трех больше похож на тот, что вы трогали.

— Хорошо, — сказал Фред и сделал все это, а затем еще многое другое. Так продолжалось около часа. Ощупай, скажи, посмотри одним глазом, выбери. Ощупай, скажи, посмотри другим глазом, выбери. Запиши, нарисуй.

— Ваши глаза закрыты, в руках по предмету. Определите на ощупь, идентичны ли предметы в вашей правой и левой руке.

Он сделал и это.

— Вам будет быстро показана последовательность треугольников. Вы должны сказать, один и тот же это треугольник или…

Еще через два часа его заставили вставлять детали сложной формы в сложные отверстия,

засекая при этом время. Он чувствовал себя снова в первом классе, причем двоечником. Даже хуже. Мисс Фринкель, подумал он, старая ведьма мисс Фринкель. Так же вот стояла и подбрасывала мне задачки…

Тесты следовали один за другим.

— Что неправильно в этой картинке? Один из предметов здесь лишний. Назовите…

Он назвал.

Ему показали набор предметов; он должен был протянуть руку и убрать лишний, затем убрать все лишние из разных наборов и сказать, что общего было между этими лишними предметами.

Тут время вышло. Ему велели выпить чашечку кофе и обождать в приемной.

Позже — казалось, через несколько часов, — в приемную вышел один из врачей.

— Нам нужно исследовать вашу кровь. — Он протянул листок бумаги. — Найдите внизу комнату с табличкой «Лаборатория патологии». Там у вас возьмут кровь на анализ. Затем снова возвращайтесь сюда и ждите.

— Ладно, — мрачно сказал Фред и поплелся по коридору, держа в руке листок. Следы наркотиков, вот что они ищут.

Вернувшись из лаборатории в комнату 203, он

подошел к одному из врачей и спросил:

— Можно мне пока сходить к начальнику? А то он скоро уйдет.

— Пожалуй, — разрешил врач. — Раз уж мы решили сделать анализ крови, для окончательного заключения потребуется время. Идите, мы позвоним. Вы идете к Хэнку?

— Да, я буду наверху, у Хэнка.

— Сегодня настроение у вас хуже, чем в нашу первую встречу.

— Простите? — сказал Фред.

— В нашу встречу на той неделе. Вы все время шутили и смеялись. Хотя чувствовалось, что внутри напряжены.

Ошарашенно глядя на него, Фред узнал одного из тех двух врачей. Но промолчал. Лишь хмыкнул и направился к лифту. Эти проверки действуют на меня угнетающе, подумал он. Интересно, с кем из них я сейчас разговаривал? С усачом или… Должно быть, с другим, с безусым. У этого нет усов.

— Вручную нащупайте предмет левой рукой, — пробормотал Фред, — и в то же время посмотрите на него правой. А затем своими собственными словами скажите нам…

Большей околесицы он придумать не мог. Разве

что с их помощью…

В кабинете Хэнка находился посетитель. Он был без костюма-болтуньи и сидел в дальнем углу лицом к Хэнку.

— К нам пришел информатор, который звонил насчет Боба Арктора, — представил Хэнк.

— Да, — выдавил Фред, остановившись как вкопанный.

— Он снова позвонил нам, вызвавшись дать дополнительные сведения, и мы предложили ему явиться лично. Вы его знаете?

— Еще бы, — сказал Фред, глядя на Барриса. Тот с уродливой ухмылкой на лице вертел в руках ножницы, явно чувствуя себя как дома. Вот мразь, с отвращением подумал Фред. — Джеймс Баррис, не так ли? Вы ранее привлекались?

— Согласно документам, перед нами Джеймс Р. Баррис, — кивнул Хэнк. — Так он себя и назвал. Судимостей у него нет.

— Чего он хочет? — спросил Фред и повернулся к Баррису: — Что вы хотите сообщить?

— Я располагаю информацией, — негромко произнес Баррис, — что мистер Арктор — член мощной секретной организации, не ограниченной в средствах, располагающей арсеналом оружия и пользующейся шифрами. Организация,

по всей видимости, ставит целью свержение…

— Это уже домыслы, — перебил Хэнк. — Чем она занимается? Где доказательства? Говорите только о том, что знаете наверняка.

— Вы когда-нибудь находились на лечении в психиатрической клинике? — спросил Фред.

— Нет, — ответил Баррис.

— Дадите ли вы официальные показания под присягой? — продолжал Фред. — Вы согласны явиться в суд и…

— Он уже сказал, что согласен, — перебил Хэнк.

— Доказательства, которые я могу представить, — заявил Баррис, — представляют собой телефонные разговоры Роберта Арктора, которые я записал. Тайно записал, без его ведома.

— Что это за организация? — потребовал Фред.

— Я считаю… — начал Баррис, но Хэнк раздраженно взмахнул рукой. — Она политическая и действует против нашей страны. — Баррис вспотел от волнения и даже слегка дрожал, но сохранял довольный вид. — Извне… враги Соединенных Штатов.

— Какое отношение имеет Арктор к источнику препарата «С»? — спросил Фред.

Учащенно моргая, то и дело облизывая губы и

гримасничая, Баррис сказал:

— Это все есть в моей… — Он запнулся. — Изучив мою информацию… то есть мои доказательства, вы, без сомнения, придете к выводу, что препарат «С» изготавливают в иностранном государстве, которое намерено расправиться с США, и что мистер Арктор глубоко замешан в подрывной…

— Можете ли вы назвать имена других членов организации? — спросил Хэнк. — Контакты Арктора?.. Предупреждаю, дача ложных показаний является преступлением, и в этом случае вы будете привлечены к ответственности.

— Ясно, — кивнул Баррис.

— Итак, сообщники Арктора?

— Некая мисс Донна Хоторн. Под всевозможными предлогами он регулярно входит с ней в сношения.

Фред рассмеялся:

— В сношения! Что вы имеете в виду?

— Я выследил его, — медленно отчеканил Баррис. — Наблюдал за ним из своей машины. Тайно.

— Он часто ее посещает? — спросил Хэнк.

— Да, сэр, очень часто. Не реже…

— Она его подружка, — перебил Фред.

— Мистер Арктор также… — продолжал Баррис.

Хэнк повернулся к Фреду.

— Каково ваше мнение?

— Определенно следует взглянуть на доказательства.

— Приносите, — велел Хэнк Баррису, — все приносите. Прежде всего нам нужны имена. Имена, телефоны, номерные знаки автомашин. Имеет ли Арктор дело с большими партиями наркотиков? С коммерческими объемами?

— Безусловно, — подтвердил Баррис.

— Каких именно наркотиков?

— Разных. У меня есть образцы. Я предусмотрительно брал пробы — для анализа. Могу тоже принести, там много всего.

Хэнк и Фред переглянулись.

Баррис, устремив вперед отсутствующий взгляд, улыбался.

— Что вы желаете добавить? — обратился Хэнк к Баррису. Затем повернулся к Фреду: — Не послать ли с ним за доказательствами полицейского?

Хэнк боялся, как бы Баррис не струхнул и не смылся, оставив их с носом.

— Вот еще что, — сказал Баррис. — Мистер Арк-

тор — неизлечимый наркоман и без препарата «С» не в состоянии прожить и дня. Рассудок его помутился. Арктор опасен.

— *Опасен,* — повторил Фред.

— Да! — торжествующе объявил Баррис. — У него случаются провалы памяти, которые типичны для вызываемых препаратом «С» нарушений мозговой деятельности. Полагаю, не осуществляется оптическая инверсия в связи с ослаблением ипсилатерального компонента… А также, — Баррис откашлялся, — имеет место повреждение *corpus callosum.*

— Я просил… предостерегал вас от беспочвенных высказываний. Так или иначе, мы пошлем с вами полицейского. Согласны?

Баррис ухмыльнулся и кивнул:

— Но само собой…

— Он будет в штатском.

Баррис кашлянул.

— Меня могут убить. Мистер Арктор, как я говорил…

Хэнк кивнул.

— Мистер Баррис, мы ценим ваши усилия и осознаем риск, которому вы подвергаетесь. Если информация послужит доказательством на суде, тогда, разумеется…

— Я пришел не ради денег, — вставил Баррис. — Этот человек болен. Его мозг поврежден препаратом «С». Я пришел, чтобы…

— Цель вашего прихода для нас не имеет значения, — оборвал Хэнк. — Нас интересует лишь ценность вашей информации. Остальное — ваше личное дело.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Баррис.

И расплылся в улыбке.

Глава 13

В комнате 203 два полицейских психиатра излагали безучастно слушавшему Фреду результаты обследования.

— В вашем случае мы наблюдаем не функциональное нарушение, а скорее «феномен соперничества». Садитесь.

— Соперничества между левым и правым полушариями вашего мозга, — подхватил второй врач. — Мы имеем дело не с одним сигналом — пусть искаженным или неполным, — а с двумя сигналами, несущими разноречивую информацию.

— Обычно человек использует левое полушарие, — объяснил первый. — Именно там расположено его «я», его самосознание. Это полушарие доминантно, потому что в нем находится речевой центр, в то время как все пространственные навыки сосредоточены справа. Левое полушарие можно сравнить с цифровым компьютером, а правое — с аналоговым. Таким образом, они не просто дублируют друг друга, а по-разному получают и обрабатывают поступающие данные.

Но у вас не доминирует ни одно из полушарий, и они не дополняют друг друга. Первое говорит вам одно, а второе — совсем другое.

— Словно на вашей машине, — продолжил второй, — стоят два датчика уровня топлива. Один показывает, что бак полон, а второй — что пуст. Такого быть не может, они противоречат друг другу. Однако в вашем случае дело не в том, что один из них исправен, а другой — нет, тут другое… Вы как водитель полагаетесь на показания датчика; в вашем случае — датчиков, которые измеряют одно и то же — то же самое количество топлива в том же самом баке. Если их показания начинают различаться, вы полностью теряете представление об истинном положении дел. Ваше состояние никак нельзя сравнить с наличием основного и вспомогательного датчиков, когда вспомогательный включается лишь при повреждении основного.

— Что же это значит? — спросил Фред.

— Уверен, что вы уже поняли, — сказал врач слева. — Вам, несомненно, приходилось испытывать это, не сознавая причин.

— Полушария моего мозга соперничают?

— Именно.

— Почему?

— Препарат «С»… Он часто приводит к подобным последствиям. Мы этого и ожидали, и наши предположения подтверждаются тестами. Повреждено левое полушарие, которое обычно доминирует, и правое пытается исправить положение, выполняя роль левого. Но такое положение ненормально: организм не приспособлен к подобному дублированию функций. Мы называем это перекрестными сигналами. Помочь тут можно, лишь разделив полушария…

— Когда я перестану принимать препарат «С», все прекратится?

— Возможно, — кивнул врач. — Нарушение функциональное.

— Впрочем, оно может иметь органический характер, — заметил другой, — и тогда необратимо. Время покажет. Когда вы перестанете принимать препарат «С». Полностью перестанете.

— Что? — переспросил Фред. Он не понял — да или нет? Что они имеют в виду? Навсегда это или временно?

— Даже если повреждены ткани мозга, отчаиваться не стоит, — сказал один врач. — Сейчас ведутся эксперименты по удалению небольших областей из обоих полушарий. Ученые полагают, что таким образом удастся избежать «конку-

ренции» и достичь доминирования нужного полушария.

— Однако существует опасность, что тогда субъект до конца жизни будет воспринимать лишь часть входной информации, — сказал второй врач. — Вместо двух сигналов — полсигнала. Что, как мне представляется, ничуть не лучше.

— Да, но частичное функционирование предпочтительнее нулевого, а два соперничающих сигнала в конечном счете аннулируют друг друга.

— Видите ли, Фред, вы перестали…

— Я никогда больше не закинусь препаратом «С», — сказал Фред. — Никогда в жизни.

— Сколько вы принимаете сейчас?

— Немного. — Он подумал и признался: — В последнее время больше. Из-за стрессов на работе.

— Вас необходимо снять с задания, — решил врач. — Вы больны, Фред. И никто не может сказать — по крайней мере, пока, — к чему это приведет. Может быть, вы поправитесь. Может быть, нет.

— Но если оба мои полушария доминантны и мыслят одинаково, — хрипло проговорил Фред, — почему их нельзя как-то синхронизировать? Как, например, стереозвук?

Последовало молчание.

— Ведь если, — продолжал он, — левая и правая рука дотрагиваются до одного и того же предмета, то…

— Тут возникает проблема «левого» и «правого» — в том смысле, в котором мы говорим, что в зеркале они меняются местами. — Психиатр наклонился к Фреду, который молча глядел в пол. — Как вы объясните, что такое, скажем, левая перчатка, человеку, который ничего об этом не знает? Как он поймет, которую перчатку вы имеете в виду?

— Левая перчатка… — начал Фред и умолк.

— Представьте, что одно полушарие вашего мозга воспринимает окружающий мир как бы отраженным в зеркале. Понимаете? Левое становится правым и так далее. Мы пока еще не знаем, что значит видеть мир вот так, наоборот. С точки зрения топологии левая перчатка — это правая, протянутая через бесконечность.

— В зеркале… — пробормотал Фред. Помутившееся зеркало. Помутившаяся камера.

Апостол Павел тоже говорил об отражении в зеркале, хотя и не стеклянном — таких тогда еще не было, — а в полированном металлическом.

Это вычитал Лакмен в своих книжках по теоло-

гии. Не то, что видишь через систему линз, как в телескопе, когда картинка не переворачивается, и не сквозь стекло, а отраженное, перевернутое изображение — «протянутое через бесконечность», как они выражаются. Твое лицо, но в то же время — не твое. Камер в те времена никаких не было, так что человек мог видеть себя только так — шиворот-навыворот.

Я вижу себя шиворот-навыворот. В некотором смысле я всю Вселенную вижу шиворот-навыворот. Другой стороной мозга!

— Топология, — говорил один врач, — вообще малоизученный раздел математики. Взять хотя бы черные дыры…

— Фред воспринимает мир наизнанку, — в то же время говорил другой врач. — Одновременно и спереди, и сзади. Нам трудно вообразить, каким он ему видится. Топология — это область математики, исследующая те свойства геометрических или иных конфигураций, которые остаются неизменными, если объект подвергается непрерывному однозначному преобразованию. В применении к психологии…

— …кто знает, что там происходит с предметами? Если показать дикарю его фотографию, он не узнает себя, даже если много раз видел свое

отражение в воде или в металлическом зеркале, — именно потому, что в отражении правая и левая стороны меняются местами, а на фотографии — нет.

— Он привык к «перевернутому» изображению и думает, что так и выглядит.

— Часто человек, слыша свой голос, записанный на пленку…

— …совсем другое — тут дело во внутричерепных резонансах…

— А может, это вы, сукины дети, видите Вселенную шиворот-навыворот, как в зеркале, — сказал Фред. — Может, как раз я и вижу ее правильно.

— Вы видите ее *и так и эдак.*

— И какой способ…

— Говорят, что мы видим не саму действительность, а лишь ее «отражение», которое неверно, поскольку «перевернуто». Любопытно… — Врач задумался. — Нелишне вспомнить физический принцип четности: по какой-то причине мы принимаем за Вселенную ее отражение… Не исключено, что как раз вследствие неравенства полушарий…

— Фотография может в какой-то мере компенсировать — это не сам объект, зато изображение на ней не «перевернуто». Вернее, «перевернуто»

два раза.

— Но фотоснимок тоже может быть напечатан «задом наперед», если случайно перевернуть негатив. Обычно видно, который из двух снимков правильный, особенно если там есть надпись. Однако, допустим, у вас две фотографии одного и того же человека: «перевернутая» и «нормальная». Не зная этого человека, невозможно сказать, которая из них правильная, хотя разницу между ними увидит любой.

— Теперь, Фред, вы видите, насколько сложно сформулировать разницу между левой перчаткой и…

— *И тогда сбудется сказанное в Писании,* — прозвучал голос в ушах Фреда. Похоже, больше никто его не слышал. — *Смерть будет повержена, и придет освобождение. Ибо когда написанные слова обратятся другой стороной, вы будете знать, что есть иллюзия, а что — нет. И смятение окончится, и субстанция Смерти, последний враг, будет поглощена не телом, но победившим духом. Имеющий ухо да услышит: Смерть потеряет свою власть над вами.*

Вот и ответ на вечный вопрос, подумал он. Великая священная тайна раскрыта: мы не умрем!

Отражения исчезнут. И все произойдет в один

миг.

Мы все преобразимся, то есть станем нормальными, а не «перевернутыми» — вот что имеется в виду. Сразу, в мгновение ока!

Потому что, думал он, угрюмо наблюдая за полицейскими психиатрами, которые писали и подписывали свое заключение, сейчас мы все, черт побери, вывернуты наизнанку — все до одного, и все вещи тоже, и даже само время!.. Но когда же наконец тот фотограф, который случайно перевернул негатив, обнаружит это и исправит свою ошибку? И сколько времени это у него займет?

Должно быть, долю секунды…

Теперь я понимаю, что означает то место в Библии: «сквозь тусклое стекло».[9] Мутное зеркало. Понимаю, однако сам себе ничем помочь не могу — мое сознание так же замутнено, как и раньше.

Может быть, думал он, поскольку я вижу и так и эдак — и правильно, и «перевернуто», — я первый за всю человеческую историю способен представить себе, как все должно стать на самом деле. Хотя я вижу и по-другому, то есть по-обыч-

---

[9] Примечания: 9

Первое послание св. апостола Павла к коринфянам: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор. 13:12).

ному… А что есть что? Что перевернуто, а что нет? Когда я вижу фотографию, а когда отражение?

Интересно, назначат ли мне пособие? Или пенсию — пока я буду сходить с препарата «С»? — гадал он, уже чувствуя наползающий ужас и холод во всем теле. Wie kalt ist es in diesem unterirdischen Gewölbe! Das ist natürlich, es ist ja tief.[10] Надо совершенно отказаться от этого дерьма. Видел я людей на воздержании… Боже, как мне пройти через это? Как выдержать?

— …смахивает на метафизику, — увлеченно говорил врач, — хотя математики утверждают, что мы находимся на пороге возникновения новой космологии…

— …бесконечность времени, которая выражена в виде вечности, в виде петли! — восторженно вторил другой. — Как замкнутая петля магнитной ленты!

* * *

До возвращения в кабинет Хэнка, где им предстояло заниматься вещественными доказатель-

---

[10] Примечания: 10

Как холодно в подземном этом склепе! Неудивительно, ведь здесь так глубоко. *(Из либретто, написанного Иосифом фон Соннлейтнером по повести Жана-Никола Булли «Леонора, или Супружеская любовь» к опере Бетховена «Фиделио».)*

ствами, собранными Баррисом, оставался еще час, и Фред пошел в кафетерий, проталкиваясь сквозь толпу полицейских мундиров, костюмов-болтуний и штатских пиджаков.

Когда он вернется, заключение психиатров наверняка уже будет у Хэнка…

У меня есть время подумать, размышлял Фред, становясь в очередь. Время… Предположим, время круглое, как Земля. Чтобы достичь Индии, плывешь на запад. Над тобой смеются, но в конце концов Индия оказывается впереди, а не сзади. Что же касается времени… Может, распятие Христа где-то там, впереди, а мы плывем и думаем, что оставили его далеко на востоке.

Впереди в очереди — секретарша. Голубой свитер в обтяжку, высокая грудь, юбочка чисто символическая. Разглядывать ее было приятно. Наконец девушка заметила его пристальные взгляды и отодвинулась вместе со своим подносом.

Первое и второе пришествие Христа — это одно и то же событие, подумал он. Время — как петля магнитной ленты… Понятно, почему все так уверены, что Он еще вернется.

Секретарша повернулась спиной. Вдруг Фред осознал, что в отличие от нее он неузнаваем в

костюме-болтунье. Скорее всего, девушка просто почувствовала его внимание. Видно, у нее большой опыт — да и немудрено, с такими-то ножками…

Он вообще мог бы дать ей по голове и изнасиловать, и никто в жизни не догадался бы, чья это работа. Как она его опишет? Да в этом костюме можно вытворять что угодно. Не обязательно совершать преступления, а просто — делать то, на что иначе никогда не решился бы.

— Послушайте, мисс, — обратился он к девушке в голубом свитере, — у вас просто классные ножки. Впрочем, вы это прекрасно сознаете, иначе не стали бы носить такую микроскопическую юбочку.

— О! — воскликнула она. — А я знаю, кто вы!

— Правда? — удивился он.

— Пит Уикем.

— Как?

— Разве вы не Пит Уикем? Вы всегда сидите напротив, правда?

— Значит, я тот парень, что всегда сидит напротив и разглядывает ваши ножки, замышляя сами знаете что?

Девушка кивнула.

— Так у меня есть шанс? — спросил он.

— Посмотрим…

— Может, сходим как-нибудь поужинаем?

— Я не против.

— Тогда дайте телефончик.

— Лучше вы дайте свой.

— Я дам, — сказал он, — только сейчас давайте сядем за один столик.

— Нет, меня уже ждет подруга — вон там.

— Я мог бы сесть рядом с вами обеими.

— Нам надо кое-что обсудить вдвоем.

— Ну тогда ладно.

— До встречи, Пит. — Девушка в голубом свитере взяла поднос, нагруженный тарелками, и отошла.

Фред взял кофе с бутербродом и нашел свободный столик. И сидел, роняя крошки в кофе, безучастно глядя в поднимающийся пар.

Черт побери, меня наверняка снимут с задания. И поместят куда-нибудь в «Синанон» или «Новый путь». Я буду выть от воздержания, а кто-нибудь другой поведет наблюдение за Арктором. Какой-нибудь осел, который ни черта в Аркторе не смыслит. Им придется начинать с нуля.

По крайней мере, могли бы позволить мне разобраться с доказательствами Барриса. Разобраться и принять решение.

… если бы она от меня забеременела, ребенок родился бы без лица — одно расплывчатое пятно…

Конечно, отзовут. Но почему обязательно сразу? Я мог бы обработать информацию Барриса… да хотя бы посидеть там и посмотреть, что он принесет. Удовлетворить собственное любопытство. Кто такой Арктор? Что он затевает? Они обязаны позволить мне хотя бы это!

Фред сидел так еще долго, ссутулившись над столом, пока наконец не заметил, что девица в голубом свитере и ее подружка встали и собираются уходить. Вторая девушка, не столь хорошенькая, брюнетка с короткой стрижкой, некоторое время колебалась, а затем подошла к нему.

— Пит?

Он поднял голову.

— Я на два слова, Пит, — проговорила она сбивчиво. — Я… э-э… Элен сама хотела сказать, но постеснялась. Знаешь, Пит, она давно уже стала бы встречаться с тобой, месяц назад или даже еще в марте, если бы…

— Если бы что?

— Ну, в общем… короче, тебе бы стоило освежить дыхание.

— Буду знать, — буркнул Фред.

— Вот и все, — сказала она с облегчением, — пока! — И, улыбаясь, упорхнула.

Бедняга Пит! Интересно, она всерьез? Или это просто коварный сокрушающий удар, который две чертовки решили нанести, увидев Пита — то есть меня — одного? Удар ниже пояса. Да пошли они все, подумал он, бросив скомканную салфетку и поднимаясь на ноги. Интересно, а у апостола Павла пахло изо рта? Фред медленно плелся по коридору, засунув руки в карманы. Наверное, поэтому он и просидел в тюрьме весь остаток жизни. За это его и посадили…

Удачно она выбрала момент. Мало мне сегодняшнего тестирования вперемежку с пророчествами, так теперь еще и это. Проклятье!

Он шел, едва переставляя ноги и чувствуя себя все хуже и хуже. Мысли путались, голова гудела. Освежить дыхание… Попробовать микрин? Пожалуй.

Интересно, есть ли здесь аптека? Стоит купить и попробовать прямо сейчас, прежде чем подниматься к Хэнку. Может, это придаст мне уверенности. Улучшит мои шансы… Что угодно, лишь бы помогло. Годится любой совет. Любой намек… Черт подери, *что же мне делать?!*

Если сейчас меня снимут, я никогда их больше

не увижу, не увижу никого из своих друзей, тех, кого знал и за кем наблюдал. Ни Арктора, ни Лакмена, ни Джерри Фабина, ни Чарлза Фрека, ни, главное, Донну. Я никогда-никогда, до конца вечности, не увижу своих друзей. Все кончено.

Донна… Он вспомнил немецкую песню, которую в давние времена пел его двоюродный дед: «Ich seh', wie ein Engel im rosigen Duft / Sich tröstend zur Seite mir stellet», что, по его словам, означало «Я вижу, как она в образе ангела стоит рядом со мной и утешает» — речь шла о женщине, которую он любил и которая спасла его. Дед, давно умерший, родился в Германии и часто пел или читал вслух по-немецки.

> *Gott! Welch Dunkel hier! O grauenvolle Stille!*
>
> *Öd' ist es um mich her. Nichts lebet ausser mir…*[11]

Даже если мой мозг не выгорел окончательно, ко времени, когда я вернусь на службу, ими будет заниматься кто-нибудь другой. Или они умрут, или сядут, или попадут в федеральные клиники,

---

[11] Примечания: 11

(Из либретто, написанного Иосифом фон Соннлейтнером по повести Жана-Никола Булли «Леонора, или Супружеская любовь» к опере Бетховена «Фиделио».)

или просто разбредутся куда глаза глядят. С разбитыми планами, с рухнувшими надеждами… Выгоревшие и уничтоженные. Не соображающие, что же такое с ними происходит.

Так или иначе, для меня все кончено. Сам того не ведая, я с ними уже простился.

Мне остается лишь открутить ленту назад — чтобы вспомнить.

— Надо пойти в центр наблюдения… — Он пугливо оглянулся и замолчал.

Надо пойти в центр наблюдения и все оттуда унести, снова начал он, уже про себя. Пока не поздно. Ленты могут стереть, меня лишат доступа. К черту контору, пусть забирают себе остаток жалованья! По любым этическим нормам это *мои* записи: это все, что у меня осталось.

Но чтобы воспользоваться записями, понадобится проекционная аппаратура. Нужно разобрать ее и выносить по частям. Камеры и записывающие агрегаты мне ни к чему — только воспроизводящая часть, и прежде всего проекторы. Значит, справлюсь. Ключ от квартиры у меня есть. Его потребуют вернуть, но я прямо сейчас могу сделать дубликат. Замок стандартный. Справлюсь!

Им овладели злость и мрачная решимость. И

одновременно радость — все будет хорошо.

С другой стороны, подумал Фред, если забрать камеры и записывающую аппаратуру, я смогу продолжать наблюдение. Самостоятельно. А наблюдение продолжать необходимо. По крайней мере пока. Но ведь все в этом мире временно… Причем необходимо, чтобы наблюдателем был именно я. Даже если сделать что-либо не в моих силах; даже если я буду просто сидеть и просто наблюдать. Крайне важно, чтобы я как свидетель всех событий находился на своем посту.

Не ради них. Ради меня самого.

Впрочем, ради них тоже. На случай какого-нибудь происшествия, как с Лакменом. Если кто-то будет наблюдать — если я буду наблюдать, — я замечу и вызову помощь. Без промедления. Ту, которую надо.

Иначе они умрут, и никто не узнает. А если узнает, то тут же забудет.

Маленькие никудышные жизни, жалкое прозябание…

Кто-нибудь обязательно должен вмешаться. По крайней мере кто-нибудь обязательно должен помечать их маленькие грустные кончины. Помечать и регистрировать — для памяти. До лучших времен, когда люди поймут.

* * *

Он сидел в кабинете вместе с Хэнком, полицейским в форме и вспотевшим, но ухмыляющимся информатором Джимом Баррисом; слушали одну из доставленных Баррисом кассет; рядом крутилась другая кассета — копия для архива.

«— А, привет. Послушай, я не могу говорить.

— Когда?

— Я перезвоню.

— Дело не терпит отлагательства.

— Ну ладно, выкладывай.

— Мы собираемся…»

Хэнк подался вперед и жестом велел Баррису остановить ленту.

— Вы можете сказать, чьи это голоса, мистер Баррис?

— Да! — страстно заявил Баррис. — Женский голос — Донна Хоторн, мужской — Боб Арктор.

— Хорошо. — Хэнк кивнул и посмотрел на Фреда. На столе перед Хэнком лежал отчет о состоянии здоровья Фреда. — Включите воспроизведение.

«— …половину Южной Калифорнии сегодня ночью, — продолжал мужской голос. — Арсенал базы военно-воздушных сил в Ванденберге будет

атакован с целью захвата автоматического и полуавтоматического оружия…»

Баррис беспрестанно ухмылялся, поглядывая на всех по очереди. Его пальцы перебирали скрепки, валявшиеся на столе, сгибая их и разгибая, — казалось, он в поте лица плетет какую-то странную сеть из металлической проволоки.

Заговорила женщина:

«— Не пора ли пустить в систему водоснабжения нервно-паралитические яды, которые добыли для нас байкеры? Когда же мы наконец…

— В первую очередь организации нужно оружие, — перебил мужчина. — Приступаем к стадии Б.

— Ясно. Но сейчас мне надо идти — у меня клиент».

Клик. Клик.

— Я знаю, о какой банде байкеров идет речь. О ней упоминается на другой…

— У вас есть еще подобные материалы? — спросил Хэнк. — Или это практически все?

— Еще очень много.

— Все в том же духе?

— Да, они относятся к той же нелегальной организации и ее преступным замыслам.

— Кто эти люди? — спросил Хэнк. — Что за

организация?

— Международная…

— Их имена. Вы опять ушли в область догадок.

— Роберт Арктор, Донна Хоторн, это главари. В моих шифрованных записях… — Баррис извлек потрепанный блокнот, в спешке чуть не уронив его, и лихорадочно зашелестел страницами.

— Мистер Баррис, я конфискую все представленные материалы. Они временно переходят в нашу собственность. Мы сами все изучим.

— Но мой почерк и шифр, который я…

— Вы будете под рукой, когда нам понадобятся разъяснения.

Хэнк жестом велел полицейскому выключить магнитофон. Баррис потянулся к клавишам, и полицейский отпихнул его назад. Баррис, с застывшей на лице улыбкой, пораженно заморгал.

— Мистер Баррис, — торжественно сказал Хэнк, — вас не выпустят, пока мы не кончим изучение материалов. В качестве предлога мы обвиним вас в даче заведомо ложных показаний. Это делается лишь в целях вашей собственной безопасности, тем не менее обвинение будет предъявлено по всем правилам. Дело передадут прокурору, но пока заморозят. Это вас устраивает?

Он не стал ждать ответа и дал знак полицейскому.

Не переставая ухмыляться, Баррис позволил себя увести. В комнате остались Хэнк и Фред, сидевшие друг против друга за столом. Хэнк молча дочитал рапорт с медицинским заключением, снял трубку внутреннего телефона и набрал номер.

— У меня тут кое-какие новые материалы. Я хочу, чтобы вы посмотрели их и установили, сколько здесь фальшивок… Килограммов пять. Влезут в одну картонную коробку третьего размера. Спасибо.

— Лаборатория криптографии и электроники, — пояснил он Фреду.

Пришли два вооруженных техника в форме с огромным стальным контейнером.

— Нашли только это, — виновато произнес один из них.

Они принялись аккуратно загружать контейнер предметами со стола.

— Кто там внизу?

— Харли.

— Попросите Харли заняться этим немедленно. Результаты мне нужны сегодня.

Техники заперли стальной контейнер и выво-

локли его из кабинета.

Хэнк бросил медицинский отчет на стол и откинулся на спинку стула.

— Ну, что вы скажете о доказательствах Барриса?

— Это заключение о состоянии моего здоровья? — спросил Фред. Он потянулся было за отчетом, но передумал. — Та малость, которую мы прослушали, кажется подлинной.

— Фальшивка, — отрезал Хэнк.

— Возможно, вы правы, — сказал Фред, — хотя сомневаюсь.

— Ладно, подождем результатов.

— Что врачи…

— Они считают, что вы свихнулись.

Фред пожал плечами, стараясь, чтобы это выглядело понатуральнее.

— Совершенно?

Wie kalt ist es in diesem unterirdischen Gewölbe![12]

— Две-три клетки в мозгу, возможно, еще функционируют. Но не больше. Остальные закоротились.

---

[12] Примечания: 12

Как холодно в подземном этом склепе! *(Из либретто, написанного Иосифом фон Соннлейтнером по повести Жана-Никола Булли «Леонора, или Супружеская любовь» к опере Бетховена «Фиделио».)*

Das ist natürlich, es ist ja tief.[13]

— Вы говорите «две-три»? Из какого количества? — поинтересовался Фред.

— Не знаю. Насколько мне известно, в мозгу несметная уйма клеток. Миллиарды.

— А возможных соединений между ними, — заметил Фред, — больше, чем звезд во Вселенной.

— Если так, то вы показываете не лучший результат. Две-три клетки из… шестидесяти пяти триллионов?

— Скорее из шестидесяти пяти триллионов триллионов.

— Результат даже хуже, чем показала «Филадельфия Атлетикс» в прошлом сезоне.

— А если я скажу, что пострадал при исполнении?

— Что ж, по крайней мере сможете сколько хотите бесплатно читать «Сатердей ивнинг пост» и «Космополитен», сидя в приемных у врача.

— Где?

— А где бы вы хотели?

— Я подумаю, — нахмурился Фред.

— На вашем месте, — сказал Хэнк, — я бы на-

---

[13] Примечания: 13

Неудивительно, ведь здесь так глубоко. *(Из либретто, написанного Иосифом фон Соннлейтнером по повести Жана-Никола Булли «Леонора, или Супружеская любовь» к опере Бетховена «Фиделио».)*

плевал на все федеральные клиники, взял ящик хорошего коньяка, отправился в горы Сан-Бернардино и жил бы там один-одинешенек, пока все не кончится, возле какого-нибудь озера.

— Но это может никогда не кончиться.

— Тогда не возвращайтесь вовсе. Вы знаете кого-нибудь, у кого есть домик в горах?

— Нет.

— Вы в состоянии вести машину?

— Моя… — Фред неуверенно замолчал. На него внезапно навалилась вялость, расслабляющая сонливость. Происходящее словно совершалось за колышущейся пеленой; исказилось даже чувство времени. — Машина… — Он зевнул.

— Вы не помните.

— Я помню, что она неисправна.

— Вас кто-нибудь должен отвезти. Так будет безопаснее.

Отвезти меня куда? — удивился Фред. В горы? По дорогам, просекам, тропинам? Как кота на поводке, который мечтает попасть либо домой, либо на свободу? *Ein Engel, der Gattin, so gleich, der*

führt mich zur Freiheit ins himmlische Reich.[14]

— Конечно, — сказал он, испытывая облегчение. Рваться с поводка, стремясь к свободе… — Что вы теперь думаете обо мне… теперь, когда я выгорел, по крайней мере на время, возможно навсегда?

— Что вы — очень хороший человек.

— Спасибо, — пробормотал Фред.

— Возьмите с собой пистолет.

— Что?

— Когда поедете в горы Сан-Бернардино с ящиком коньяка, возьмите с собой пистолет.

— На случай, если ничего не получится?

— На любой случай, — сказал Хэнк. — При том количестве наркотиков, что, по их словам, вы принимаете… Возьмите пистолет и держите при себе.

— Хорошо.

— Когда вернетесь, позвоните. Дайте мне знать.

— Черт побери, у меня не будет костюма-болтуньи.

---

[14] Примечания: 14

Ангел, супруга ведет меня на свободу в Небесное царство. *(Из либретто, написанного Иосифом фон Соннлейтнером по повести Жана-Никола Булли «Леонора, или Супружеская любовь» к опере Бетховена «Фиделио».)*

— Все равно позвоните.

— Хорошо, — повторил Фред.

Очевидно, это уже не имеет значения. Очевидно, все кончено.

— Когда будете получать деньги, увидите, что сумма другая, причем отличие весьма существенно.

— Я получу вознаграждение за то, что со мной случилось? — спросил Фред.

— Наоборот. Сотрудник полиции, добровольно ставший принимать наркотики и не сообщивший об этом, подвергается штрафу в три тысячи долларов и/или шестимесячному тюремному заключению. Думаю, в вашем случае дело ограничится штрафом.

— Добровольно? — изумленно переспросил Фред.

— Вам не приставляли к голове револьвер, не подсыпали ничего в суп. Вы принимали разрушающие психику наркотики в здравом уме и твердой памяти.

— У меня не было выхода!

— Вы могли только делать вид, — отрезал Хэнк. — Большинству агентов это удается. А судя по количеству, которое вы принимаете…

— Вы говорите со мной как с преступником. Я

не преступник.

Достав блокнот и ручку, Хэнк принялся подсчитывать.

— По какой ставке вам платят? Я могу рассчитать…

— А нельзя заплатить штраф потом? Скажем, в рассрочку, помесячно, в течение двух лет?

— Бросьте, Фред.

— Ладно.

— Так сколько вам платят в час?

Он не помнил.

— Ну хорошо, сколько у вас официальных рабочих часов?

Тем более.

Хэнк бросил блокнот на стол.

— Хотите сигарету? — Он предложил свою пачку.

— Я с курением завязываю, — пробормотал Фред. — С курением, с наркотиками… Со всем… Включая арахис и…

Мысли путались. Оба сидели молча, одинаковые в костюмах-болтуньях.

— Я не раз говорил своим детям… — начал Хэнк.

— У меня двое детей, — перебил Фред. — Две девочки.

— Не верю. У вас не должно быть детей.

— Пожалуй… — Он попытался прикинуть, когда начнется ломка и сколько еще таблеток препарата «С», припрятанных в разных местах, у него осталось. И сколько денег за них можно выручить.

— Хотите я все-таки подсчитаю, сколько вы получите при расчете? — спросил Хэнк.

— Да! — горячо воскликнул Фред. — Пожалуйста!

Он подался вперед и напряженно застыл, барабаня пальцами по столу, как Баррис.

— Сколько вы получаете в час? — снова спросил Хэнк и, не дождавшись ответа, потянулся к телефону. — Я позвоню в бухгалтерию.

Фред молчал, опустив голову и прикрыв глаза. Может быть, Донна мне поможет? Донна, пожалуйста, помоги мне!

— По-моему, до гор вы не дотянете, — сказал Хэнк. — Даже если кто-нибудь вас отвезет.

— Пожалуй.

— Куда вы хотите?

— Посижу подумаю…

— В федеральную клинику?

— Нет!

Наступило молчание.

Интересно, что значит: «не должно быть» детей?

— Может, к Донне Хоторн? — предложил Хэнк. — Насколько я смог понять из ваших донесений и вообще, вы близки.

— Да. Близки… — Фред кивнул и тут же резко поднял голову. — Как вы узнали?

— Методом исключения. Известно, кем вы *не* являетесь, а круг подозреваемых в группе весьма ограничен. Прямо скажем, группа совсем маленькая. Планировалось выйти через них на кого-нибудь уровнем выше; тут ключевая фигура Баррис. Мы с вами немало часов провели за разговорами, и я давным-давно сообразил: вы Арктор.

— Я… кто? — недоверчиво спросил Фред, вытаращив глаза на костюм по имени Хэнк. — *Боб Арктор?!*

Нет, это невероятно. Сущая бессмыслица. Не лезет ни в какие ворота. Просто чудовищно!

— Впрочем, не важно, — продолжал Хэнк. — Какой телефон у Донны?

— Она, наверное, на работе. — Его голос срывался. — Парфюмерный магазин. Номер телефона… — Он никак не мог справиться со своим голосом. Какой же у нее номер? Черта с два, я не Боб Арктор. Но тогда кто? Может быть, я…

— Дайте мне рабочий телефон Донны Хоторн, — велел Хэнк в трубку. — Я соединю вас с ней. Нет, пожалуй, позвоню ей сам и попрошу заехать за вами… куда? Мы вас отвезем: сюда ей нельзя. Где вы обычно встречаетесь?

— Отвезите меня к ней домой, — попросил Фред. — Я знаю, как попасть в квартиру.

— Я скажу ей, что вы там и решили завязать. Просто скажу, что я знакомый и вы попросили позвонить.

— Да-да… я понимаю, — сказал Фред. — Спасибо, друг.

Хэнк кивнул и начал набирать номер. Цифры набирались чудовищно медленно, целую вечность. Фред закрыл глаза, прислушиваясь к своему дыханию.

Все, конец! Спекся, выгорел, накрылся. Накрылся медным тазом.

Ему хотелось рассмеяться.

— Отвезем вас… — начал Хэнк, потом отвернулся и заговорил в трубку: — Эй, Донна, это дружок Боба, сечешь? Он совсем расклеился. Полный облом. Нет, точно, без балды. Слушай, у него…

Донна, поторопись! И захвати с собой что-нибудь — мне плохо, совсем плохо… Он подался вперед, хотел коснуться Хэнка, но не сумел — ру-

ка бессильно упала.

— Я в долгу не останусь. Если что, положись на меня, — пообещал он Хэнку, когда тот закончил разговор.

— Посидите, пока я вызову машину… Гараж? Мне нужна машина и водитель в штатском… Что там у вас сейчас есть?

Они прикрыли глаза и стали ждать. Два расплывчатых пятна…

— Лучше бы вам в больницу, — обеспокоенно произнес Хэнк. — Я вижу, дела совсем плохи. Может, вас отравил Баррис? На самом деле мы интересовались Джимом Баррисом, а не вами. И аппаратуру установили ради него. Мы надеялись заманить его сюда… и добились этого. — Хэнк помолчал. — Вот почему я практически уверен, что все его записи и прочие доказательства — фальшивка. Но сам Баррис замешан в чем-то по-крупному. Завяз по уши, причем это связано с оружием.

— А зачем тогда я? — неожиданно громко спросил Фред.

— Нам надо было спровоцировать Барриса…

— Вот ублюдки…

— Мы сделали так, что Баррис стал подозревать в вас тайного агента полиции, готового аресто-

вать его или выйти выше. Поэтому он…

Зазвонил телефон.

— Машина сейчас придет, — сказал Хэнк. — Подождите пока, Боб. Боб, Фред — как угодно. Не расстраивайтесь, мы все-таки взяли этого… ну, как вы выразились в наш адрес. Вы же понимаете, что игра стоила свеч, правда? Заманить его в ловушку… правда?

— Правда.

Это был уже не голос, а механический скрежет.

Два человека молча сидели в комнате.

* * *

По дороге в «Новый путь» Донна съехала с шоссе на обочину. Отсюда, с высоты, были хорошо видны городские огни. У Арктора уже начались боли, и времени оставалось совсем немного. Ей хотелось побыть с ним еще. Нельзя было так долго откладывать… По его щекам струились слезы, приступы тошноты становились все чаще.

— Посидим немного, — сказала она, ведя его за руку через заросшую песчаную пустошь, среди мусора и пустых банок. — Я…

— Твоя трубочка… ты ее взяла? — с трудом выговорил он.

— Да, — ответила Донна.

Надо отойти от шоссе достаточно далеко, чтобы не заметила полиция. Или чтобы можно было успеть выкинуть трубку, если к ним подберутся. Коп, как всегда, остановит машину поодаль, на шоссе, с выключенными фарами, и пойдет дальше пешком. Так что времени хватит.

На это хватит, подумала она. На то, чтобы уйти от лап закона. А вот у Боба Арктора времени больше нет. Его время — по крайней мере, выраженное человеческими мерками — вышло. Теперь он вступил в иной род времени. Таким временем располагает крыса: чтобы бессмысленно бегать взад-вперед. Ни о чем не думая: взад-вперед, взад-вперед… Он, по крайней мере, видит огни вокруг. Хотя ему, наверное, уже все равно.

Вот подходящее местечко, со стороны незаметно. Донна достала трубку и завернутый в фольгу кусочек гашиша. Арктор сидел, зажав руками сведенный судорогой живот. Его рвало, штаны пропитались мочой. Удержаться он не мог; скорее всего, он ничего и не замечал. Просто скорчился с искаженным лицом, дрожа от боли, и мучительно стонал, выл безумную песнь без слов.

Донна вспомнила одного знакомого, который видел Бога. Тот тоже себя так вел — стонал и

плакал, разве что не гадил. Бог предстал перед ним в одном из кислотных глюков. Этот парень экспериментировал с растворимыми в воде витаминами — принимал их в огромных дозах. По идее, ортомолекулярный состав должен был подстегивать и синхронизировать нервные возбуждения в мозгу. Однако вместо того, чтобы лучше соображать, парень увидел Бога. Это явилось для него колоссальным сюрпризом.

— Ты не знаешь, случаем, Тони Амстердама? — спросила Донна. Боб Арктор лишь замычал.

Донна затянулась из гашишной трубки, посмотрела на лежащие внизу огни, прислушалась.

— После того как он увидел Бога, примерно год ему было очень хорошо. А потом стало очень плохо. Хуже, чем когда-либо. Потому что в один прекрасный день он понял, что ему суждено прожить всю оставшуюся жизнь — и не увидеть ничего необычного. Только то, что видим все мы. Ему было бы гораздо легче, если бы он вовсе не видел Бога. Он мне сказал, что как-то раз буквально рассвирепел: ломал все подряд, разбил даже свою стереосистему. Он понял, что ему придется жить и жить, ничего вокруг себя не видя. Без цели. Просто кусок мяса — жрущий, пьющий, храпящий и вкалывающий.

— Как мы все… — выдавил Боб Арктор. Слова давались с трудом, вызывая позыв рвоты.

— Так я ему и заявила: «Мы все в одной лодке, и остальные от этого не бесятся». А он ответил: «Ты не знаешь, что я видел. Ты не знаешь».

Арктора скрутил спазм, и он с трудом выдохнул:

— Он не сказал… как это было?

— Искры. Фонтаны разноцветных искр, словно у тебя свихнулся телик. Искры на стене, искры в воздухе. Весь мир — как живое существо, куда ни посмотри. И никаких случайностей; все происходило осмысленно, будто стремясь к чему-то, к некой цели в будущем. А потом он увидел дверь. Примерно с неделю он видел дверь повсюду у себя дома, на улице, в магазине… Она была всегда одинакового размера, очень узкая и такая… приятная; Тони так и сказал — приятная. Обрисованная алыми и золотистыми лучами, будто искры выстроились в ряд. И потом ни разу в жизни он ничего такого не видел, и именно это в конечном счете его и доконало.

— А по ту сторону… что? — немного помолчав, спросил Арктор.

— Другой мир — его было видно.

— И что… он так туда и не зашел?

— Потому и переломал все у себя в квартире. Ему и в голову не пришло войти. Он просто восхищался дверью. Потом было уже поздно. Через несколько дней дверь закрылась и исчезла навсегда. Снова и снова он принимал лошадиные дозы ЛСД, глотал бешеное количество растворимых витаминов, но больше никогда ее не видел — так и не нашел нужную комбинацию.

— Что было по ту сторону? — повторил Арктор.

— Там всегда стояла ночь.

— Ночь!

— Всегда одно и то же: лунный свет и вода. Безмолвие и покой. Вода, черная, как чернила, и берег, песчаный берег острова. Он был уверен, что это Греция. Древняя Греция. Ему казалось, что дверь — это проем во времени и перед ним прошлое… Потом, после всего, он вечно выходил из себя, когда ехал по шоссе, — не мог вынести всего этого движения, шума и грохота. И все гадал, зачем ему показали другой мир. Тони и в самом деле верил, что видел дверь, хотя в конечном счете она только свела его с ума и больше ничего. Слишком он переживал, что не смог удержать ее, вот и свихнулся. Каждому, кого встречал, начинал жаловаться, что все потерял.

— Совсем как я, — проговорил Арктор.

— Еще на острове была женщина. Ну, не совсем женщина — скорее статуя. Тони говорил, что это Афродита. В лунном свете, бледная, холодная, сделанная из мрамора.

— Он должен был пройти в дверь, пока еще мог.

— Ничего он не мог. Это было лишь обещание — того, что будет, чего-то хорошего, что придет когда-нибудь. Когда-нибудь потом… — Донна запнулась, — после смерти.

— Он облажался… Каждому дается один шанс… — Арктор закрыл глаза от боли, на лице выступил пот. — А, что может знать выгоревший торчок?! Что знаем мы?.. Я не могу говорить. Прости. — Он отвернулся, съежился, зубы застучали.

Она обняла его, крепко прижала к себе и стала укачивать, как младенца.

— Ты очень хороший, просто тебе не повезло. Однако жизнь продолжается. Я очень люблю тебя. Я хочу, чтобы…

Она замолчала, продолжая обнимать его во тьме. Во тьме, которая продолжала, несмотря на все ее усилия, пожирать его изнутри.

— Ты такой хороший и добрый, и все это несправедливо, но так уж получилось. Ты просто подожди: когда-нибудь, хотя, может быть, и очень

не скоро, ты будешь видеть так, как раньше. Все вернется.

Обязательно вернется. Наступит день, подумала она, когда все, что было несправедливо отнято у людей, будет им возвращено. Через тысячу лет или еще позже, но этот день придет, и по всем счетам будет уплачено. Может, и тебе, как Тони Амстердаму, уже являлся Бог. Явился и исчез — на время. Может, в твоем выжженном мозгу с его закороченными и обугленными цепями, которые продолжают распадаться даже сейчас, когда я обнимаю тебя, уже успела сверкнуть, переливаясь всеми цветами радуги, та волшебная искра, которая проведет тебя через страшные годы, что ждут впереди. Какое-нибудь слово, не до конца понятое, что-нибудь увиденное мельком, неосознанно — крошечный осколок звезды, таящийся среди отбросов этого мира, — поможет тебе продержаться и увидеть тот день, который настанет… о, так не скоро! Трудно даже представить себе когда. Остается лишь ждать и надеяться.

Но однажды — если повезет и это повторится — он узнает, он вспомнит: нужное полушарие сможет сравнить и распознать образы. Хотя бы на подсознательном уровне, самом доступном. И тогда этот ужасный, мучительный и, казалось

бы, бессмысленный путь закончится…

В глаза ударил свет. Перед ней стоял полицейский с фонариком и дубинкой.

— Встаньте, пожалуйста! Ваши документы! Вы сперва, мисс.

Она отпустила Арктора, и тот медленно повалился на землю, даже не заметив появления патрульного, который бесшумно подкрался по склону холма. Достав из сумочки бумажник, Донна жестом предложила отойти подальше. Полицейский несколько минут рассматривал документы при свете фонарика.

— Значит, вы тайный агент федеральной полиции? — Он направил луч ей в лицо.

— Тихо! — приказала Донна. — Убирайтесь отсюда!

— Простите.

Полицейский отдал бумажник и исчез в темноте так же бесшумно, как и появился.

Донна вернулась к Бобу Арктору. Тот ничего и не заметил. Он теперь вообще ничего не замечал. Пожалуй, даже ее, не говоря уже обо всем остальном.

Снизу послышался шум отъехавшей патрульной машины. Наступила тишина. Лишь в сухом кустарнике шелестела ящерица да какие-то

жучки колыхали сухую траву. Далеко внизу светилось огнями шоссе № 91, но звуки не долетали.

— Боб, — прошептала Донна. — Ты меня слышишь?

Тишина.

Все цепи замкнуты, подумала она. Все расплавилось и сгорело. И никому не удастся починить, как ни старайся. А они будут стараться…

— Идем, — сказала Донна, потянув его за руку. — Нам пора.

— Я не могу любить, — произнес Боб Арктор. — Моей штучки больше нет.

— Нас ждут, — твердо повторила она.

— Но что же делать? Меня примут без штучки?

— Обязательно примут.

Поистине нужна великая мудрость, чтобы решать, когда поступать несправедливо. Как вообще справедливость может пасть жертвой целесообразности? Как? На этом мире лежит проклятие, и вот самое лучшее тому доказательство. Видимо, где-то, на самом глубоком уровне, главный механизм всего, первооснова всех вещей, распался на части, раз мудрость и целесообразность требуют от нас совершения такого количества грязных дел! Должно быть, все это началось тысячелетия назад, а теперь зло проникло

повсюду, пропитало все вокруг. И нас тоже… Мы не можем шевельнуться, не можем открыть рта, чтобы не свершить зла. Мне наплевать, как все это началось, когда и почему, я лишь надеюсь, что оно когда-нибудь закончится. Как с Тони Амстердамом: однажды потоки многоцветных искр вернутся, и на сей раз их увидят все. И вновь возникнет узкая дверь, за которой — мир и покой. Статуя, море и лунный свет. И ничто и никогда больше не нарушит этого волшебного покоя.

Так все было много, много лет назад. До проклятия, в золотом веке, когда мудрость и справедливость означали одно и то же и составляли единое целое. Которое потом разбилось вдребезги, на безобразные осколки, которые, как ни старайся, вместе не собрать.

Где-то внизу, среди россыпи городских огней, взревела полицейская сирена. Патрульная машина ведет преследование. Рев хищника, обуреваемого жаждой убийства. Знающего, что жертва выдохлась.

Донна поежилась — ночной воздух заметно остыл. Пора идти. Да, это не золотой век, подумала она, тогда не было таких звуков в темноте. Может быть, и я издаю такой же звериный вой, когда догоняю свою добычу? Догоняю и вонзаю

в нее когти…

Мужчина рядом с ней зашевелился и застонал. Она помогла ему встать на ноги и осторожно, шаг за шагом, повела к автомобилю.

Сирена внезапно смолкла: дичь схвачена, работа выполнена. Моя тоже, подумала Донна, прижимая к себе Боба Арктора.

* * *

На полу перед двумя служащими «Нового пути» скорчилось вонючее, запачканное собственными испражнениями, трясущееся существо. Оно обвило себя руками, словно пытаясь защититься от холода.

— Что это? — спросил один из служащих.

— Человек, — ответила Донна.

— Препарат «С»?

Она молча кивнула. И, склонившись над Робертом Арктором, мысленно сказала: «Прощай».

Когда Донна выходила, его накрывали армейским одеялом.

Выехав на ближайшее шоссе, она влилась в сплошной поток машин. Среди валявшихся на полу кассет нашла свою самую любимую — «Гобелен» Кэрол Кинг, — втолкнула ее в магнитофон и достала из-под приборной доски держащийся

там на магнитах «рюгер». Потом села на хвост грузовику с кока-колой и под проникновенный голос Кэрол Кинг выпустила по бутылкам всю обойму.

Кэрол Кинг нежно пела о людях, заплывающих жиром и превращающихся в жаб; ветровое стекло было в стеклянных крошках и подтеках кока-колы. Донне стало легче.

Справедливость, честность, преданность… Как чужды они этому миру, подумала Донна, врубила пятую передачу и, призвав на помощь небесные силы, на всем ходу ударила своего извечного врага — грузовик с кока-колой. Тот продолжал ехать как ни в чем не бывало. Маленькая машина Донны завертелась, что-то заскрежетало, и она оказалась на обочине, развернувшись в обратном направлении. Из-под капота валил пар, фары погасли; из проезжавших машин высовывались удивленные лица.

— Иди, иди сюда, ублюдок! — прошипела Донна, но грузовик уже уехал далеко вперед, разве что слегка поцарапанный. Что ж, рано или поздно она должна была начать свою маленькую персональную войну: нанести удар по символу всего того, что давило на нее извне. Теперь мне повысят страховочные взносы, покачала головой

Донна, выбираясь из разбитой машины. В этом мире за право поединка со злом приходится платить звонкой монетой.

Рядом притормозил «Мустанг» последней модели, и из окошка высунулся водитель.

— Подбросить, мисс?

Донна не ответила. Она молча шагала вдоль шоссе — крохотная фигурка, идущая навстречу бесконечной череде огней.

Глава 14

В общей гостиной Самарканд-хауса, жилого комплекса «Нового пути» в Санта-Ане, штат Калифорния, была пришпилена к стене вырезка из журнала:

> Если впавший в детство пациент, проснувшись утром, зовет свою мать, напомните ему, что она давно скончалась, что ему самому уже за восемьдесят и он живет в доме для престарелых, что год сейчас не 1913-й, а 1992-й и что следует смотреть фактам в глаза и не…

Кто-то из постояльцев оторвал остаток статьи, напечатанной на глянцевой бумаге, — очевидно, из какого-то специального журнала для медсестер.

— Самое главное в твоей работе, — сказал Джордж, служащий «Нового пути», — это туалеты. Полы, раковины и особенно унитазы. В здании три туалета, по одному на каждом этаже.

— Да, — отозвался он.

— Вот швабра. А вот ведро. Ну как, справишься?

Сумеешь вымыть туалет? Начинай, я погляжу.

Он отнес ведро к раковине, влил мыло и пустил горячую воду. Он видел перед собой только пену. Видел пену и слышал звон струи.

И еще едва доносящийся голос Джорджа:

— Не до краев, прольешь.

— Да.

— По-моему, ты не очень-то понимаешь, где находишься, — помолчав, сказал Джордж.

— Я в «Новом пути».

Он опустил ведро на пол; вода выплеснулась. Он застыл, глядя на лужицу.

— Где в «Новом пути»?

— В Санта-Ане.

Джордж поднял ведро и показал, как ухватиться за ручку и нести, чтобы не разлить.

— Думаю, позже мы переведем тебя на ферму. Хотя перво-наперво займешься мытьем посуды.

— Я это могу. Посуду.

— Ты животных любишь?

— Да, конечно.

— А растения?

— Животных.

— Посмотрим. Сначала познакомимся с тобой поближе. Так или иначе, каждый должен месяц мыть посуду. Все новенькие без исключения.

— Я бы хотел жить в деревне.

— У нас много всякой работы, посмотрим, что тебе подойдет… Здесь можно курить, хотя это и не приветствуется. Не то что в «Синаноне» — там вообще не разрешают.

— У меня больше нет сигарет.

— Мы выдаем пациентам по пачке в день.

— А деньги? — У него не было ни гроша.

— Бесплатно. У нас все бесплатно. Ты свое уже заплатил.

Джордж взял швабру, макнул ее в ведро, показал, как мыть.

— Почему у меня нет денег?

— И нет бумажника, и нет фамилии. Потом вернут, все вернут.

Это мы и хотим сделать — вернуть тебе то, что было отнято.

— Ботинки жмут.

— Мы живем на пожертвования. Потом подберем. А ты в ящике с обувью хорошо смотрел?

— Да.

— Ну ладно, вот туалет первого этажа, начинай с него. Когда закончишь — по-настоящему закончишь и блеск наведешь, — бери ведро и швабру и поднимайся. Я покажу тебе туалет на втором этаже, а потом и на третьем. Но чтобы поднять-

ся на третий этаж, надо получить разрешение — там живут девушки, так что сперва спроси кого-нибудь из персонала. — Джордж хлопнул его по спине. — Ну как, Брюс, понял?

— Да, — ответил Брюс, надраивая пол.

— Молодец. Будешь мыть туалеты, пока не выучишься. Главное, не какая у тебя работа, а то, как ты ее выполняешь. Своей работой надо гордиться.

— Я когда-нибудь стану таким, каким был прежде? — спросил Брюс.

— То, каким ты был, привело тебя сюда. Если снова станешь таким же, рано или поздно опять очутишься здесь. А может, в следующий раз и не дотянешь. Тебе и так повезло, еле-еле добрался.

— Меня кто-то привез.

— Тебе повезло. В следующий раз могут не привезти — бросят где-нибудь на обочине и пошлют к чертовой матери…

Брюс слушал и продолжал мыть пол.

— Лучше начинай с раковины, потом ванну и унитаз. Пол в последнюю очередь.

— Хорошо, — сказал он и отставил швабру в сторону.

— Тут нужна сноровка. Ничего, освоишься.

Брюс сосредоточил внимание на трещинах в

эмали раковины: втирал туда порошок и пускал горячую воду. Над раковиной поднимался пар, и он застыл в белесом облаке, глубоко втягивая теплый воздух. Ему нравился аромат.

* * *

После завтрака он сидел в гостиной и пил кофе, прислушиваясь к разговорам вокруг. Здесь все друг друга знали.

— Если бы ты оказался внутри мертвого тела, то видеть бы мог, а вот сфокусировать взгляд не мог бы, потому что тут нужны глазные мышцы. Ни голову повернуть, ни глазные яблоки; пришлось бы ждать, пока кто-нибудь пройдет мимо. Просто жуть — лежать неподвижно и ждать.

Брюс смотрел не отрываясь на пар, поднимавшийся из кружки. Какой приятный аромат…

— Эй! — Чья-то рука дотронулась до его плеча. Женская рука. — Эй!

Он на мгновение поднял глаза.

— Как дела? — спросила женщина.

— Нормально.

— Как ты себя чувствуешь, получше?

— Нормально.

Он смотрел в кружку с кофе и вдыхал пар, не обращая внимания ни на женщину, ни на осталь-

ных. Смотрел только вниз, на кофе. Ароматное тепло. Как хорошо…

— Ты увидишь кого-нибудь, только если он пройдет прямо перед тобой. А если что-то, например лист, упадет тебе на глаза, то ты будешь видеть его вечно. Только лист, и ничего больше.

— Нормально, — повторил Брюс, поднимая кружку обеими руками.

— Представь, что ты в состоянии лишь ощущать. Просто смотришь, но не живешь. Человек может умереть — и при этом продолжать существовать. Иногда из глаз человека выглядывает то, что умерло еще в детстве; умерло, но по-прежнему смотрит оттуда. И это смотрит не пустое тело, а то, что внутри него, — оно умерло, но продолжает смотреть, смотреть, смотреть и не может остановиться.

— Это и есть смерть, — сказал еще кто-то, — когда смотришь на то, что перед глазами, и не можешь отвести взгляд. Какая бы чертовщина там ни была, ты не в силах ничего изменить, посмотреть в сторону. Остается только смириться и принять то, что есть.

— А если вечно пялиться на банку пива? Не так уж плохо, а?

* * *

Перед обедом был дискуссионный час. Ведущие из числа персонала писали на доске тезисы, а затем начиналось общее обсуждение.

Брюс сидел, сложив руки на коленях, смотрел в пол и слушал, как закипает большой электрический кофейник. «Фу-фууу!» — завывал кофейник, и от этого звука делалось страшно.

«Живое и неживое обмениваются свойствами».

Рассевшись на складных стульях, аудитория принялась обмениваться мнениями. Эта тема, похоже, обсуждалась далеко не в первый раз; видимо, в «Новом пути» так было принято: думать снова и снова об одном и том же.

«Внутренняя энергия неживого больше, чем внутренняя энергия живого».

Страшное «фу-фууу» звучало все громче, но Брюс не двигался и не поднимал глаз, просто сидел и слушал. Из-за кофейника было трудно понять, о чем говорят вокруг.

— Мы накапливаем внутри себя слишком много энергии неживого и обмениваемся… Черт побери, кто-нибудь разберется с этим кофейником?!

Наступила пауза. Брюс сидел, глядя в пол, и

ждал.

— Я напишу еще раз: «Мы отдаем слишком много жизненной силы в обмен на окружающую реальность».

Обсуждение продолжилось. Кофейник умолк, и все заторопились к нему с кружками наготове.

— Хочешь кофе? — Голос сзади, рука на плече. — Нед? Брюс?.. Как его зовут — Брюс?

— Да.

Он встал и пошел вслед за всеми, ожидая своей очереди. Налив в кофе сливки и положив сахар, вернулся на место, сел на тот же самый стул и стал слушать дальше. Теплый кофе и ароматный пар. Хорошо…

«Активность не обязательно означает жизнь. Квазары активны, а медитирующий монах вовсе не мертв».

Брюс сидел, глядя в пустую фарфоровую кружку. Перевернув ее, он нашел фабричную марку. Сделана в Детройте.

«Движение по круговой орбите — абсолютное проявление неживого».

— Время, — произнес чей-то голос.

Он знал ответ: время идет по кругу.

— Верно, пора заканчивать. Кто-нибудь может кратко сформулировать вывод?

— Закон выживания — надо двигаться по пути наименьшего сопротивления. Следовать, а не направлять.

— Да, ведомые переживают ведущих, — прозвучал другой голос, постарше. — Вспомните Христа. Именно так, а не наоборот.

— Пора обедать — в пять пятьдесят Рик перестанет пускать.

— Поговорим об этом позже, во время Игры.

Скрип стульев… Брюс тоже поднялся, поставил свою кружку на поднос к остальным и присоединился к толпе выходящих. От них пахло одеждой. Приятный запах, только холодный…

Кажется, они хотят сказать, что пассивная жизнь — это хорошо. Но пассивной жизни просто не бывает. Здесь противоречие.

Что такое жизнь, в чем ее смысл?

* * *

Прибыла огромная охапка пожертвованной одежды. Кое-кто уже примерял рубашки.

— Эй, Майк, да ты клевый чувак!

Посреди гостиной стоял плечистый коротышка с кудрявыми волосами и, нахмурив брови, теребил ремень.

— Как им пользоваться? Почему не регулиру-

ется? — У него был широкий ремень без пряжки, и он не знал, как застопорить кольца. — Должно быть, подсунули негодный!

Брюс подошел к нему и затянул ремень в кольцах.

— Спасибо, — сказал Майк и, задумчиво выпятив губы, перебрал несколько рубашек. — Когда буду жениться, на свадьбу надену такую.

— Ничего, — кивнул Брюс.

Майк приложил к себе рубашку, отделанную на груди кружевами, и повернулся к двум женщинам, стоявшим у стены.

— Сегодня закачу вечеринку!

Женщины улыбнулись.

— Ну все! Обед! — громко объявил дежурный и подмигнул Брюсу. — Как жизнь, приятель?

— Нормально.

— Что дрожишь, замерз?

— Да, — кивнул он, — отходняк. Мне бы аспиринчику или…

— Никаких таблеток, — отрезал дежурный. — Иди-ка лучше поешь. Как аппетит?

— Лучше… — Он покорно поплелся в столовую. Люди за столиками смотрели на него с улыбкой.

* * *

После ужина Брюс уселся на лестнице между первым и вторым этажами. Сидел на ступеньках, сгорбившись и обхватив себя руками, и смотрел, смотрел… Вниз, на темный ковер под ногами.

— Брюс!

Он не шелохнулся.

— Брюс!

Его потрясли.

Он молчал.

— Брюс, идем в гостиную. Ты должен сейчас находиться у себя в комнате, в постели, но нам надо поговорить.

Майк спустился с ним по лестнице в пустую гостиную и прикрыл дверь. Потом сел в глубокое кресло и указал на стул напротив. Майк выглядел усталым, его маленькие глазки припухли и покраснели.

— Я встал сегодня в пять тридцать. — Стук. Дверь приотворилась. — Не входите, мы разговариваем! Слышите?! — во весь голос закричал он.

Приглушенное бормотание. Дверь закрылась.

— Тебе надо менять рубашку несколько раз в день, — сказал Майк. — Сильно потеешь.

Брюс кивнул.

— Ты из каких краев?

Он промолчал.

— Когда тебе снова будет так плохо, приходи ко мне. Я прошел через это года полтора назад. Знаешь Эдди? Такой высокий, тощий, на всех наезжает. Он меня восемь дней катал на машине, не оставлял одного. — Майк внезапно заорал: — Вы уберетесь отсюда?! Мы разговариваем! Идите смотреть телевизор! — Он перевел взгляд на Брюса и понизил голос: — Вот, приходится… Никогда не оставят в покое.

— Понимаю, — сказал Брюс.

— Брюс, не вздумай покончить с собой.

— Да, сэр, — ответил Брюс, глядя в пол.

— Не называй меня «сэр»!

Он кивнул.

— Ты служил в армии, Брюс? Там все и началось? Ты в армии подсел?

— Нет.

— Ты закидывался или кололся?

Молчание.

— «Сэр»… — усмехнулся Майк. — А я десять лет срок мотал. Однажды восемь парней с нашего этажа в один день перерезали себе глотки. Мы спали ногами в параше, такие маленькие были камеры. Ты никогда не сидел в тюрьме?

— Нет, — ответил Брюс.

— С другой стороны, я видел восьмидесятилетних заключенных, которые радовались жизни и мечтали протянуть подольше. Я сел на иглу еще совсем сосунком. Я кололся и кололся и наконец загремел на десять лет. Я так много кололся — героин с препаратом «С», — что ничего другого никогда не делал. И ничего больше не видел. Теперь я сошел с иглы и очутился здесь. Знаешь, что я заметил? Самое главное, что изменилось? Я начал *видеть.* И слышать. Например, журчание ручьев, когда нас пускают в лес, — тебе потом покажут наши фермы и все прочее. Я иду по улице, просто по улице, и вижу собак и кошек, даже маленьких. Никогда их раньше не замечал. Я видел только иглу. — Майк посмотрел на часы. — Так что я понимаю, каково тебе, — добавил он.

— Тяжело…

— Всем здесь было тяжело. Многие, конечно, потом опять начинают. Если бы ты сейчас ушел, тоже бы начал, сам знаешь.

Брюс кивнул.

— Здесь каждому есть что вспомнить. Я не говорю, что тебе легче, чем другим. Эдди — другое дело: он бы сказал, что все твои проблемы — лажа. Ничьи проблемы не лажа. Я вижу, как тебе

плохо, я сам прошел через это. Теперь мне гораздо лучше. Ты с кем живешь?

— С Джоном.

— Значит, твоя комната на первом этаже?

— Мне нравится.

— Да, там тепло. Ты, должно быть, все время мерзнешь. Я тоже постоянно дрожал и делал в штаны. Но знаешь, тебе не придется переживать это заново, если ты останешься в «Новом пути».

— Надолго?

— На всю жизнь.

Брюс поднял глаза.

— Я, к примеру, выйти отсюда не могу, — сказал Майк. — Сразу сяду на иглу. Слишком много дружков осталось. Опять на улицу — толкать и колоться, — загремлю в тюрягу лет на двадцать. А знаешь, мне тридцать пять, и я женюсь в первый раз. Ты видел Лору, мою невесту?

— Мм…

— Ну, такая хорошенькая, пухленькая?

Брюс кивнул.

— Она боится выходить отсюда. С ней всегда должен кто-то быть. Мы собираемся в зоопарк… На следующей неделе мы ведем сына директора-распорядителя в зоопарк Сан-Диего. Лора перепугана до смерти… Даже больше, чем я.

Молчание.

— Ты слышал, что я сказал? — спросил Майк. — Я боюсь идти в зоопарк.

— Да.

— Не припомню, чтобы я был в зоопарке… Что там делают? Ты не знаешь?

— Смотрят в разные клетки и вольеры…

— А какие там животные?

— Разные…

— Дикие небось. И всякие редкие.

— В зоопарке Сан-Диего почти все есть.

— А у них есть эти… как их… медведи коала?

— Есть, — кивнул Брюс.

— Я раз видел рекламу по телику, с коалами. Там они прыгают. И вообще прямо как игрушечные.

— Я слышал, что первых плюшевых медведей — тех, в которых дети играют, — делали с коал, еще в двадцатых.

— Не может быть. Их ведь, наверное, встретишь только в Австралии? Или они вообще вымерли?

— В Австралии их навалом, — сообщил Брюс. — Но вывозить запрещено — ни живых, ни шкуры. Их охраняют.

— Я никогда нигде не был, — сказал Майк. — Только возил героин из Мексики в Ванкувер.

Всегда одним и тем же путем. Жал на всю катушку, лишь бы поскорее покончить с делом. Здесь мне доверили машину. Если тебе станет невмоготу, я тебя покатаю. Покатаемся и поговорим. Я не против. Эдди и другие — их уже нет здесь — делали это для меня. Я не против.

— Спасибо.

— А теперь пора в койку. Тебе завтра на кухню? Ну там — столы накрывать и все такое?

— Нет.

— Тогда мы встаем в одно и то же время. Увидимся за завтраком. Сядешь ко мне за стол, и я познакомлю тебя с Лорой.

— Когда вы женитесь?

— Через полтора месяца. Обязательно приходи. Хотя, конечно, свадьба будет здесь, так что все и так придут.

— Спасибо.

Игра… Они орали на него что есть мочи. Вопящие рты со всех сторон. Брюс молча сидел и смотрел в пол.

— Знаете, кто он? Гомик! — Визгливый голосок заставил его поднять глаза. Прищурившись, он разглядел среди искаженных ненавистью лиц девушку-китаянку. — Гомик сраный, вот кто ты! — еще пронзительней взвизгнула она.

— Поцелуй себя в задницу! Поцелуй себя в задницу! — завывали остальные, усевшись в круг на ковре.

Директор-распорядитель, в красных шароварах и розовых туфлях, радостно ухмылялся. Крошечные глазки-щелочки весело блестели. Он раскачивался взад-вперед, подобрав под себя длинные тощие ноги.

— Покажи нам свою задницу!!! Вонючую задницу!

Это особенно развеселило директора-распорядителя, и он начал подпевать общему хору скрипучим и монотонным голосом. Казалось, скрипели дверные петли.

— Гомик сраный! — уже почти в истерике завывала китаянка. Ее соседка надувала щеки и хлопала по ним ладонями, издавая неприличные звуки.

— Иди, иди сюда! — Китаянка развернулась и выставила зад, тыча в него пальцем. — Поцелуй меня в задницу, ты ведь любишь целоваться! Иди сюда, целуй, гомик!!!

— Поцелуй нас, поцелуй! — надрывалась толпа.

Брюс закрыл глаза, но легче не стало.

— Ты гомик! — медленно и монотонно произ-

нес директор-распорядитель. — Дерьмо! Падаль! Срань вонючая! Ты…

Звуки в ушах смешивались, превращаясь в нечленораздельный звериный вой. Один раз, когда общий хор на мгновение стих, он различил голос Майка и открыл глаза. Майк сидел с багровым лицом, затянутый в тесный галстук, и бесстрастно смотрел вперед, на него.

— Брюс, зачем ты здесь? Что ты хочешь нам сказать? Ты можешь что-нибудь рассказать о себе?

— Гомик!!! — заорал кто-то, подпрыгивая на месте, как резиновый мяч. — Кто ты, гомик?

— Расскажи нам! — заверещала, вскочив, китаянка. — Ты, грязный гомик, падаль, жополиз, дерьмо!!!

— Я… — выдавил он. — Я…

— Ты вонючее дерьмо, — сказал директор-распорядитель. — Слабак. Блевотина. Мразь.

Он больше ничего не мог разобрать, все смешалось. Казалось, он перестал понимать смысл слов и вдобавок забыл сами слова. Только продолжал чувствовать присутствие Майка, его пристальный взгляд. Он ничего больше не знал, не помнил, не чувствовал. Плохо… Скорей бы уйти. В душе росла пустота. И это немного утешало.

— Вот, гляди, — сказала женщина, открывая

дверь. — Здесь мы и держим этих чудищ.

Брюс вздрогнул: шум за дверью стоял ужасающий. В комнате играла целая орава маленьких детей.

Вечером он заметил, как двое мужчин постарше, сидя в уголке за ширмой рядом с кухней, угощали детей молоком и печеньем. Повар Рик выдал им все это отдельно, пока остальные ждали ужина в столовой.

— Любишь детей? — улыбнулась китаянка, которая несла в столовую поднос с тарелками.

— Да.

— Можешь поесть вместе с ними.

— Правда?

— А кормить их тебе позволят позже, через месяц-другой… — Она замялась. — Когда мы будем уверены, что ты их не ударишь. У нас правило: детей никогда не бить, что бы они ни вытворяли.

— Хорошо.

Глядя, как дети едят, он вновь ощутил тепло жизни. Один малыш забрался к нему на колени. Они ели из одной тарелки, и им было одинаково тепло. Китаянка улыбнулась и ушла с тарелками в столовую.

Он долго сидел там, держа на руках то одного ребенка, то другого. Пожилые мужчины приня-

лись ссориться, поучая друг друга, как правильно кормить детей. Пол и столы были усеяны пятнами, крошками и недоеденными кусками. Осознав вдруг, что дети уже наелись и переходят в игровую комнату смотреть мультики, Брюс встал и, неловко наклонившись, стал подбирать мусор.

— Брось, это моя работа! — прикрикнул на него один из мужчин.

— Ладно. — Он разогнул спину, ударившись головой об угол стола, и с недоумением посмотрел на куски пищи в своих руках.

— Иди лучше помоги прибраться в столовой, — велел другой мужчина, слегка заикаясь.

— Чтобы здесь находиться, нужно разрешение, — сказал кто-то с кухни, проходя мимо. — Это для стариков, которые больше ничего не могут — только сидеть с детишками.

Брюс кивнул и продолжал стоять, озадаченный.

Из всех детей в комнате осталась только одна девочка. Она смотрела на него, широко раскрыв глаза.

— Тебя как зовут?

Он молчал.

— Я спрашиваю, как тебя зовут?

Брюс осторожно дотронулся до отбивной на

тарелке; она уже остыла. Но он знал, что рядом ребенок, и чувствовал тепло. Нежным мимолетным движением он коснулся волос девочки.

— Меня зовут Тельма. Ты забыл свое имя? — Она похлопала его по плечу. — Чтобы не забывать имя, напиши его на ладони. Показать как?

— А не смоется? Вымою руки или пойду в душ — и все…

— Действительно… — согласилась девочка. — Что ж, можно написать на стене над головой, в комнате, где ты спишь. Только высоко, чтобы не смылось. А потом, когда захочешь вспомнить…

— Тельма, — пробормотал он.

— Нет, это *мое* имя. У тебя должно быть другое. Это имя для девочки.

— Надо подумать.

— Если мы еще увидимся, я дам тебе имя, — предложила Тельма. — Хочешь?

— Разве ты не здесь живешь?

— Здесь, но моя мама уедет. Заберет нас — меня и брата — и уедет.

Он кивнул. Тепло стало рассасываться.

Неожиданно, без всякой видимой причины, девочка убежала.

Я должен найти имя, подумал он, это мой долг. Он стал рассматривать свою ладонь и тут же

удивился: зачем — ведь там ничего нет. Брюс, вот мое имя. Хотя должны быть и лучшие имена…

Тепло исчезло. Он чувствовал себя одиноким и потерянным. И очень несчастным.

* * *

Майка Уэстуэя послали на грузовике за полусгнившими овощами, пожертвованными «Новому пути» одним из местных супермаркетов. Убедившись, что за ним не следят, Майк позвонил из автомата и встретился в «Макдоналдсе» с Донной Хоторн.

Сели на улице, поставив на деревянный столик гамбургеры и кока-колу.

— Ну как, удалось нам его внедрить? — спросила Донна.

— Да, — ответил Уэстуэй. А сам подумал: парень слишком выгорел, какая от него польза. Вряд ли мы так чего-то достигнем. И все же иного пути не было.

— Он не вызывает подозрений?

— Нет.

— Вы убеждены, что препарат выращивают?

— Я — нет. Убеждены они. — Те, кто нам платит, подумал он.

— Что означает название?

— *Mors ontologica?* Смерть духа. Личности. Сути.

— Он сможет выполнить свою задачу?

Уэстуэй мрачно молчал, ковыряясь в еде и поглядывая на прохожих.

— Не знаете?

— Этого никто не может знать. Память… Несколько сгоревших клеток вдруг оживают. Словно рефлекс. От него требуется не выполнять — реагировать. Нам остается лишь надеяться. Верь, надейся и раздавай свои денежки, как учил апостол Павел.

Майк смотрел на хорошенькую темноволосую девушку напротив, видел ее умный взгляд и начинал понимать, почему Боб Арктор… нет, не Арктор, Брюс; меньше знаешь — лучше спишь… почему Брюс только о ней и думал. Когда еще был способен думать.

— Он отлично натренирован, — произнесла Донна сдавленным голосом. И вдруг на ее красивое лицо легло выражение скорби, заостряя все черты. — Господи, какой ценой… — пробормотала она и сделала глоток из стакана.

А иначе никак нельзя, думал Майк. К ним не пробьешься. Я не смог, сколько ни пытался. Туда допускают только абсолютно выгоревших,

безвредных, от которых осталась одна оболочка. Вроде Брюса. Он *должен* был стать таким… каким стал.

— Правительство требует слишком многого, — сказала Донна.

— Этого требует жизнь.

Ее глаза сузились и засверкали.

— В данном случае — федеральное правительство. Конкретно. От вас, от меня. От… — она запнулась, — от того, кто был моим другом.

— Он до сих пор ваш друг.

— То, что от него осталось, — горько промолвила Донна.

То, что от него осталось, думал Майк Уэстуэй, все еще ищет тебя. По-своему.

Им тоже овладела тоска. Но день по-прежнему был хорош, люди веселы, воздух свеж. И впереди маячила возможность успеха — это придавало сил. Они многого достигли. Цель близка.

— Наверно, нет ничего ужаснее, чем жертвовать живым существом, которое даже *не догадывается.* Если бы оно понимало и добровольно вызвалось… — Донна взмахнула рукой. — Он не знает. И не знал. Он не вызывался…

— Вызывался. Это его работа.

— Он и понятия не имел. И не имеет, потому

что сейчас у него нет вообще никаких понятий. Вы знаете не хуже меня. И не будет. Никогда-никогда, сколько бы он ни прожил. Останутся одни рефлексы. Это произошло не случайно, все было запланировано. Мы на это рассчитывали. На мне тяжелейшая вина. Я чувствую на плечах… труп — труп Боба Арктора. Хотя формально он жив.

Она повысила голос. Люди за соседними столиками отвлеклись от своих гамбургеров и с любопытством смотрели в их сторону. Майк Уэстуэй сделал знак, и Донна с видимым усилием взяла себя в руки.

После некоторой паузы Уэстуэй произнес:

— Нельзя допросить того, у кого нет разума.

— Мне пора на работу. — Донна взглянула на часы. — Я сообщу руководству, что, по вашему мнению, все в порядке.

— Надо дождаться зимы, — сказал Уэстуэй.

— Зимы?

— Да, не раньше. Не спрашивайте почему. Уж так есть: либо получится зимой, либо не получится вовсе.

— Подходящее время. Когда все мертво и занесено снегом.

Он рассмеялся:

— В Калифорнии-то?

— Зима духа. *Mors ontologica.* Когда дух мертв.

— Только спит. — Уэстуэй поднялся, положил руку ей на плечо.

В голову почему-то пришла мысль, что эту кожаную куртку ей, возможно, подарил Боб Арктор. В былые счастливые дни.

— Мы слишком долго над этим работали, — сказала Донна тихим, ровным голосом. — Скорей бы все кончилось, не хочу больше. Иногда по ночам, когда не идет сон, мне кажется, что мы холоднее их. Холоднее врага.

— Я не чувствую в вас холода, — возразил Майк. — Я вижу перед собой самого теплого человека из всех, кого знаю.

— Я тепла снаружи: это видимость. Теплые глаза, теплое лицо, теплая фальшивая улыбка, черт бы ее побрал! Внутри я холодна и полна лжи. Я не такая, какой кажусь; я отвратительна. — Она говорила спокойно, с улыбкой. Глаза с расширенными зрачками смотрели ласково и невинно. — Я давно поняла, что другого выхода нет, и заставила себя стать такой. Это не так уж плохо — легче добиться своей цели. Все люди такие, в большей или меньшей степени. Что действительно кошмарно — это ложь. Я лгала своему другу, лгала Бобу Арктору постоянно. Однажды я

сказала ему, чтобы он мне не верил, — и, конечно, он решил, что я шучу. Но я его предупреждала. Он сам виноват.

— Вы сделали все, что могли. И даже более того.

Донна встала из-за стола.

— Ладно, стало быть, пока мне докладывать почти нечего. Только ваши заверения, что его приняли. И что им не удалось ничего вытянуть из него с помощью своих… — ее передернуло, — своих отвратительных игр.

— Совершенно верно.

— До встречи. — Она помолчала. — Правительство вряд ли захочет ждать до зимы.

— Придется, — сказал Уэстуэй. — Ждите и молитесь.

— Все это чушь, — бросила Донна. — Я имею в виду молитвы. Когда-то давно я молилась, и много, — а теперь бросила. Если бы молитвы действовали, нам не пришлось бы заниматься тем, чем мы занимаемся. Еще одна фальшивая легенда.

— Как и многое другое, — сказал он, делая несколько шагов ей вслед, стараясь хоть немного продлить эту встречу. — Я не думаю, что вы погубили своего друга. Вы сами жертва в той же

степени. Только по вашему виду не скажешь. Так или иначе, выбора не было…

— Я отправлюсь в ад. — Донна вдруг улыбнулась — задорной мальчишеской улыбкой. — Я ведь католичка.

И пропала в толпе.

Уэстуэй растерянно заморгал. Должно быть, так чувствовал себя Боб Арктор. Только что она была тут, живая, осязаемая; и вдруг — ничего. Исчезла. Растворилась среди обычных людей, которые всегда были и всегда будут. Она из тех, что приходят и уходят по своей воле. И ничто, никто не может удержаться с ней рядом.

Я пытаюсь поймать ветер. Как пытался Арктор. Агенты по борьбе с наркоманией неуловимы. Тени, исчезающие, когда того требует работа. Словно их и не было. Арктор любил призрак, голограмму, сквозь которую нормальный человек пройдет, не оставив и следа. Даже не прикоснувшись к ней — к самой женщине.

Функция Бога, думал Майк, превращать зло в добро. И если Он присутствует здесь, то именно этим сейчас и занимается, хотя наши глаза не могут этого увидеть. Все происходит там, глубоко под слоем реальности, и проявится лишь потом. Станет видно, может быть, лишь нашим потом-

кам, которые ничего не будут знать об ужасной войне, которую мы ведем, и о наших потерях, разве что найдут несколько строк мелким шрифтом в какой-нибудь исторической ссылке. И списка павших там не будет.

Им нужно поставить памятник. Всем тем, кто погиб. И тем, кто — еще хуже — не погиб. Остался жить после смерти. Как Боб Арктор.

Донна, наверное, работает по индивидуальному контракту, не в штате. Такие наиболее неуловимы, они пропадают навсегда. Новые имена, новые адреса. Ты спрашиваешь себя: где она теперь? А ответ…

Нигде. Потому что ее и не было.

Вернувшись за столик, Майк Уэстуэй доел гамбургер и допил кока-колу. В «Новом пути» кормили неважно. Так что даже если этот гамбургер сделан из перемолотых коровьих задниц…

Вернуть Донну, найти, привязать к себе… Я повторяю ошибку Арктора. Возможно, ему даже лучше теперь, когда он не осознает своей трагедии. Любить атмосферное явление — вот настоящее горе. Сама безнадежность. Ее имя не значится ни в одной книге, ни в одном списке; ни имя, ни место жительства. Такие девушки есть, и именно их мы любим больше всего — тех, кого

любить безнадежно, потому что они ускользают в тот самый миг, когда кажутся совсем рядом.

Возможно, мы спасли его от худшей участи, подумал Уэстуэй. И при этом пустили то, что осталось, на благое дело.

Если повезет.

* * *

— Ты знаешь какие-нибудь сказки? — спросила Тельма.

— Я знаю историю про волка, — сказал Брюс.

— Про волка и бабушку?

— Нет. Про черно-белого волка, который жил на дереве и прыгал на фермерскую скотинку. Однажды фермер собрал всех своих сыновей и всех друзей своих сыновей, и они встали вокруг дерева. Наконец волк спрыгнул на какую-то паршивую бурую тварь, и тогда они все разом его пристрелили.

— Ну, — расстроилась Тельма, — это грустная история.

— Но шкуру сохранили, — продолжал Брюс. — Черно-белого волка освежевали и выставили его прекрасную шкуру на всеобщее обозрение, чтобы все могли подивиться, какой он был большой и сильный. И последующие поколения много

говорили о нем, слагали легенды о его величии и отваге и оплакивали его кончину.

— Зачем же тогда стреляли?

— У них не было другого выхода. С волками всегда так поступают.

— Ты знаешь еще истории? Повеселее?

— Нет, — ответил Брюс. — Это единственная история, которую я знаю.

Он замолчал, вспоминая, как волк радовался своим изящным прыжкам, какое удовольствие испытывал от своего мощного тела. И теперь этого тела нет, с ним покончили. Ради каких-то жалких тварей, все равно предназначенных на съедение. Ради неизящных, которые никогда не прыгали, никогда не гордились своей статью. С другой стороны, они остались жить, а черно-белый волк не жаловался. Он ничего не сказал, даже когда в него стреляли; его зубы не отпускали горло добычи. Он погиб впустую. Но иначе не мог. Это был его образ жизни. Единственный, который он знал. И его убили.

— Я — волк! — закричала Тельма, неуклюже подпрыгивая. — Уф! Уф!

Она ковыляла, прихрамывая, и пыталась хватать разные предметы, однако промахивалась. В этом было что-то странное. Вдруг его охватил

ужас.

Брюс наконец понял, что ребенок — калека.

— Ты не волк, — сказал он.

Какое несчастье, как это могло получиться? Такого…

Ich unglücksel'ger Atlas! Eine Welt,
Die ganze Welt der Schmerzen muss ich tragen,
Ich trage Unerträgliches, und brechen
Will mir das Herz im Leibe.[15]

…просто не должно быть.

Брюс повернулся и ушел.

А Тельма продолжала играть. Подпрыгнула, споткнулась и упала.

Интересно, что она почувствовала, подумал он.

* * *

Брюс плелся по коридору и искал пылесос. Ему

---

[15] Примечания: 15

Я Атлас злополучный! Целый мир,
Весь мир страданий на плечи подъемлю,
Подъемлю непосильное, и сердце
В груди готово разорваться.

Г. Гейне, перевод с немецкого Александра Блока.

велели тщательно пропылесосить помещение для игр, где дети проводили почти все дни.

— По коридору направо, — сказал ему Эрл.

Подойдя к закрытой двери, Брюс сначала постучал, а потом толкнул ее. Дверь открылась. Посреди комнаты старая женщина пыталась жонглировать тремя резиновыми мячиками. Она повернула голову, встряхнула растрепанными седыми волосами и улыбнулась. На ногах у нее были гольфы и теннисные туфли. Брюс увидел запавшие глаза и пустой беззубый рот.

— Ты так можешь? — прошепелявила она и подбросила все три мячика. Они упали ей на голову, на плечи, запрыгали по полу. Старуха засмеялась, брызгая слюной.

— Не могу, — сказал он. Им овладел страх.

— А я могу. — Старуха подняла мячики иссохшими руками и прищурилась, стараясь все сделать правильно.

В дверь вошел человек и остановился за спиной у Брюса.

— Давно она тренируется? — спросил Брюс.

— Порядком. — И к старухе: — Попробуй еще. Почти получается.

Старуха хихикала, снова и снова высоко подбрасывала мячики, втягивала голову, когда они

сыпались на нее, и, скрипя всеми суставами, подбирала их с пола.

Человек рядом с Брюсом презрительно фыркнул.

— Тебе надо вымыться, Донна. Ты грязная.

Брюс потрясенно сказал:

— Это не Донна. Разве это Донна?

Он пристально взглянул на старуху и почувствовал смятение: в ее глазах стояли слезы, но она смеялась. Все еще смеясь, она швырнула в него все три мячика. Он еле уклонился.

— Нет, Донна, нельзя, — сказал человек рядом с Брюсом. — Не кидай в людей. Делай так, как учили по телевизору: бросай, лови и снова бросай. Только сначала иди помойся, от тебя несет.

— Ладно, — согласилась старуха и засеменила прочь, сгорбленная и маленькая, оставив мячи на полу.

Человек рядом с Брюсом закрыл дверь, и они пошли по коридору.

— Давно она здесь?

— До меня, а я уже шесть месяцев. Хотя жонглировать она учится всего неделю.

— Тогда это не Донна, — твердо заявил Брюс. — Потому что я приехал неделю назад.

Донна привезла меня сюда в своей малолитраж-

ке, вспомнил он. Точно, мы еще останавливались, чтобы залить радиатор. Как она была хороша — темноволосая, темноглазая, тихая и собранная. В аккуратной кожаной куртке, в сапогах и с сумочкой, на которой висела кроличья лапка.

Он пошел дальше, продолжая искать пылесос. На душе стало гораздо легче. Но он не понимал почему.

Глава 15

— Можно я буду работать с животными? — попросил Брюс.

— Нет, — сказал Майк. — Пожалуй, я направлю тебя на одну из наших ферм. Побудешь месячишко на полевых работах, посмотрим, как справишься. На свежем воздухе, поближе к земле. Люди слишком стремятся к небу со своими ракетами и спутниками. А думать надо о…

— Я хочу быть с кем-то живым.

— Земля живая, — наставительно произнес Майк. — Она еще не умерла. Ты получишь от нее много пользы. Тебе приходилось иметь дело с сельским хозяйством? Ну там, семена, обработка почвы, сбор урожая?

— Я работал в офисе.

— Теперь будешь работать в поле. Если твой разум вернется, то только естественным путем. Нельзя *заставить* себя снова думать. Можно лишь упорно трудиться, например, сажать семена, или пахать землю на наших овощных плантациях — так мы их называем, — или бороться с вредителями. Мы опрыскиваем насекомых

из пульверизатора. Однако с химическими веществами надо быть крайне осторожным, иначе они принесут больше вреда, чем пользы. Они могут отравить не только урожай и почву, но и человека, который пустит их в дело. Проесть его голову. Как проело твою.

— Хорошо, — сказал Брюс.

Тебя опрыскали, думал Майк, и ты стал букашкой. Опрыскай букашку ядом, и та сдохнет; опрыскай человека, обработай его мозги, и он превратится в насекомое, будет вечно трещать и щелкать, двигаясь по замкнутому кругу. Повинуясь рефлексу, как муравей. Исполняя последнюю команду.

Ничто новое не войдет в этот мозг, думал Майк, потому что мозга нет. Как и человека, который был в нем заключен. Которого я никогда не знал.

Но может быть, если привести его на нужное место, если наклонить ему голову, он еще сумеет посмотреть вниз и увидеть землю. Сумеет осознать, что это земля. И поместить в нее нечто отличное от себя, нечто *живое.* Чтобы оно росло. Ибо это то, чего сам он делать уже не может, — расти. Может лишь умирать дальше, пока не умрет совсем и мы не похороним его. У мертвого нет будущего, только прошлое. А у Арктора

— Фреда — Брюса нет даже прошлого — лишь только то, что перед глазами.

Майк вел грузовик, рядом на сиденье подпрыгивало обмякшее тело. Оживленное машиной.

Уж не «Новый…» ли «… путь» сделал это с ним, думал Майк: породил препарат, который в конечном итоге *вернул его к себе?*

Директор-распорядитель сказал, что их цели будут открыты ему, когда он проработает в штате еще два года.

Эти цели, сказал директор-распорядитель, не имеют ничего общего с лечением наркомании.

На какие средства существует «Новый путь» — известно одному лишь Дональду, директору-распорядителю. Но недостатка в средствах не было никогда. Что ж, думал Майк, производство и распространение препарата «С» должно приносить огромные деньги. Достаточные, чтобы «Новый путь» рос и процветал. И чтобы оставалось еще на ряд других целей.

Смотря для чего предназначен «Новый путь».

Майк знал — федеральное правительство знало — то, чего не знала ни общественность, ни даже полиция. Препарат «С» не синтезировали в лаборатории; как и героин, препарат «С» был органического происхождения.

Так что, скорее всего, «Новый путь» *рос и процветал* в буквальном смысле.

Живые, думал Майк, никогда не должны служить целям мертвых. Но мертвые — он взглянул на Брюса, на трясущуюся рядом пустую оболочку — по возможности должны служить целям живых.

Таков закон жизни.

И вполне возможно, что мертвые, если они чувствуют что-то, чувствуют себя от этого лучше.

Мертвые, думал Майк, которые еще могут видеть, даже ничего не понимая, — это наши глаза. Наша камера.

Глава 16

В кухне под раковиной, среди щеток, ведер и ящиков мыла, он нашел маленькую косточку. Она походила на человеческую, и он подумал — не Джерри ли это Фабин?

Невольно вспомнилось, что давным-давно он делил дом с двумя парнями, и у них была шутка о крысе по имени Фред, которая жила под раковиной. Они рассказывали гостям, что однажды, когда их совсем припекло, бедного старого Фреда пришлось съесть.

Может, это косточка жившей под раковиной крысы, которую они придумали, чтобы было не так тоскливо?

* * *

— Парень совсем выгорел, хотя с виду было незаметно. Раз он приехал в Вентуру — разыскивал старого друга. Узнал дом, по памяти, без всякого номера, остановился и спрашивает, где найти Лео. Ему отвечают: «Лео умер». А парень и выдает им: «Хорошо, я загляну в четверг». И уехал. В четверг, наверное, вернулся — опять

искать Лео. Каково, а?

Потягивая кофе, Брюс слушал разговоры в гостиной.

— …в телефонной книге записан всего один номер, на каждой странице, и по этому номеру можешь звонить куда хочешь… Я говорю о совершенно ошизевшем обществе… И у себя в бумажнике ты носишь этот номер, *единственный* номер, записанный на разных визитных карточках и листочках. И если номер забыл, то не позвонишь никому.

— А справочная?

— У нее тот же номер.

Он внимательно слушал. Интересное, должно быть, местечко. Звонишь, а тебе говорят: «Вы ошиблись». Снова набираешь тот же самый номер — и попадаешь куда надо.

Идешь к врачу — а врач только один и специализируется на всем, — и тебе прописывают лекарство, одно на все случаи жизни. Относишь рецепт в аптеку, и там выдают единственное средство, которое у них есть, — аспирин. И тот лечит все болезни.

Закон тоже один, и все нарушают его снова и снова. Полицейский кропотливо помечает, какой параграф, какой пункт, какой раздел, — всегда од-

но и то же. И за любое нарушение — от перехода улицы в неположенном месте до государственной измены — одно наказание: смертная казнь. Общественность требует отменить смертную казнь, но это невозможно, потому что тогда, скажем, за неправильный переход вовсе не будет наказания. И так, нарушая закон, постепенно все вымерли.

Наверное, подумал он, когда люди узнали, что последний из них умер, они сказали: «Интересно, какие они были? Давайте-ка заглянем в четверг!»

Он неуверенно рассмеялся и, когда его попросили, повторил мысль вслух. И все в гостиной тоже засмеялись.

— Отлично, Брюс!

Шутка прижилась и стала общим достоянием Самарканд-хауса. Когда кто-нибудь чего-нибудь не понимал или не мог найти того, за чем его посылали — например, рулон туалетной бумаги, — то обычно говорил: «Что ж, я, пожалуй, зайду в четверг». Эта шутка приписывалась Брюсу и стала своего рода его визитной карточкой, как у комиков на телевидении.

Позже, на одной из вечерних Игр, когда обсуждали, какую каждый из них принес пользу,

решили, что Брюс принес в «Новый путь» юмор. Принес способность видеть смешную сторону вещей, как бы ни было плохо. Собравшиеся в круг дружно зааплодировали, и, с удивлением подняв глаза, он увидел со всех сторон улыбки и теплые одобрительные взгляды. Эти аплодисменты надолго остались в его сердце.

Глава 17

В конце августа того же года его перевели на ферму в Северной Калифорнии, в краю виноградников.

Приказ о перемещении подписал Дональд Абрахамс, директор-распорядитель фонда «Новый путь», по представлению Майкла Уэстуэя, служащего фонда, который принимал особое участие в судьбе Брюса. Было учтено, в частности, то, что участие в Играх не принесло ожидаемых результатов и даже ухудшило состояние пациента.

— Тебя зовут Брюс, — сказал управляющий фермой, когда Брюс неуклюже вылез из машины, волоча за собой чемодан.

— Меня зовут Брюс, — сказал он.

— Мы попробуем тебя на полевых работах, Брюс.

— Хорошо.

— Я думаю, тебе понравится здесь.

— Я думаю, мне понравится, — сказал Брюс. — Здесь.

Управляющий придирчиво осмотрел его.

— Тебя недавно постригли?

— Да, меня недавно постригли. — Брюс прикоснулся к бритой голове.

— За что?

— Меня постригли, потому что нашли на женской половине.

— В первый раз?

— Во второй. — Брюс стоял, не выпустив чемоданчика. Управляющий жестом велел поставить его на землю. — В первый раз меня постригли за буйство.

— Что ты сделал?

— Я швырнул подушку.

— Хорошо, Брюс, — сказал управляющий. — Идем, я покажу, где ты будешь жить. У нас здесь нет большого дома, а есть маленькие домики, в которых размещаются по шесть человек. Там спят, готовят себе пищу и отдыхают, когда не работают. Здесь нет Игры, только работа. Игр больше не будет, Брюс.

На лице Брюса появилась улыбка.

— Ты любишь горы? — Управляющий указал направо. — Гляди: горы. На их склонах выращивают отличный виноград. Мы не растим виноград. Мы растим разные другие культуры, но не виноград.

— Я люблю горы, — сказал Брюс.

— Посмотри на них. — Управляющий снова указал; Брюс не повернул головы. — Мы подберем тебе шляпу. Работать в поле без головного убора нельзя. Пока нет шляпы, на работу не выходи. Ясно?

— Не выходить на работу без шляпы, — повторил Брюс.

— Здесь хороший воздух, — сказал управляющий.

— Я люблю воздух, — сказал Брюс.

Управляющий жестом приказал Брюсу взять чемодан и следовать за ним. Он то и дело поглядывал назад и чувствовал себя не в своей тарелке. Знакомое ощущение — ему всегда было не по себе, когда приезжали… такие.

— Мы все любим воздух, Брюс. В самом деле любим. Это у нас общее.

Он подумал: по крайней мере, *это* у нас еще общее.

— Я буду видеться со своими друзьями? — спросил Брюс.

— С друзьями из «Нового пути» в Санта-Ане?

— С Майком, и Лаурой, и Джорджем, и Донной, и…

— Сюда к нам приезжать нельзя, — объяснил управляющий. — Это закрытая зона. Но ты, воз-

можно, будешь ездить туда пару раз в год. У нас бывают общие встречи: на Рождество и…

Брюс остановился.

— Следующая встреча — на Благодарение, — сказал управляющий, махнув ему рукой. — Рабочие на два дня поедут туда, откуда они к нам попали. А потом вернутся — до Рождества. Так что с друзьями увидишься через три месяца. Если их самих куда-нибудь не переведут. Но учти: у нас в «Новом пути» нельзя завязывать с кем-то отдельных отношений. Тебе говорили? Мы все — одна семья.

— Я понимаю, — сказал Брюс. — Мы это учили, когда проходили Закон «Нового пути». Можно мне попить?

— Мы покажем тебе, где здесь вода. — Управляющий повел Брюса к ряду однотипных сборных домиков. — Это закрытая зона, поскольку мы выращиваем экспериментальные гибридные культуры и боимся заражения насекомыми-вредителями. Люди могут случайно пронести их сюда на одежде, обуви и даже в волосах. — Он ткнул пальцем в первый попавшийся домик. — Твой домик — «четыре-Д». Запомнишь?

— Они такие похожие… — пожаловался Брюс.

— Можешь прибить что-нибудь к стене, чтобы

легче его узнавать. Что-нибудь яркое. — Управляющий толкнул дверь, изнутри полыхнуло горячим спертым воздухом. — Думаю, сперва мы поставим тебя на артишоки, — размышлял он вслух. — Тебе придется носить перчатки — они колючие.

— Артишоки, — сказал Брюс.

— У нас есть и грибы. Экспериментальные грибные фермы. Конечно, закрытые, чтобы патогенные споры не заражали почву.

— Грибы, — повторил Брюс, входя в жаркое темное помещение.

Управляющий смотрел на него с порога.

— Да, Брюс, — сказал он.

— Да, Брюс, — сказал Брюс.

— Брюс, — окликнул управляющий. — Очнись!

Он кивнул, застыв в полумраке, все еще не выпуская из рук чемодана.

Стоит им оказаться в темноте, как они сразу клюют носом, подумал управляющий. Словно цыплята. Овощ среди овощей. Грибок среди грибков.

Он включил свет и начал показывать Брюсу нехитрое хозяйство. Брюс не обращал внимания — он впервые заметил горы и теперь смотрел на них широко открытыми глазами.

— Горы, Брюс, горы.

— Горы, Брюс, горы… — повторил Брюс, не отрывая глаз.

— Эхолалия, Брюс, эхолалия, — вздохнул управляющий.

— Эхолалия, Брюс, эхо…

— Хорошо, Брюс. — Управляющий закрыл дверь домика и подумал: я поставлю его на морковь. Или на свеклу. На что-нибудь простое. На то, что его не озадачит.

А на вторую койку — другой овощ. Для компании. Пусть дремлют свои жизни вместе, в унисон. Рядками. Целыми акрами.

* * *

Его развернули лицом к полю, и он увидел хлеба, поднимающиеся, словно зазубренные дротики. Он нагнулся и заметил у самой земли маленький голубой цветок. Множество цветков на коротких жестких стеблях. Словно щетина. Жнивье. Наклонившись к цветам, чтобы лучше их рассмотреть, Брюс понял, как их много. Целые поля цветов, укрытых сверху высокими колосьями. Спрятанные среди более высоких растений, как часто сажают фермеры: одни посадки среди других. Как в Мексике сажают марихуану — что-

бы не заметила полиция с джипов.

Но тогда ее засекают с воздуха. И полиция, обнаружив плантацию, расстреливает из пулемета фермера, его жену, их детей и даже животных. И уезжает, сопровождаемая сверху вертолетом.

Очаровательные голубые цветочки.

— Ты видишь цветок будущего, — сказал Дональд, директор-распорядитель «Нового пути». — Но он не для тебя.

— Почему не для меня? — спросил Брюс.

— Ты уже перебрал, достаточно! — хохотнул директор-распорядитель. — Так что хватит поклоняться. Это уже не твой кумир, не твой идол.

Он решительно похлопал Брюса по плечу, а потом, наклонившись, закрыл рукой цветы от его прикованного взгляда.

— Исчезли, — сказал Брюс. — Весенние цветы исчезли.

— Нет, ты просто не можешь их видеть. Эта философская проблема слишком сложна для тебя: она относится к теории познания.

Брюс видел только загораживающую свет ладонь Дональда и смотрел на нее целое тысячелетие. Все было закрыто и заперто, заперто навсегда для мертвых глаз по ту сторону времени. Взгляд — намертво прикованный к руке, что за-

стыла навечно. И время застыло, и взгляд застыл, и вселенная застыла вместе с ними, по крайней мере для него — абсолютно неподвижная и в то же время абсолютно постижимая. Все уже было, и ничего больше произойти не могло.

— За работу, Брюс, — велел Дональд, директор-распорядитель.

— Я видел, — сказал Брюс.

Я знаю, подумал он. Я видел, как растет препарат «С». Я видел, как голубым покрывалом на коротких жестких стебельках лезет из земли сама смерть.

Дональд Абрахамс и управляющий фермой переглянулись, а потом посмотрели на коленопреклоненную фигуру, на человека, опустившегося на колени перед *Mors ontologica.*

— За работу, Брюс, — сказал коленопреклоненный и поднялся на ноги.

Он наблюдал — не оборачиваясь, не в силах обернуться, — как Дональд и управляющий, переговариваясь между собой, сели в «Линкольн» и уехали.

Брюс наклонился, вырвал один стебелек с голубым цветком и засунул его поглубже в правый ботинок, под стельку. Подарок для моих друзей, подумал он. И крошечным уголком мозга, куда

никто не мог заглянуть, стал мечтать о Дне благодарения.

От автора

Это роман о людях, которые были наказаны чрезмерно сурово за свои деяния. Они всего лишь хотели повеселиться, словно дети, играющие на проезжей части. Одного за другим их давило, калечило, убивало — на глазах у всех, — но они продолжали играть. Мы были очень счастливы — не работая, а просто валяя дурака, — но такое короткое время, такое кошмарно короткое время! А расплата оказалась невероятно жестокой; даже когда мы видели ее, то не могли поверить. Например, в процессе работы над романом человек, с которого я писал Джерри Фабина, покончил самоубийством. Мой друг, послуживший прототипом Эрни Лакмена, умер еще раньше. Какое-то время я сам был одним из этих детей, веселящихся на улице; подобно им, я пытался играть, вместо того чтобы расти, — и был наказан. Мое имя находится в конце книги, в списке тех, кому посвящается роман.

Злоупотребление наркотиками — не болезнь. Это решение, сходное с решением броситься под машину. Скорее даже, это ошибка в суждении.

Если заблуждаются многие, это уже социальная ошибка, ошибка в образе жизни. Девиз этого образа жизни: «Лови момент! Будь счастлив сейчас, потому что завтра ты умрешь». Но умирание начинается немедленно, а счастье лишь остается в памяти. Этот образ жизни не отличается в корне от вашего, он просто быстрее. Счет идет не на десятилетия, а на недели или месяцы. «Бери деньги, а долг пусть растет», — говорил Вийон в 1460 году. Но так нельзя, если денег — грош, а расплачиваться всю жизнь.

Роман лишен назидания. Он не учит наставительно, что им следовало работать, а не играть; он всего лишь описывает последствия. В греческой драме открыли причинно-следственную связь. Немезида в этой книге — не судьба, потому что любой из нас мог принять решение уйти с проезжей части. Из глубины души я рассказываю о чудовищной Немезиде для тех, кто продолжал играть. Сам я — не персонаж; я — роман. Как, впрочем, и все наше общество. Речь идет о гораздо большем числе людей, чем я знал лично. О некоторых мы читали в газетах. Все это баклушничанье, шалопайство, болтовня с закадычными дружками под любимые записи, все это — ужасное решение шестидесятых. И природа обрушила

на нас кару.

Кара, как я уже говорил, невероятно жестокая, и я предпочитаю думать о ней с безучастностью греческой драмы, по-научному, как о предопределенном следствии, неумолимо вызванном причиной.

Вот список тех, кому я посвящаю свою любовь:

Гейлин — нет в живых;

Рей — нет в живых;

Фрэнси — тяжелый психоз;

Кэти — необратимые изменения головного мозга;

Джим — нет в живых;

Вэл — обширные необратимые изменения головного мозга;

Нэнси — тяжелый психоз;

Джоан — необратимые изменения головного мозга;

Марен — нет в живых;

Ник — нет в живых;

Терри — нет в живых;

Деннис — нет в живых;

Фил — необратимые изменения поджелудочной железы;

Сью — необратимые изменения сосудистой системы;

Джерри — тяжелый психоз и необратимые изменения сосудистой системы…

…и так далее.

Вечная память. Это все мои друзья, лучших просто не бывает. Все они живы в моей памяти, и врагу, погубившему их, нет прощения. Этим врагом была их ошибка в игре. Так пусть им будет позволено поиграть еще, как-нибудь иначе, и да будут они счастливы!